

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ГВАДЕЛОРКА

НОВЫЙ
РОМАН
ВЕЛИКОГО
ПИСАТЕЛЯ!

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

БРИГ «АРТЕМИДА»
ГВАДЕЛОРКА

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ГВАДЕЛОРКА

ЭКСМО

МОСКВА

2009

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 78

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *С. Атрошенко*

Крапивин В. П.
К 78 Гваделорка : фантастический роман / В. П. Крапивин. — М. : Эксмо, 2009. — 384 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-33472-8

Эта книга является второй частью дилогии «Стальной волосок». В первой части дилогии, романе «Бриг «Артемиды», рассказывалось о событиях, происходящих в XIX веке, «Гваделорка» рассказывает уже о современных школьниках, разгадывающих сложные и запутанные тайны прошлого.

УДК 82-312.9
ББК 84 (2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-33472-8

© Крапивин В.П., 2009
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2009

САМЫЙ ДЛИННЫЙ
ДЕНЬ

Помидоры

1

Помидоры сияли на солнце. Горели, как стоп-сигналы, собранные в большую горсть. Они лежали в сумке, сплетенной из капроновой лески, и вместе с ней качались над немощной дорогой деревянной улицы. Сумку несла пожилая особа с прямой спиной. Она держала сумку в левой руке, а в правой — крепкую трость с узловатыми гладкими суставами.

Особу украшала сверху белая кружевная кепочка, а костюм ее состоял из похожей на мешочный куль кофты и узких клетчатых брюк.

Судя по трости и походке, характер у пожилой дамы был твердый.

За хозяйкой помидоров следовал в десяти шагах герой нашей книги — московский пятиклассник Ваня. Точнее — шестиклассник, поскольку с пятым классом он покончил счета три недели назад.

В начале июня Ваня приехал сюда на каникулы и теперь не спеша, с осторожным любопытством, знакомился с неведомым раньше городом...

А за решительной дамой Ваня шел просто так, без особых причин. Нравилось Ване смотреть на помидоры, от которых будто бы разлетались алые бабочки. Так ему казалось сначала. А сравнение со стоп-сигналами пришло во вторую очередь, но тоже было интересным...

«Конечно, помидоры — нездешние, — в такт шагам думалось Ване. — Южные какие-то. В этих краях для «томатного урожая» время придет еще не скоро...»

Стояло позднее июньское утро — жаркое и безоблачное. Нагретая дорожная пыль была тонкой, как серая пудра. Она припорошивала плетеные Ванины башмаки и успевшие подзагореть щиколотки. Извилистая улица тянулась среди утонувших в кленовых зарослях заборов, кривых домиков и сараев. Она была почти пуста (если не считать дамы с помидорами, Вани, рыжего кота в развилке столетнего тополя и кудлатого пса, разморенно дрыхнувшего на обочине). Потом сзади послышались лихие вскрики и шуршанье колес, появились трое на велосипедах.

Помидорные стоп-сигналы были наездникам не указ. Парни не сбавили скорость. Они со свистом пронеслись справа от Вани, а затем — слева от дамы с тростью. Тот, что впереди, крепко задел Ваню локтем, а задний зацепил педалью капроновую сетку. Сетка порвалась. Помидоры, как сбежавшие от бабки красные колобки, запрыгали в пыли.

Велосипедисты умчались вперед и весело затормозили у древних, украшенных остатками деревянного орнамента ворот. Коротко оглянулись, хохотнули. Заговорили между собой — крикливо и неразборчиво. «Ковбой недостреленные...» — мелькнуло у Вани (задетое твердым локтем плечо побаливало).

Хозяйка помидоров резко нагнулась, потом снова выпрямилась и вскинула подбородок. Теперь она стояла к Ване боком. Поза у женщины была надменная, и все же Ваня сразу увидел, что никакая она не «особа», а растерявшаяся интеллигентная бабушка.

— Хулиганы, — сказала бабушка, но не со злостью, а как-то вопросительно. Подумала и добави-

ла: — Просто шпана какая-то... — И посмотрела на Ваню. Наверно, в первый момент решила, что он из той же компании. Но не стоило труда, чтобы понять: явно не из той. Потому что поменьше и без «колес» и вообще не «хулиган» и не «шпана», а обычный мальчишка — вроде тех, что сейчас гоняют мячи на ближней спортплощадке у студенческого общежития.

Конечно, не было у мальчика никаких «столичных признаков», да и быть не могло, поскольку большинство пацанят такого возраста выглядят нынче одинаково на всем белом свете. Слегка растрепанный и непричесанный, но в общем-то «приличный ребенок» — в аккуратных плетенках на босу ногу, в похожей на футбольную форму одежонке из синей хлопковой ткани (недавний подарок бабушки Ларисы Олеговны, маминой мамы). Малость испуганный, но больше — раздосадованный.

Таким Ваня увидел себя как бы со стороны, глазами стоявшей неподалеку старой незнакомки.

Если бы в самом деле существовала футбольная команда с такой вот формой, называлась бы она, скорее всего, «Рыцарь» или «Айвенго». Потому что на рубашке была разноцветная, размером с кулак эмблема — голова в шлеме с поднятым забралом и надпись готическими буквами: «Ivanhoe».

Надо сказать, что этот вышитый знак в какой-то мере влиял на Ванино ощущение жизни. Не сильно влиял, почти незаметно, и все-таки... Посудите сами — одно дело, когда над карманом какой-нибудь Винни Пух или Микки-Маус, а другое — когда такой вот рыцарь. Как говорится, без страха и упрека... И Ваня остался на месте, хотя первое желание было удалиться независимой походкой: я, мол, ни при чем и ввязываться не обязан.

Он не удалился, что и послужило причиной событий, без которых не было бы этой истории...

— Безобразники... — выговорила «помидорная бабушка» со слабеньким таким ожесточением. «Ковбои» хохотнули опять, а самый большой и тощий оглянулся. Сказал назидательно:

— Не надо ходить по дороге, сударыня. На то есть в нашем городе тротуары.

Тротуары и в самом деле были — хлипкие мостки в три доски, тянувшиеся вдоль заборов среди лебеды и сурепки. Ходить по ним — ноги ломать.

Ваня встретился с «сударыней» глазами. Виногато мигнул. Оставалось одно — сказать: «Давайте, я вам помогу...» Он так и сделал. Подобрал из пыли и пушистых одуванчиков сетку, расправил. Дыра оказалась большущая (все помидоры выкатились). Ванина рубашка была без пуговиц, со шнуровкой на груди. Он выдернул шнурок и крупными витками стянул края капроновой прорехи. Сел на корточки и стал складывать в сетку помидоры. Хозяйка их сказала с высоты роста:

— Спасибо, голубчик... Слава богу, в нашем городе есть еще нормальные дети...

Мальчик Ваня (который был не из «нашего города») застеснялся пуще прежнего, заспешил. Потерял равновесие и встал коленом на коварно подкатившийся помидор. Один их самых крупных. Бр-р, будто придавил медузу...

— Ой, простите, я нечаянно...

— Какие пустяки... Но смотри, ты испачкал ногу.

— Какие пустяки... — бормотнул Ваня. Получилось будто нарочно, в тон собеседнице, и он смутился снова. Быстро встал, протянул нагруженную сетку. — Вот... готово...

— Спасибо, мой хороший...

В этот момент «ковбои» у ворот громко загого-

тали. Ваня бросил на них короткий, как выстрел, взгляд. Нет, они смеялись, конечно, не над ним и не над хозяйкой помидоров. Они сидели на великах, обернувшись к мальчишке и бабке пестрыми спинами. Старший (который обмолвился про «тропуары») был ближе всех. Его оттопыренные уши розово светились на солнце, рыжеватая стрижка-ежик искрилась. А крепкая голая шея была... такая соблазнительно-беззащитная.

Внутри у Вани случилась «отключка». Так он называл моменты, когда словно исчезали тормоза. Это случалось редко: например, если боялся, боялся, а потом с размаха перелетел через высоченного «коня» в спортзале; или вдруг возненавидел себя за трусость и сиганул с самой верхотурной площадки в бассейн; или с маху въехал по щекастой роже семиклассника Гути, который измывался над пацаненком из третьего «А» (ух как брызнуло у того из носа! «Елена Аркадьевна, я не понимаю, что с вашим мальчиком! Всегда был такой сдержанный, покладистый и вдруг... Если такое повторится, может встать вопрос о его переводе из гимназии в школу по месту жительства...»).

Вот и теперь... исчезли все звуки, лишь тонко запищало в ушах. Раздавленный наполовину помидор лежал под ногами. Его уцелевший бок по-прежнему горел, как стоп-сигнал. Но не для Вани был этот «стоп». Ваня взял пострадавший «фрукт» на ладонь...

— Простите, а он вам тоже нужен?

— Ох, нет, конечно... А ты что? — услышал Ваня сквозь писк в ушах. — Решил его скушать? Не надо, он же грязный. Если хочешь, возьми целый...

Ваня не хотел его кушать. Он хотел другое и знал, что не промахнется: при «отключках» точность движений вырастала у него во много раз.

Послушный законам баллистики, алый снаряд описал длинную дугу и с чавканьем вцепился в шею «ковбойского» предводителя.

Розовые уши дернулись, как осенние листья на ветру.

— И?.. — вопросительно сказал их хозяин. Потом изумленно пропел: — И-и-и...

Медленно развернулся вместе с велосипедом. Вмиг усмотрел виновника своего унижения. Толкаясь ногами о землю, стал подъезжать — неторопливо и неумолимо (а «отключка» у Вани сразу пропала и душа опустилась в холодный желудок). Дружки пострадавшего безмолвно двинулись следом. Драпать было бесполезно — все равно догонят на великах.

Все трое остановились в пяти шагах. Предводитель нагнул к плечу голову. Сказал почти сочувственно:

— Бзя недоразвитая... Ты хоть понимаешь, что с тобой будет?

Так Ваня впервые услышал здешнее словечко «бзя», означавшее всякую никчемность. А что с ним будет, Ваня понимал. Ох как понимал...

«Ковбой»-предводитель растянул в улыбке лягушачий рот. Округлил глаза. Уши его хищно зардели.

— Хорошо-то как. У меня снова появился смысл жизни. Это — ты. Я не изничтожу тебя сразу, а буду делать это постепенно, при каждой встрече. Медленно и с удовольствием. И ты поймешь, ненаглядная лапочка, что такое вечный страх жизни...

«Владеет речью, паразит. Неокончательно тупой, — мелькнуло у Вани. — Но гад окончательный...» — Жидко-зеленые глаза врага подтверждали Ванино суждение. Они были безжалостны, несмотря на улыбку. А два других «ковбоя» были «никакие». Безмолвно лупали веками.

Их предводитель потрогал шею, облизал ладонь и еще на метр катнулся вперед. Наверно, чтобы начать программу «изничтожения».

Но «помидорная бабушка» повела себя совершенно неожиданно. Опустила сумку к ногам, левую ладонь положила на Ванино плечо, а трость мушкетерским жестом выставила перед собой. Собщила молодым голосом:

— Не советую проявлять агрессивность, молодой человек. Вы получили по заслугам и ступайте своей дорогой. Имейте в виду, что в молодые годы я занималась фехтованием...

«Получивший по заслугам» ухмыльнулся, но спорить не стал. Приложил ко лбу ладонь (так отдают честь американские военные), развернулся с велосипедом и тихо поехал прочь. Дружки — за ним. Такой исход ничуть не успокоил Ваню. Потому что его новый недруг оглянулся, и в болотных глазах было обещание.

«Черт меня дернул связываться...» — нарастала у Вани здравая и тоскливая мысль. И все же воспоминание о метком чавкающем ударе оставляло в душе некоторое удовольствие. И на миг представилось даже, что вышитый рыцарь на рубашке улыбается из-под забрала.

— Я тебе очень благодарна, мальчик, — сказала «фехтовальная бабушка» уже не юным, а обычным голосом. — А не мог бы ты оказать мне еще одну услугу?

Чтобы не казаться совсем струсившим, Ваня слабо пошутил:

— Еще в кого-нибудь вляпать помидором?

— Нет, что ты! Просто помоги мне донести сумку до дома... К тому же, тебе все равно надо взять обратно шнурок.

— Да, конечно! — В том смысле, что «конечно,

помогу» и «конечно, надо взять». А в общем-то оба понимали, что смысл в другом: лучше держаться вместе, пока враги на велосипедах неподалеку...

2

Пошли рядом, по краю дороги. Выросшие между дощатым тротуаром и обочиной лопухи шуршали по сумке с помидорами. С другой стороны тротуара, у заборов, подымались травянистые кусты. Высокие, больше Вани. С цветами разных тонов — от бедно-розовых до темно-вишневых. Формой цветы напоминали крупные головки «львиного зева». Их было много на здешних улицах, и Ване они нравились. В Москве ничего похожего не встречалось. «Орхидеи да и только...»

Ваня однажды спросил у бабушки Ларисы Олеговны, как по-настоящему называются эти «орхидеи». Та не знала. «В прежние времена их не было, они стали появляться несколько лет назад, все разрастаются и разрастаются. Прямо... марсианские посланцы какие-то...»

«Марсианские посланцы» — это само по себе было привлекательно. Таинственно даже. И Ваня тогда впервые подумал, что город Турень, куда его «сослали», не столь уж плох...

Было в городе что-то *такое*... От сказок Андерсена или от мушкетерской поры, или от том-сойеровского Сент-Питерсборо. Деревянная старина перепутывалась с новыми, но тоже похожими на старинные, кварталами. Белая колокольня древней церкви подымалась в облака вместе с башнями и шпилями университетских корпусов. На шпилях красовались узорные железные флаги и корабли. Подождать немного, присмотреться — и появится

среди них Карлсон с пропеллером или растрепанная тетка на метле...

Через дворы и улицы тянулся глубооченный заросший овраг (некоторые утверждали, что это бывший крепостной ров). В нем тоже цвели «марсианские посланцы». Тайнственно журчала внизу невидимая речка Туренка. Овраг назывался «лог». От лога, мимо покосившихся домов с деревянной резьбой, чугунных решеток и длинных факультетских зданий с полукруглыми окнами уходили к реке широкие мостовые. Река была ничуть не уже, чем в столице. И обрывы над ней напоминали Воробьевы горы...

Конечно, не вся Турень была такая. В современных районах, куда бабушка Лариса Олеговна возила внука покупать летнюю одежду и обувь, все напоминало Москву. Но потому Ваня и смотрел там вокруг без интереса. Что он, не видал проспектов, супермаркетов с эскалаторами, многоэтажек и площадей с фонтанами?..

Здесь, в районе исторического центра, в который аккуратно выросли новые университетские кварталы, было совсем по-другому. Тоже порой шумели машины, однако слышался и стрекот кузнечиков. И густо летали над подорожниками и клевером коричневые бабочки...

Жаль только, что и в этих местах у Вани появились теперь недруги...

Ваня украдкой оглянулся: не движутся ли недруги следом? Те двигались, но в отдалении. Делали вид, что едут по своим делам. «Ага, по своим... Знаем мы эти дела...»

Идти молча было неловко. Ваня совсем уже решил поинтересоваться: не знает ли его спутница, как называются «марсианские» цветы у заборов? Но вместо этого вдруг спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы правда занимались фехтованием?

Спутница откликнулась охотно:

— Что ты! Нет, конечно! Это я сказала так, для храбрости. Но я в школьные годы очень любила смотреть фильмы про рыцарей и мушкетеров. Эти кинокартины были тогда черно-белые, иностранные и назывались «трофейные». Попали к нам во время войны с Германией... Ужас, какие давние времена, да?.. А еще я не хуже мальчишек сражалась на палках, когда играли в пиратов и Робин Гуда... А как тебя зовут, юный рыцарь?

«Рыцарь...» Это она из-за вышивки на футболке или из-за того, что отомстил обидчику? (Ох, лучше бы этого не было!)

— Меня зовут Ваня, — сообщил он со вздохом.

— Замечательное имя! А меня Любовь Петровна... А во времена сражений на палках звали меня Люба или даже Любка. Или, бывало, Любка-Синяпка...

— Как? Простите, я не расслышал.

— Си-няп-ка... Потому что девичья фамилия была Грибова. А в ту пору все знали дразнилку-считалку: «Грибки-обабки, рыжики, синяпки...»

— Если правильно, то, наверно, синявки, — деликатно уточнил Ваня.

— Если правильно — да. Но кто из нас в те времена обращал внимание на грамматику! — Любовь Петровна шагала широко, постукивала палкой о дорогу и смотрела прямо перед собой. Похоже, что стремительно укатилась памятью в прошлое. Но через несколько шагов встряхнулась. — А ты, Ваня, откуда появился в этих местах? Раньше я тебя не встречала...

— Я из Москвы. На каникулах у бабушки... ко-

торую, кстати, раньше никогда не видел. Так получилось...

— Вот как! — почему-то обрадовалась Любовь Петровна. — Это, наверно, замечательно — жить в столице! А?

— М-м... не знаю. По-моему, обыкновенно. Да я подолгу нигде больше и не жил, сравнивать не с чем...

— Я в прежние годы нередко ездила в Москву, гостила там у друзей. Это было прекрасно... Впрочем, по-всякому... Ну вот, мы и пришли.

Ваня завертел головой (и при этом зацепил глазом притормозивших в отдалении недругов). Куда пришли-то? Рядом — бревенчатая стенка выходящего на улицу сарая, а дальше — очередной забор с торчащими над ним верхушками кленов... Ой, нет! В заборе была дощатая калитка с тяжелым железным кольцом. Любовь Петровна с натугой повернула кольцо, калитка отъехала внутрь.

— Входи, Ванечка. Здесь наша «тихая обитель»...

Двор был просторный, заросший, как и улица. По краям — какие-то будки и хибарки, а посреди двора — длинный кирпичный дом. Трехэтажный, но не высокий. С обвалившейся здесь и там штукатуркой. С крутой железной крышей, где торчала треугольная чердачная будка. К будке вела из лопухов приставная лестница. На ее ступеньках сохли плетеные половики. На самой нижней сидел пестрый петух гордо-обиженного вида.

— Строение столетней давности, — сообщила Любовь Петровна. — Бывший доходный дом купчихи Мелентьевой. Представь себе, памятник старины, хотя ничего знаменательного, кроме возраста, в нем нет. Городские власти там и тут сносят деревянные дома с уникальной резьбой и кружевной жестью, а этого монстра трогать запрещено.

А поскольку запрещено, то и жильцов не расселяют. И обитают здесь люди в квартирах с ржавыми трубами и печками начала прошлого века...

— А зачем сносят-то? Деревянные... — осторожно спросил Ваня.

— Чтобы строить офисы и рестораны, разумеется. Во имя ее величества прибыли...

— В общем, как в Москве, — понимающе отозвался Ваня.

Впрочем, дом не произвел на него отталкивающего впечатления. Было в нем даже что-то... почти что приключенческое. Будто он из книжки «Кортик» про мальчишек-пионеров давнего времени. И печки там... Ване всегда мечталось о квартире с печью, в которой можно разводить живой огонь...

— Цыпа-цыпа... — тихонько сказал Ваня петуху. Тот глянул с ожиданием: что дальше? Но Ваня не знал, что дальше, и петух обиделся на жизнь еще сильнее.

Давние времена

1

Вошли в дощатые сени. Здесь пахло каким-то старьем: похоже, что заплесневелой мешковиной и гнилыми досками. Вверх вели широкие ступени, обрамленные перилами с кривыми точеными столбиками.

— Нам на третий этаж, — сообщила Любовь Петровна. — Как ты понимаешь, лифта нет и никогда не было. Для меня это не большая беда, ноги до сих пор крепкие, я тридцать лет работала в библиотеках, а библиотекари всю жизнь на ногах, закладка. А вот мой сосед Борис Антонович со своим

остеохондрозом и артритом страдает здесь постоянно. Кстати, помидоры я несу ему: его любимое блюдо — яичница с томатами по-испански...

«Словоохотливая бабушка, — отметил по себя Ваня. — Почти как Лариса Олеговна...»

Поднялись. Оказались перед обитой обшарпанным дерматином дверью. Любовь Петровна зашарила в складках кофты.

— Где же он, ключ-то? А, вот он... Дома, конечно, никого, Борис в поликлинике, внучка с утра у родителей... Заходи...

Ваня оказался в темном коридоре (тут же зажглась лампочка). Впереди была еще одна дверь — белая и незапертая, из-за нее ударило солнце и запахло полевой травой.

— Ну вот, это мои апартаменты. Прописана я здесь одна, но чаще живу с внучкой, она то и дело сбегает ко мне из родительского дома...

«Апартаменты» состояли из двух комнаток с цветастыми обоями и тюлем на квадратных окнах. На круглом столе с кружевной скатертью стояли два большущих букета ромашек.

Ваня опустил у порога сетку с помидорами.

— Вот... Любовь Петровна, я пойду...

— Ну что ты, что ты так сразу! Передохни...

— Я не устал...

Он и правда не устал, но... где гарантия, что «ковбой» не крутятся поблизости и не ждут свою жертву?

— Заходи, Ванечка, я заварю чай. У меня еще осталось из прошлых запасов вишневое варенье. Посидим, и ты расскажешь про Москву. Хотя бы немножко...

Ваня зацарапал друг о дружку башмаками-плетенками. Они охотно снялись, оставив на ступнях незагорелый узор от ремешков.

— Ох, да зачем ты разуваешься! У меня все равно не подметено... Ну ладно, проходи... Подожди-ка! Я на улице и не разглядела: ты прямо как из кровавой битвы! Вся нога в красном...

И правда, колено было в подсохшем помидорном соке.

— В коридоре дверца налево, там умывальник. А на полочке бумажные салфетки. Сходи, вымой и вытри. Выключатель снаружи...

В тесной кабинке пахло всякими туалетными снадобьями. Вода из крана ударила неожиданно тугой холодной струей. Ваня подставил губы. Ему нравилось, что в этом городе можно пить воду прямо из-под крана. Не то что в «матушке-столице». Потом он смыл помидорный сок и прилипшие семечки, вытер колено жесткой бумагой... В этот момент в просторном кармане на бедре зашевелилась, запикала плоская коробочка мобильного. Бабушка Лариса Олеговна волновалась:

— Ванюша, ты где гуляешь? С тобой все в порядке?

Он скривился (здесь-то это можно): терпеть не мог, когда звали его «Ванюша». Но ответил вполне любезно:

— Все хорошо, Лариса Олеговна... — (Они в первый же день знакомства договорились, что ни «бабушкой», ни «бабой Ларой» звать он ее не будет. «Не такая уж я древняя...») — Брожу по переулкам, знакомлюсь с окрестностями. Недалеко от дома. Скоро вернусь. А вы сделаете к обеду окрошку?.. Спасибо!

Он вернулся в комнату. Любовь Петровна мурлыкала простенькую мелодию вальса и расставляла рядом с букетами чашки и вазочки.

— Сейчас все будет готово. Садись к столу...

Ваня боком сел на заскрипевший гнутый стул.

Почему-то вдруг застеснялся. Поджал ступни с незагорелым узором, колупнул с колена несмывшееся семечко, глянул за окно. Сквозь тюль смутно видна была тополиная крона. А что еще там на улице — неизвестно.

Мысль о коварных врагах сидела занозой. «Не отступятся ведь, это для них приключение...» Но потом Ваня подумал: «Гляну в щель у калитки; если «ковбои» там, пойду по двору, поищу, нет ли другого пути — через забор или в щель...» Стало поспокойнее.

2

Любовь Петровна принесла чайники, утвердила их на проволочных подставках. Потом — плетеную корзинку с печеньем.

— Давай, Ванечка, я налью. Какую тебе заварку? Покрепче?

— Средне... — сказал Ваня (вообще-то ему было все равно). — Спасибо...

— Накладывай варенье... А скажи, далеко отсюда живет твоя бабушка?

— Недалеко. В профессорском доме, рядом с математическим факультетом. Это наискосок от католического костела, знаете?

— Ну, разумеется! Я, голубчик, весь город знаю, а здешние места тем более. Они — родные... А что, бабушка работает в университете?

— Дедушка работает... — Ваня был рад, что разговор завязался простой, не надо ломать голову, про что говорить. — Он даже не родной дед, а второй муж моей бабушки. Но они давно поженились, меня тогда еще не было... Они с бабушкой жили в Новосибирске, а год назад Константина Матвеевича, это дедушка, пригласили работать сюда. Предложили всякие там «улучшенные условия» и боль-

шущую квартиру... Я до сих пор путаюсь в ней, в комнатах и коридорах... А Константин Матвеевич радуется: «Впервые в жизни у меня нет проблемы с расстановкой книг»...

— Такие квартиры дают, наверно, лишь известным специалистам.

— А он известный... в достаточной степени... Профессор, доктор всяких компьютерных наук. Что-то связано там с искусственным разумом... то есть с ин-тел-лектом...

Он думал, что Любовь Петровна спросит фамилию деда, но та, видимо, постеснялась. И сказала:

— Ох, я ничего не понимаю в этих вопросах.

— Константин Матвеевич однажды сказал, что он сам ничего в них не понимает. Как-то разговорился и выдал такую фразу... Я даже запомнил ее от слова до слова..

— Ну-ка, любопытно...

— «Мы слишком о себе возомнили. На самом деле база наших знаний — это смесь молекулярных теорий, квантовой механики и древних философий, и мы оттуда тянем соки, как трава с твоей фамилией тянет из полезных растений...»

— Батюшки! А что у тебя за фамилия?

— Фамилия редкая, — с тайной горделивостью сообщил Ваня. — Хотя и совсем не иностранная. По-ви-ли-ка... Есть такой вьюнок, который обматывает другие растения и как бы срастается с ними... Родители как-то заспорили. Мама сказала, что это трава-паразит, а папа рассердился: не может быть паразитом такое красивое растение, красота всегда полезна...

— Папа прав... Он случайно не художник?

— Он виолончелист. В симфоническом оркестре «Мелодии света»...

— Как интересно!.. Да ты пей, пей. И не забы-

вай про варенье... Наверно, ты тоже занимаешься музыкой?

— Я занимался... На фортепьяно, потом на флейте. Только... «не обнаружил талантов»... — Ваня хмыкнул. — Но папа до сих пор не теряет надежды затолкать меня в музыкальный кадетский корпус.

— А тебе, я вижу, не очень хочется?

Ваня двинул плечом:

— Не знаю... Детей ведь не спрашивают. Запишут — и куда денешься... «Ребенок все равно должен быть где-то пристроен»... — Это была мамина фраза. И Ваня замолчал. Потому что дальше могли выскочить слова: «Тем более когда разведенным родителям обоим не до сына...» Но это уже тема не для посторонних.

Любовь Петровна что-то почуяла. Помолчала, позвякала в чашке ложечкой. Спросила чуть стесненно:

— А мама... тоже музыкант?

— Нет, она организатор передвижных выставок. Ездит с картинами и художниками по разным городам... Папа тоже часто ездит, с оркестром... Вот меня на лето и устроили сюда...

— И как тебе здесь?

— Пока неплохо, — дипломатично сказал Ваня. И опять подумал о «ковбоях». Но сказал о другом: — Бабушка взяла у деда и дала мне старый ноутбук. Его можно подключать к Интернету...

— Да, нынешние мальчишки сплошь и рядом предпочитают компьютеры книгам... — покивала Любовь Петровна.

Ваня вспомнил, что она — старый библиотекарь. Наверно, ей обидно, что нынче мало читателей. И объяснил:

— Нет, я читаю... Конечно, я не такой уж активный читатель, «Гарри Поттера» одолел всего три

тома, но Интернет мне нужен как раз ради книжек. Из него можно выудить то, что нигде больше не найдешь...

— А что именно? — оживилась Любовь Петровна.

— Недавно отыскал редкий роман Жюль Верна «Юные путешественники». Ни в одном собрании сочинений его не встречал...

— Тебе нравится Жюль Верн?

— Очень!

— Но ведь нынешние школьники считают его скучным и старомодным.

— Ну и пусть считают! Мне и в классе говорили, что я «малость того»... — Ваня уже не смущался, он весело крутнул пальцем у виска. — А я все равно... Мне у него нравятся не только самые знаменитые романы, а вообще всё...

— Что же тебя привлекает в этом писателе?

Ваня нервно зашевелил ногами.

— Любовь Петровна, там... время такое. Мне кажется, лучше, чем теперь. Столько всего на свете неоткрытого и в то же время изобретения всякие. Воздушные шары, первые телефоны, электричество, пароходы... Плохо только, что тогда не было мобильных... Зато люди не те, что нынче. Будто добрее друг к другу... Хотя, конечно, тоже... И еще бывают интересные совпадения...

— Вот как?

— Да... Мама собирается в августе в круиз на Антильские острова, с заходом на остров Гваделупу. А я начал читать «Юных путешественников», и там — тоже Гваделупа. Не такой уж известный остров, и вдруг — в книжке и в жизни...

Он встретился с Любовью Петровной глазами, и показалось, что угадал ее вопрос: «А что же тебя-

то мама не берет с собой, на Гваделупу?» Стал смотреть в чашку с недопитым чаем...

— Ты, по-моему, мало ешь варенья. Не стесняйся...

— Нет, я много... Спасибо... Только мне уже пора, бабушка звонила, волнуется...

— Все-таки доешь варенье, это недолго... А я на минутку оставляю тебя, вспомнила, что надо позвонить...

Она вышла, Ваня заскреб ложечкой о стеклянную розетку, и в этот миг в кармане опять ожил телефон.

— Лариса Олеговна, я уже иду! Совсем скоро! Ой...

В телефоне был совсем не бабушкин голос. Хотя женский и... кажется, даже знакомый:

— Простите, я могу поговорить с Константином Матвеевичем?

— У него сейчас другой номер...

— Извините, а вы его не знаете?

— Знаю. Давайте, продиктую...

— Будьте столь любезны...

— Пожалуйста... Восемь, девятьсот двенадцать, двести сорок четыре...

— Секундочку! Я возьму карандаш... Прошу вас...

Ваня снова начал диктовать. Отчетливо называя число за числом, он поднял глаза и увидел через открытую дверь Любовь Петровну.

Она стояла в коридоре у тумбочки, прижимала к уху телефонную трубку и, согнувшись, писала в блокноте.

— Ой...

Любовь Петровна вскинула глаза.

— Батюшки... Значит, мы беседуем друг с другом? Вот это чудеса!

Ване стало смешно.

— Ну да! А я думаю: чей это знакомый голос? Опять совпадение, почти как у Жюль Верна...

— Выходит, Константин Матвеевич Евграфов — твой дедушка?

— Да! — (снова уточнять, что не родной, не имело смысла). — Значит, вы знакомы?

Любовь Петровна положила трубку на рычаг, вошла, встала у порога. Забавно почесала карандашом висок.

— Знакомы ли... Трудно сказать. Скорее всего, он меня и не помнит. Мы учились не в одном классе, а в параллельных... В том году произошло слияние женских и мужских школ, я из двадцать первой попала в двадцать пятую, не сразу познакомилась со всеми... Но у меня есть старый снимок, на котором мы с твоим будущим дедом почти рядом. На пионерском субботнике в Городском саду. Это там, где нынче Центральный бульвар... Хочешь посмотреть?

— Конечно! — Было и в самом деле интересно: как выглядел пожилой профессор Евграфов полвека назад? Даже больше, чем полвека...

Любовь Петровна вытянула ящик старомодного комода, достала пухлую папку, сразу нашла нужную фотокарточку. Чуть больше открытки...

Выглядел он... несовременно. Как мальчишки в старых фильмах. Как школьник Волька Костыльков в кино про Хоттабыча. Фуражка военного образца, широченные брюки, блуза с бляхой. Галстук-косынка поверх блузы... А лицо под козырьком толком и не рассмотреть, только чубчик торчит из-под козырька. Пионер Костя Евграфов воткнул лопату в кучу прошлогодних листьев и грудью налег на черенок. А в двух шагах от него стояла тощая девочка с граблями. С насупленными бровями и приоткрытым ртом. Щекой прижималась к длинному черенку. Ви-

димо, Люба Грибова. Она была в платье с черным фартуком и в резиновых сапогах на тонких ногах.

— Шестой класс... — вздохнула Любовь Петровна. — У мальчиков тогда впервые появилась школьная форма, такая вот. Впрочем, ненадолго, скоро ее поменяли на костюмы с пиджачками. А то с первого класса будто солдафоны какие-то...

— Думаете, он вас не помнит? — осторожно сказал Ваня. — Вы же несколько лет были в одной школе...

— Я после седьмого класса уехала в Омск и жила там два года. Вернулась только в десятом. Костя и тогда не смотрел в мою сторону. Было на кого смотреть и без меня... Его в ту пору звали Граф. Е, Вэ, Графов, «его высочество Граф». Был он изыщен, резок в суждениях, часто спорил с учителями, но без грубостей, а иронично и вежливо... Девочки по нему обмирали...

«Граф» — кажется не «высочество», а «сиятельство», — подумал Ваня. Но сказал не то:

— Его и сейчас иногда Графом зовут. Бабушка Лариса Олеговна... А вы хотите с ним увидеться, да?

— Я совсем недавно узнала, что Константин Матвеевич вернулся в Турень. Мне достали его телефон. Сейчас в двадцать пятой школе есть нечто вроде Клуба ветеранов, там встречаются те, кто... еще остались на этом свете и не забыли ученические годы. А профессор, видимо, про это не знает, весь в своих научных проблемах. Вот я и решила его... так сказать, приобщить... Ванечка, будь добр, продиктуй до конца номер телефона.

Ваня продиктовал. Потом подержал еще перед глазами снимок. От старой фотобумаги почему-то пахло не то корицей, не то ванилью.

— Любовь Петровна, я ему... дедушке, расскажу про вас. А теперь я пойду, ладно? Пора...

— Давай я тебя провожу! А то вдруг эти «велосипедные витязи» вертятся поблизости...

— Нет, что вы! Наверняка уже укатили... А если что — удеру, — сказал Ваня весело и без лишнего героизма. — Махну через забор — не догонят...

— Заходи в гости. С тобой интересно беседовать. Я тебе в нашей библиотеке присмотрю что-нибудь из старых жюль-верновских изданий...

— Спасибо!

Полуденный выстрел

1

Любовь Петровна еще раз сказала «заходи в гости», притворила за Ваней дверь, и он стал спускаться по ступеням. Неторопливо и без всякого желания.

Но полпути ему встретилась девочка лет десяти. Тощенькая, в светлом платице с матросским галстучком, ничем не приметная. В лестничном полумраке лица и не разглядишь. Ваня заметил только вздернутый нос и очень светлые реденькие волосы, расчесанные на пробор. Посторонился, прижавшись поясницей к перилам. Надо было бы, наверно, сказать «привет» или «здрассе» (небось, внучка Любви Петровны), но он постеснялся. Так, молча и разошлись...

После темной лестницы двор показался очень ярким. Ваня сошел с крыльца и затоптался. Надо было пойти к калитке и выглянуть: нет ли поблизости неприятелей. Но... не хотелось. Может, лучше сразу в дальний край двора, а там — на поленницу, на забор и в переулок, где его, Ваню, вовсе не ждут?

Он не успел принять решение.

— Подожди! — долетел с крыльца голосок.

Это была девочка. Та самая. Смотрела, тревожно мигая белыми ресницами.

— Ты — Ваня?

— Д... да, — съезженно сказал он и тоже мигнул.

— Вот... Ты забыл у бабушки шнурок. Она велела вернуть...

Девочка держала синий шнурок от футбольной рубашки двумя пальчиками.

— А... да... Спасибо... — Ваня начал неловко продергивать завязку с пластмассовыми кончиками в отверстия на ткани. Старательно так продергивал и смотрел вниз. И разглядел, что на девочке такие же плетенки, как у него. Тоже на босу ногу. Только размером поменьше... Она вся была «поменьше». Где-то на год помладше Вани и ростом ему до уха. Щуплая такая, с колючими поцарапанными локотками.

Ваня продернул шнурок и стал его старательно завязывать. Идти через двор к забору на глазах у девочки было неловко (вдруг догадается о его страхах!). А соваться к калитке — немалый риск.

«Чего она торчит тут, не уходит!..»

Девочка потрогала на виске белобрысую прядку (Ваня заметил, что прядка не совсем белая, а с чуть желтоватым отсветом). Девочка сказала:

— А еще...

— Что? — бормотнул Ваня, завязывая шнурок на третий узел.

— Бабушка попросила... чтобы я тебе показала безопасную дорогу. Потому что тебя на улице караулят хулиганы. Она разглядела в окно...

Когда Любовь Петровна успела это разглядеть и рассказать все внучке? Впрочем, какая разница! У Вани от неловкости зачесались уши. Но... изображать бесстрашного героя было глупо. Во-первых, девчонка все равно все понимала, а во-вторых... ес-

ли поймают — накостыляют так, что век не забудешь. А могут и мобильник отобрать...

Ваня посопел и небрежно спросил, глядя на девчонкины плетенки:

— Что за дорога-то?

— Пойдем... — Она прыгнула со ступеньки, оглянулась и зашагала по тропинке среди подорожников. Ване что делать? Пошел следом (петух на лестнице проводил его насмешливым взглядом).

Девочка шла туда, куда собирался и Ваня — к дальнему забору с поленницей. Но карабкаться на поленницу они не стали, а пролезли в тесный промежуток между дровяным штабелем и досками (девочка — впереди, смущенный и послушный Ваня — следом). Виновато смотрел на ее тонкую шею с белым пушком. Шея была открыта, потому что волосы разделялись на две короткие косички. Девочка отодвинула на заборе доску, скользнула в щель, оглянулась:

— Пролезешь?

Ваня пролез без труда, только слегка зацепился карманом с мобильником.

За щелью открылся длинный проход: слева глухая кирпичная стена, справа — забор. Было видно, что шагов через двадцать проход поворачивает влево. А что дальше — непонятно.

— Дальше — еще одни двор, с огородом, — словно в ответ Ване сказала внучка Любове Петровны. — Его надо проскочить незаметно... А потом будет в кустах тропинка, она приведет на край лога. А там дорожка, между логом и спортплощадкой... Квакер туда не пойдет, не догадается.

— Кто не пойдет?

— Квакер. Тот, кто тебя ищет... Это не имя, а прозвище. Потому что такой вот... лягушачий портрет. Видел, как он улыбается?

«Квакеры — это вроде бы секта была такая в Америке», — вспомнил Ваня. Но не стал уточнять, хмыкнул:

— Прямо партизанская война с этим Квакером... — Было все-таки стыдно, что приходится убегать и прятаться с помощью девчонки.

— Конечно, война, — согласилась девочка. — Но мы его перехитрим. От спортплощадки всего квартал до твоего дома. Ты не бойся...

«Я и не боюсь», — хотел ответить Ваня и понял, какое это будет глупое вранье. Спросил насупленно:

— А откуда ты знаешь, где мой дом?

— Бабушка сказала. И еще сказала, что с твоим дедушкой училась в школе...

«Когда она успела? — подумал Ваня. — И про адрес, и про деда, и как меня зовут... Видать, я долго топтался на крыльце...» — И вспомнился петух с насмешливым взглядом.

Девочка не спешила. Остановилась и будто прислушивалась. Наконец позвала:

— Ну, идем...

Середина прохода заросла темной травой с узорчатыми листьями, вроде как у полыни. Ростом выше колен. А вдоль забора тянулась неширокая тропинка. Девочка шагнула на нее. Ване надоело быть все время позади, он решил пойти рядом с девочкой — прямо через травяную чащу. Девочка быстро оглянулась, уперлась ему в грудь ладошками.

— Что ты! Не ходи там!

— Почему?

— Это же татарская крапива! У вас в Москве такой, наверно, нет. Она в сто раз кусачее обыкновенной...

Ваня глянул недоверчиво. Трава казалась безобидной, совсем не похожей на крапиву. Но... спасительницам полагается верить. И он послушно по-

шел следом, в затылок девочке. Однако любопытство было сильнее страха. Ваня не утерпел, тыльной стороной ладони мазнул по макушке растения... «Ма-амочка моя!» Хорошо, что не вляпался ногами, а то плясал бы теперь, как на костре!

Девочка опять оглянулась.

— Зацепил все-таки?

— Чуть-чуть...

От этого «чуть-чуть» ядовитые иглы прошивали руку аж до локтя.

— Потом обмакнешь в холодную воду. Через часик пройдет...

«Ничего себе — через часик!..» Ваня на ходу лизал руку, как обжегший лапу кот.

Проход сделал поворот, и оказалось, что он упирается в крепкий, в два ребячьих роста, плетень — из толстых прутьев и березовых жердей. Девочка приложила палец к губам, раздвинула прутья.

— Ох... ну, так и есть. Пасется среди грядок...

— Кто?

— Парамоныч. Хозяин огорода. Если увидит нас, будет скандал.

Ваня тоже глянул сквозь плетень. Грузный дядька среди помидорной ботвы был старый и, кажется, хромой. Ваня азартно шепнул:

— Если рванем напрямик, он не догонит... — Хотелось показать девочке хоть какую-то смелость.

Но девочка мотнула косичками.

— Он меня знает. Сразу пойдет ябедничать бабушке.

— И что? Ты ей объяснишь, что спасала меня... Или все равно попадет?

— Да ничуть не попадет. Но он станет мучить ее разговорами про современную молодежь и

клянчить взаймы. На четвертинку... Давай подождем немножко...

— Давай... — Ваня снова стал лизать руку.

В кармане опять затрепыхался, запиликал мобильник.

— Ванечка, ты далеко?

— Да недалеко, недалеко! Приду уже скоро! Не волнуйтесь вы, пожалуйста!..

— Я волнуюсь, потому что ты можешь не успеть. Если начнет сильно хлестать, спрячься под навесом на автобусной остановке или в каком-нибудь магазине...

— Что хлестать?

— Да ты разве не видишь? Посмотри на небо!

В самом деле как потемнело! Ваня глянул вверх. Над кромкой кирпичной стены клубилась белесая кайма лиловой тучи. Елки-палки! А он и не обращал внимания на небо во время своего малодушного бегства от Квакера!

У здешней погоды такое свойство: среди жаркого ясного дня вдруг откуда ни возьмись вырастет грозное облако — треск, ливень, сломанные ветки тополей! А через полчаса опять солнце и благодать...

— Сейчас польет, — деловито сообщила девочка. — Но это даже хорошо. Парамоныч уберется, а мы бегом под дождем... Не размокнем, да?

— Да... — озабоченно сказал Ваня. — Только я боюсь, что намокнет мобильник. У меня уже было так в мае, в Москве. Попал под ливень, и телефон отказал. Его починили, но он с той поры крикает... как простуженный селезень. Я даже не жалею, что забыл его дома. А этот — дедушкин...

— Если дедушкин, то конечно... Тогда надо отсидеться. — Девочка сказала это с такой серьезностью, что на миг почудилась усмешка.

— Где тут сидеть-то? — буркнул Ваня. Сверху уже падали капли.

— Вон там... — Девочка потянула его за локоть назад, к повороту. В кирпичной толще стены у самой земли виднелась квадратная ниша. Высотой и шириной около метра и чуть поменьше в глубину. Ваня мельком подумал, что, наверно, стена была когда-то противопожарной защитой. Называется «брандмауэр». А в нише в ту пору стояла бочка с запасом воды...

2

В убежище влетели с разбега, завозились, устраиваясь. Девочка утодила Ване коленом в бок, он зашипел. Наконец уселись рядышком.

Сверху хлынуло. Ливень падал отвесно, стена не заслоняла от него землю. Но в углубление струи не попадали, только редкие брызги покусывали ноги. Ваня втянул их поглубже, согнул посильнее, охнул.

— Что? Руку жжет? — посочувствовала девочка.

— Бок... Ты мне врезала коленкой между ребер, она у тебя как деревяшка, — слегка дурашливо объяснил Ваня.

— Да, я костлявая, — печально призналась девочка. Ваня ощутил себя виноватым. Неловко утешил:

— Не костлявая, а... худощавая.

— Нет, костлявая... Всегда натыкаюсь суставами на что попало. Вот и на тебя... Ой! — Это сильно сверкнуло снаружи. И сразу грохнуло так, будто стена раскололась сверху донизу. Девочка вздрогнула и притиснулась к Ване — щуплым своим плечиком к его плечу (рядом с которым была эмблема «Айвенго»). Он высвободил из-под себя руку, обнял девочку за спину, пальцами обхватил другое ее пле-

чо. Без всякого стеснения. До сих пор он был «тем, кого спасала она», а теперь спасал он. Стал смелее и уверенней и как бы отдавал девочке долг.

— Не бойся.

— Ага, «не бойся»... — Она не стала освобождаться из-под руки. — Я грома и молний боюсь пуще всего на свете... Пуще пауков и мокриц...

Ваня тоже побаивался грозы, но в меру. И сейчас деловито объяснил:

— Сюда молния не влетит. Ей ведь нужно для разгона расстояние, а здесь тесно. А гром — это просто звуковой эффект...

«Звуковой эффект» грянул так, что девочкино плечо под Ваниными пальцами затрепетало, будто подбитое крылышко.

— Да не бойся ты. Здесь безопасно. Даже... хорошо.

Было и правда неплохо. Кто-то расстелил здесь сухую траву, а на нее бросил старый мешок.

— Видать, это обжитое местечко, — сказал Ваня, чтобы отвлечь девочку от страха.

— Ага... Раньше здесь жил беспризорный пес Каштан. А год назад его забрал себе Квакер...

— Значит, Квакер знает это место! — сразу встревожился Ваня.

— Его многие знают. Но Квакер же не знает, что это место знаешь ты, — обстоятельно рассудила девочка. — И не будет искать тебя здесь... Тем более сейчас...

Подтверждая это «сейчас», гроза ударила снова. Правда, уже не так страшно. Шум ливня стал ровнее, хотя и оставался сильным. Лариса Олеговна при таком дожде обязательно говорила: «Разверзлись хляби небесные...» И заводила разговор о капризах нынешней погоды, о всеобщем потеплении климата, которое на деле оборачивается похо-

лоданием, о бестолковых прогнозах синоптиков, о своей знакомой, которая работала на местной метеостанции и уволилась, потому что поругалась с начальником: он велел объявить, что на выходные ожидается прекрасная погода, хотя по всем данным следовало ждать снежных зарядов... А так же о муже этой знакомой, которому недавно сделали безболезненную операцию на почках, и о его сестре, купившей у какого-то проходимца кольцо с бриллиантом, оказавшимся простой стекляшкой...

Лишь бы не вздумала позвонить сейчас. Пришлось бы тянуться к карману за телефоном, беспокоить девочку.

Она словно угадала Ванину мысль, шевельнулась, будто хотела освободить плечо из-под ладони, но тут гром ударил с новой силой, и она опять прижалась. Надо было успокаивать снова.

— Послушай... Ты про меня столько знаешь: и откуда я, и где живу, и как зовут... А тебя как звать?

— Лариса, — быстро сказала она.

— Как мою бабушку... Но ты же не бабушка. Есть имя покороче?

— Да. Иногда зовут Лора. Или даже Лорка. Это не обидно, мне нравится.

— Конечно, чего обидного... Наоборот, красиво даже. Был такой испанский поэт, Федерико Гарсия Лорка. Его фашисты расстреляли. Очень известный поэт...

— Ты его читал? — шепотом спросила Лорка.

— Нет, — признался Ваня. — Мне мама рассказывала. Она готовила выставку иллюстраций к его стихам. В Обществе российско-испанской дружбы... Я спросил: а что по-испански значит «Лорка». А она говорит: не знаю, посмотри в словаре. Я полез в словарь, но там такого слова нет. Есть только похожее, «лоро»...

— А это что такое?

— Это значит «золотистый». Только не ко всякому существительному относится, а к полю, к хлебам. Например, «золотистая рожь»... Или... — Он запнулся, но сразу храбро сказал: — «Золотистая Лорка».

— А... что это значит?

Он сказал еще храбрее:

— Не ясно разве? Золотистая *ты*.

Лорка засмеялась — не очень весело, но звонко:

— Разве я золотистая? Вся белобрысая. В классе даже дразнятся иногда: седая...

Ваня не стал говорить, что дразнятся дураки: это было бы слишком просто. Он разъяснил с ученой ноткой:

— Они плохо смотрели. Все зависит от угла зрения. Я вот сегодня глянул на тебя на крыльце и увидел в волосах золотые искорки.

Лорка помолчала и шепнула:

— Правда, что ли?

— Ну подумай, зачем мне врать?

— Никогда не замечала.

— Потому что не смотрела на себя в зеркало при ярком солнце. Ты попробуй...

Лорка ничего не ответила. Повозилась, освободилась из-под Ваниной руки, попыталась натянуть на коленки подол, не сумела, уперлась в них подбородком.

— Ваня, послушай. Дождь потише стал, да?

— Потише...

Гроза кончилась так же стремительно, как началась. Вмиг ослабел и через минуту прекратился ливень. Гром прощально порокотал где-то в отдалении. Солнце окрасило желтизной край уходящей тучи.

— Кажется, отбой, — сообщил Ваня и бодро за-

возил ногами. — Подождем еще или будем выбираться?

— Будем, — решила Лорка. — Парамоныч спрятался от дождя, и надо успеть, пока не появился снова.

3

Они успели.

Воздух был сырой, плетень, сквозь который они продрались на огород, — тоже. Широколистная трава, что росла рядом с грядками, цапала ноги мокрыми ладонями (Лорка даже повизгивала). Зато огород миновали за несколько секунд. С натугой раздвинули прутья-палки в другом плетне и выбрались на дощатый тротуарчик — он тянулся по краю лога, огибал могучие кривые тополя. Пахло дождем, тополиной листвою, влажными травами. Миллионы капель в зарослях лога сияли радужными искрами. Ваня хотел постоять, подышать. Но Лорка потянула его за руку:

— Идем скорее... — Кажется, она не до конца доверяла этой прохладной благодати.

И... правильно не доверяла. Когда они свернули с тротуарчика и оказались на тропинке рядом с сетчатой изгородью спортплощадки, навстречу им вышли из-за трансформаторной будки Квакер и его дружки. «Пешком». Велосипеды держали за рули...

Перехитрили, гады! Переждали где-то грозу, вычислили путь беглецов, перекрыли дорогу. Для них, видать, это была очень важная охота. Интерес, азарт! «Смысл жизни», как выразился при первой встрече Квакер. Сейчас он с откровенной радостью улыбался лягушачьим ртом. Его дружки тоже улыбались, но как-то невыразительно. Лица их были туповато-одинаковые.

— Какая встреча! — Квакер широко развел руки, словно готов был обнять Ваню и Лорку. — Впрочем, ожидаемая. Девочка думала, что она умнее всех, но Квакер тоже не дурак, знает каждую тропинку. И тропинки сошлись...

«Владеет речью, гад...» — опять подумал Ваня.

— Чего надо, Квакер? Большие, крутые, да? — сказала Лорка без боязни, но и без надежды, что все кончится хорошо.

-- Ага... — Квакер улыбнулся еще шире. — Ты, девочка, иди домой, там волнуются... А мы поговорим с мальчиком. Нам интересно, откуда он такой. Видно, что не здешний...

— Лорка, иди... — шепотом попросил Ваня. Если бы она ушла, он рванулся бы назад — и головой в заросли лога. Плевать на сырость, ветки-колючки и всякую там татарскую крапиву, это не смертельно. И «ковбои», небось, не стали бы догонять, с великами-то... Но Лорка никуда не пошла. Стояла бок о бок с Ваней и даже чуть впереди. Мало того, она подняла с тропинки обломленный грозой тополиный сук. Сказала тонко:

— Лучше не подходите.

Квакер и его дружки посмеялись. Не сердито, сочувственно даже. «Ненормальная», — жалобно подумал Ваня. Но сказать: «Уходи, я от них сбегу», — было теперь стыдно. Кстати, большого страха он не чувствовал, только опять жгуче зачесалась ужаленная рука да малость ослабели ноги.

Квакер отдал руль своего велосипеда приятелю, перестал улыбаться и сделал шаг вперед...

В этот момент грохнуло!

Нет, не гром, а что-то вроде взрыва. Тутой и короткий, без раскатистости, удар.

Квакер замер. У него округло приоткрылся широкий рот.

Лорка дернула плечами и шепотом спросила:

— Ваня, какое нынче число?

Более дурацкого вопроса задать не могла!

Но он так же быстро ответил:

— Двадцать второе... А что?

— Ага... — выговорила она с тихо-торжественной ноткой. И смотрела теперь в упор на Квакера. — Ну, что, Квакер? Будешь продолжать охоту? Забыл закон, да? Может, уже волосы растут между пальчиками? — Она вдруг стряхнула со ступни плетенку и пошевелила над лужицей голыми пальцами. Ехидно так.

Рот у Квакера медленно закрывался. И проступала на лице явная досада.

— Ваше счастье, головастики... — выговорил он.

Один из его дружков сунулся вперед (пухлячок такой, с розовым следом отлетевшей болячки на подбородке):

— Да чё такого! Давай хоть отвесим пендаля по ж.. и башкой в репейники...

— Цыц, — утрюмо сказал Квакер. Он опять перехватил руль, двинул свой велик назад и в сторону и заставил сделать это своих дружков. Освободил проход по тропинке. Хмыкнул.

— Идите, пока я добрый... — И добавил, глядя на Ваню: — Считаю, милый мальчик, что судьба подарила тебе еще полсуток жизни.

Лорка отбросила палку, подняла с земли плетенку, взяла Ваню за локоть и храбро повела его мимо «ковбоев». Ваня ничего не понимал. Однако он чувствовал: сейчас его не тронут. Правда, один из приятелей Квакера (не тот, что с пятном от болячки, а другой, похожий на гусака) слегка замахнулся, но у Вани хватило характера не вздрогнуть.

Тропинка вывела их к белому зданию университетского общежития. Лишь тогда Ваня оглянул-

ся: без боязни, а так, из любопытства. Но «ковбоев» уже не было видно, остались за углом.

— Сегодня уже не тронут, — успокоила его Лорка.

— Я понял... Но почему не тронут? Лорка, что это за закон? — Ване было почему-то неловко.

— Ты же слышал выстрел. Это самодельная пушка, у здешних мальчишек. Они стреляют из нее раз в году, в самый длинный день лета, называется «солнцестояние». В полдень стреляют. Это обычай такой. После выстрела и до заката нельзя затевать драк и кого-нибудь обижать... В общем, такое правило в здешних местах...

Вот это правило! Ни о чем подобном Ваня раньше не слышал.

— И его все выполняют?

— Ну... не все, конечно. Для всяких отморожков оно не указ. Например, для Рубика или для Репы. Но Квакер... он, конечно, балда и хулиган, только все же помнит про закон... Это как в книжке про Маутли. Читал?

— Читал. Только давно, плохо помню... — признался Ваня. — При чем там... волосы какие-то...

Лорка засмеялась:

— Там разные были звери. Волки, с которыми жил Маутли, знали законы джунглей. Они не нападали ради крови, не были слишком жестокими. А их враги, дикие собаки, никаких законов не признавали. И у них между пальцами на лапах росли волосы. У волков их не было, а у собак были. И Маутли дразнил их за это. Прыгнет на дерево и вот так... — Лорка приподняла ступню и опять пошевелила пальцами (она все еще была без плетенки на левой ноге).

Ваня засмеялся. И Лорка засмеялась, стряхнула вторую сандалетку.

— Снимай и ты. А то промочишь, сейчас лужи кругом...

Ваня послушно сбросил плетенки. Стоять босыми ступнями на мокром гравии было непривычно и приятно. Он с удовольствием потоптался. И в это время опять проснулся мобильник.

— Ванечка, где ты? Я вся извелась! Такая гроза...

— Да все со мной в порядке! Мы переждали грозу в сухом укрытии!

— Ванечка, кто «мы»?

Он прямо посмотрел на Лорку, потом на телефон и без хитростей сообщил в трубку:

— Я познакомился с девочкой. Это внучка знакомой Константина Матвеевича. Сейчас я провожу ее и сразу приду.

— Ваня, я не поняла! Какая знакомая? Какая вну...

Телефон пискнул и замер. Кончились деньги.

Ваня покаянно сказал:

— Я дурак. И этот... э-го-ист... У тебя ведь нет мобильного, надо было дать тебе, чтобы позвонила бабушке, а то она, небось, вся испереживалась... А теперь он издох...

— Не-е, она не очень переживает. Она ведь не знает, как я боюсь грозы. Думает, что я вообще ничего не боюсь. И ничего со мной не случится...

— Ты и правда...

— Что? — глянула Лорка сбоку (они рядышком тихо брели вдоль белого корпуса, шлепали по лужицам).

— Ты... и правда героическая личность. Прямо Жанна д'Арк...

— Ага! Как обмирала там, в конуре...

— Ну и что такого! Даже самый героический человек чего-нибудь на свете боится... Петр Первый боялся тараканов...

Лорка опять глянула искоса. И вдруг спросила:
— А ты?

— Я?... — Он вздохнул вроде бы и всерьез, и дурашливо. — Если все вспоминать... — И вспомнил один, не самый большой страх: — Боюсь, например, что опять заставят заниматься музыкой.

— А ты не хочешь? Тогда упрись!

— Ну, упрюсь... А куда деваться-то? Со взрослыми много не поспоришь.

— А что? Могут отлупить, да? — понимающе сказала она.

— Да при чем тут это... — вздохнул мальчик Ваня, которого не лупили ни разу в жизни. — Просто... у меня характер не такой героический, как у тебя... — Это опять было то ли в шутку, то ли всерьез.

— Ну уж, не героический! Вон как вяпал помидором Квакеру!

— Это просто лопнуло что-то внутри. А потом сразу пожалел, да поздно...

— По-моему... ты не очень пожалел... — серьезно сказала она.

«По-моему, да. Иначе мы бы и не познакомились...» — Но выговорить это вслух он не решился.

Они обогнули общежитие и оказались в сквере недалеко от костела. До Ваниного шестиэтажного, с зеленой крышей дома было рукой подать. Впрочем, и до квартала с Лоркиным домом — недалеко.

Лорка тихо спросила:

— А ты... правда думал меня проводить?

— Если хочешь...

— Ага... пойдём... — вздохнула она.

И они пошлепали по мокрой асфальтовой дорожке. Похлопывали мокрыми сандалетками — подошва о подошву.

— Лорка... А откуда обычай такой? Ну, про выстрел, когда солнцестояние? И что за пушка?

— Ваня, я даже и не знаю точно. Это надо у мальчишек спрашивать...

— У Квакера, что ли? — насупился Ваня.

— Нет, конечно! Это надо у Трубачей. Такое общее прозвище из фамилий: Трубин и Чикишев. Федя и Андрюшка. Ты не бойся, они не такие, как Квакер, крутых из себя не строят... И пушка сейчас у них...

«Больно я нужен Трубачам с пушкой», — подумалось Ване. Но Лорка, словно угадав эту мысль, сказала:

— Тебе полезно с ними познакомиться. А то ведь у тебя пока нет здесь друзей, да?

— Кроме тебя, — выскочило у Вани. И лишь потом он смутился. Огрел себя мокрой подошвой по колену.

А Лорка не смутилась, понятно кивнула:

— Да. Но я не смогу защищать тебя от Квакера. А Трубачи... они в драках натренированные. С прошлых лет...

Ваню не очень тянуло на знакомство с тренированными в драках пацанами. Но, с другой стороны, Лорка права. Невозможно все лето жить беззащитным.

Лорка решила:

— Ты проводи меня сейчас, потом иди домой, успокой свою бабушку, а после обеда приходи ко мне снова. Тогда и пойдем к Трубачам...

Трубачи и Никель

Федя Трубин и Андрюша Чикишев дрались в течение почти четырех лет. С начала первого до окончания четвертого класса. Без большой жесто-

кости, но деловито и регулярно. Почти каждую неделю. До разбитых носов доходило редко, однако синяки были делом обыкновенным. Эти синяки и постоянные известия о поединках приводили в отчаяние родителей, учительницу Юлию Васильевну, а также бабушку Андрюшки.

За что Трубин и Чикишев не любили друг друга, что делили между собой, понять не было возможности. Они не соглашались друг с дружкой ни в чем. Как в старой песне: «Если один говорил из них «да», «нет» говорил другой». В проигранных футбольных матчах с другими классами Трубин всегда обвинял Чикишева, а тот, естественно, Трубина. Если на уроке Юлия Васильевна просила Федю рассказать о Куликовской битве, следом поднимал руку Андрей и заявлял, что Трубин все переврал. «Самым бестолковым образом!» Если отправлялись в поход на Гилевские луга и Чикишев получал задание разжечь костер, Трубин тут же всех оповещал, что Андрюшка спалит окрестные леса, но зажечь ни одну ветку в костре не сумеет... И, конечно же: «Ну чё, пошли за кусты?» — «Само собой...» И девчоночье повизгиванье: «Ой, ребята, они опять!» И очередные заявления Юлии Васильевны на родительском собрании, что «с учебой у этих двоих нет больших проблем, но своим поведением они постоянно снижают показатели класса по дисциплине». И что «родителям пора бы принять надлежащие меры». Но у родителей были мягкие характеры и для надлежащих мер не хватало решимости.

Зато однажды еехватило у Евдокии Леонидовны, Андрюшкиной бабушки. Оншла с рынка и увидела двух вечных неприятелей, которые сцепились прямо на улице, на весенней травке у «чикишевских» ворот. Она оставила корзинку на лавочке, ухватила обоих противников за воротники и

отвела в сарайчик, что стоял в глубине двора. Там она скрутила в жгут мешок из-под картошки. Сказала любимому внуку: «Иди сюда». Андрюшка подошел. Он никогда не уклонялся от ответственности за свои дела. Евдокия Леонидовна взяла внука за шкирку и взгрела пыльным жгутом по лопаткам.

Федя мог бы удрать в незапертую дверь, но счел такое бегство унижительным. Слегка запыхавшаяся Евдокия Леонидовна сказала ему:

— А тебя я сейчас отведу к твоей тете Клавдии Кузьминишне и попрошу сделать с тобой то же самое.

Трубин объяснил, что тетя на работе. И мама с папой тоже.

— Лучше сделайте со мной это сами. Чтобы стало справедливо. Мы же дрались одинаково...

— Охотно, — отозвалась еще не остывшая Андрюшкина бабушка. И сделала. Федя не пикнул, как и Андрюшка (подумаешь, мешок!).

Отдышавшись, Евдокия Леонидовна грозно спросила:

— Будете еще драться?

— Я больше не буду, — привычно пообещал Андрюшка.

— И я не буду...

— То-то же!.. Миритесь немедленно и убирайтесь! И чтобы больше ни разу...

Трубин и Чикишев покладисто кивнули друг другу, покинули сарайчик и деловито закончили драку в саду, под набирающими цвет яблонями...

Неизвестно, сколько бы еще продлилась их затяжная война, если бы не девятиклассник Артур Сенокосов.

Сенокосов тоже был нарушитель дисциплины (часто приставал к девчонкам), а еще — бестолочь и трус. После очередного скандала и разборки в

кабинете директора он притихал. Чтобы дать Артуру шанс исправиться, учителя поручали ему какую-нибудь общественную работу. Например, вешать в вестибюле плакаты перед праздниками, следить, чтобы никто не проскакивал в школу без «сменки», или наблюдать за порядком на этаже с младшими классами. Но ведь известно: «Заставь дурака богу молиться...» И однажды этот дурак усмотрел непорядок в поведении четвероклассника Никитки Кельникова.

Никитка шагал по коридору, улыбался, смотрел перед собой и махал снятым ранцем. Вообще-то он редко ходил так живо, а ранец всегда аккуратно носил за плечами. Но сейчас, видно, было у него какое-то особое настроение.

У Артура тоже было настроение, но не особое, а просто скверное. Когда Никиткин ранец задел брючину Сенокосова, тот паучьим движением ухватил четвероклассника Кельникова за плечо:

— Ты чего махаешься! Чуть ногу не перешиб!

Никитка перестал улыбаться.

— Я нечаянно... Извини, пожалуйста...

— Ха, «нечаянно»! А школьная дисциплина не для тебя? Ну-ка, марш к батарее и — двадцать отжиманий!

Никитка замигал и сказал тихо:

— Мне это нельзя, отжимания... Ни одного...

Ему и правда было нельзя. Тихий, безотказный, добрый ко всем Никитка Кельников с младенчества страдал пороком сердца. Еще в первом классе, на собрании (когда Никитка болел дома) Юлия Васильевна сказала: «Ребята, вы поймите. У него сердечко, как лампочка из тонкого стекла. Толкнешь неловко — и одни осколки...»

Класс притих. Маленькая курчавая Света Дымкина вдруг всхлипнула...

С той поры знал каждый: обидеть тихого Никитку (с ласковым прозвищем Никель), зацепить неловко или хотя бы просто прикрикнуть на него — совершенно бессовестное дело. Все это понимали, даже самые сорвиголовы, во всех классах. Только Артур Сенокосов, кажется, не знал, не понимал.

Он тряхнул Никитку за плечо:

— Кому сказано! А то сделаю цыпленка табака!

Трубин и Чикишев шли в ту пору из туалета, после небольшой драчки. По разным сторонам коридора. Андрюшка трогал языком припухшую нижнюю губу. Они в один и тот же миг увидели дурака Артура и Никитку.

Они посмотрели друг на друга. Быстро сошлись.

— Ты — под ноги, я — башкой, — быстро сказал Федя.

— Почему это я под ноги, а ты... — привычно возмутился Чикишев. Но тут же понял, что не время для спора. Незаметно шагнул за Артура и прилег позади него на половицы. В ту же секунду Федя с разбега врезал Сенокосову головой в живот.

Длинный Сенокосов отпустил Никеля и загремел через Андрюшку, будто дон Кихот с мельничного ветряка. Только вот не было звона доспехов. Зато были грозные вскрики:

— Это! Что! Такое! Это! Опять! Чикишев и Трубин!.. — Разумеется, на месте происшествия возникла вездесущая и бдительная завуч Карина Эдуардовна. Было бы странно, если бы не возникла. И потому никто не удивился. Хнычущий Сенокосов воздвигся над полом. Андрюшка тоже вскочил. А Никитка Кельников вежливо и безбоязненно разъяснил завучу:

— Карина Эдуардовна, они не виноваты ни капельки. Они просто заступились за меня.

Карина Эдуардовна была крикливой и не очень-то доброй. Но она не была глупой. Ее педагогического опыта хватило, чтобы сразу понять, что к чему.

— Сенокосов! Марш ко мне в кабинет, там поговорим!.. Кельников, ты не пострадал?

— Не успел, — виновато улыбнулся Никитка.

— Чикишев и Трубин... гм... Я не верю глазам. Вы впервые оказались не друг против друга, а плечом к плечу. Это вселяет надежду... Хотя драться все равно недопустимо... Но я не стану ничего писать в ваши дневники, если вы дадите обещание!

— Какое? — спросил Андрюшка, снова тронув языком губу.

— Вы дадите мне *торжественное* обещание больше никогда не драться друг с другом... А?

— Конечно! — весело отозвался Федя.

— Ага, торжественное, — беззаботно подтвердил Андрюшка.

У того и другого был богатый опыт подобных обещаний.

Карина Эдуардовна глянула с сомнением, но решила поверить и удалилась. Разбираться с дураком Сенокосовым. Трубин и Чикишев тоже пошли, рядом.

— Если бы ты не упал пузом на пол, а встал на коленки, он бы загредел сильнее, — сказал Федя.

— А если бы ты вделал ему покрепче, он бы...

И в эту секунду они ощутили спинами не то легкий укол, не то мягкий толчок. Оглянулись. Никитка Кельников глядел на них то ли с упреком, то ли с виноватой просьбой. Они одинаково засопели, отвернулись и пошли в свой класс молча.

На следующий день (за неделю до летних каникул) уроки закончились раньше обычного, и радостная толпа рванула к дверям. А оставшийся на месте Никель вдруг сказал в спину Трубину:

— Федя...

Негромко сказал, но тот почему-то сразу услышал. Остановился (его толкали).

— Чего?

— Подойди, пожалуйста... Нет, сначала позови Андрюшу...

— Чикишева, что ли? Чего это я буду его звать!

— Ну, пожалуйста, — все так же тихо сказал Никитка. И Федя пошел искать Андрюшку. Догнал.

— Тебя... нас... Никель зачем-то зовет. Идем...

— Чего это я должен... — конечно же, начал Чикишев. И мигнул. И буркнул: — Ну, айда... если зовет.

В классе было уже пусто. Лишь Никитка сидел на прежнем месте. Чуть-чуть улыбнулся навстречу.

— Ну, чего... — нерешительно сказал Чикишев. — Вот я... мы...

— Ага... — проговорил и Трубин. — Вот...

Они были оба коренастые, круглолицые, с лохматыми волосами пеньковой окраски и вздернутыми носами. С глазами цвета чайной заварки. Светлые бровки их были хмуро сведены.

Сидевший Никитка Кельников смотрел на них снизу вверх. Он опять слегка улыбнулся.

— Вы такие... прямо как два брата. Вам бы не драться, а быть все время рядом... друг за дружку...

— Чё, воспитывать надумал? — сумрачно проговорил Федя и стал смотреть на доску с нарисованной теткой (тетка была похожа на завуча Кари-

ну Эдуардовну — кто-то успел на бегу). — На фиг надо...

— Да. Не надо, Ник... — мягко сказал Андрюшка.

— Нет, я не воспитывать... Я вам подарить хочу... — Никель выложил на парту два шарика из волокнистого хрусталя. Размером с грецкий орех. В шариках зажглись искры.

Трубин и Чикишев посмотрели друг на друга. Потом на Никеля. Федя подумал, какое у того бледное треугольное лицо и большущие глаза. И тонкая беспомощная шея. Андрюшка, видимо, подумал что-то похожее.

— Да зачем... — пробормотал Федя.

— Ага... зачем... — повторил за ним Андрюшка.

— Ну... вы вчера вон как заступились за меня. Вместе...

— Ну и что? Не ради подарка, — насупился Трубин.

— Да. Не из-за него ведь... — согласился Чикишев.

Никель шевельнул шарики, щелкнул ими друг о дружку. И, глядя на них, объяснил:

— Ну... я тоже не из-за этого. А так, на память...

Федю и Андрюшку словно кольнуло холодной иглой. Одинаково. (Они потом признались в этом, когда вспоминали тот случай.)

— На какую еще... память? — выговорил Федя. Андрюшка же опасливо промолчал.

Никель опять вскинул глазищи.

— Да, вы ведь не знаете... Завтра меня увезут в Москву. На операцию.

Трубин и Чикишев опять посмотрели друг на друга. Потом на шарики.

— Ни фига себе... — вполголоса сказал Федя.

— Это... на сердце, да? — неуклюже выговорил Андрюшка.

— Ну да... — с ненастоящей беззаботностью отозвался Никель. И стал смотреть в окно.

Федя посильнее свел брови и решил:

— Ты вот что! Ты шарики сейчас не дари, а отдашь нам, когда вернешься.

Никель глянул на них, словно из темного пространства.

— «Вернешься». Вы же сами понимаете... Это же сердце, а не аппендицит. Сколько там шансов?.. Родители не хотели даже, чтобы операция... а я заставил согласиться. Надоело жить, как в клетке... Ребята, вы возьмите... Посмотрите потом на них и вспомните про меня. А я буду знать про это и думать там о вас...

Тихо-тихо стало. Наконец Федя выговорил:

— Чё про нас думать-то...

Никель лег щекой на локоть.

— А потому что... я и раньше про вас думал. Вы такие... крепкие. Думал: вот бы помирились навсегда, а я бы с вами... подружился. Как мушкетеры... Ну, я никакой не мушкетер, конечно, только все равно... хотелось...

И ясно было Трубину и Чикишеву, что похожий на журавлиного птенца Никель говорит это, потому что боится: вдруг потом не сможет сказать уже никогда... («Еще бы секунда, и я бы заревел», — хмуро признавался потом Феде Андрюшка. Федя на слезы был покрепче, но понятливо сопел.)

Федю вдруг осенило:

— Ты тогда вот что! Возьми это!.. — Он выхватил из брючного кармана деревянный свисток. Простенький, из тонкого тополиного сучка. Такие свистульки туренские мальчишки умели делать еще в позапрошлом веке, и умение это сохранилось до наших дней. Вот Федя и смастерил недавно (и был выставлен из класса за то, что пробовал

свое изделие на уроке; хорошо, что Юлия Васильевна свисток не отобрала).

— Вот! — решительно сказал он. — Это... от нас обоих. Чикиш, на, поддержи, чтобы он стал и твой... — (Андрюшка послушно подержал. И даже дунул осторожно.) — Ты, Никель, там, в больнице, спрячь его под подушку. И... ну, если заскучаешь там или что еще, свистни потихоньку... Сразу станет легче...

— Точно, — кивнул Андрюшка.

— Ладно, — довольно твердо пообещал Никитка. Взял свисток, а шарики тихонько катнул Феде и Андрюшке. Те сжали их в кулаках.

— Только вы... не деритесь больше, ладно? Или... хотя бы не очень часто. Ладно?

— Никель, да ты чего... — надулся Федя. — Мы теперь... это... Ты сам-то, главное, держись там...

— И думай только про хорошее, — добавил Андрюшка. — Если думаешь про хорошее, так все и получается.

— Да, — улыбнулся Никитка. — Я буду...

— А чего ты тут сидишь один-то? — вдруг встревожился Андрюшка. — Давай мы тебя проводим домой!

— Нет, я посижу. За мной сейчас мама придет... А я знаете, как вас называл? Ну, в уме, про себя... «Трубачи». Трубин, Чикишев — Трубачи.

— Ух ты... — прошептал Андрюшка, потому что не нашелся, что еще сказать.

А Федя подумал секунду и кивнул:

— Годится...

В дверь заглянула молодая женщина с тревожным лицом.

— Ник, ты здесь? Пойдем...

— Ник, пока, — шепнул Федя.

— Ага... Держись там, — шепнул и Андрюшка. Они одинаково тронули Никиткино плечо кулаками, в которых были зажаты шарики. И пошли, не оглядываясь. Бормотнули «здрасте» женщине у дверей. В коридоре вдруг услышали долетевшую из класса трель тополиного свистка. И быстро-быстро зашагали на первый этаж, к выходу.

За школьной калиткой Андрюшка разжал кулак, поглядел на шарик.

— У меня с прожилками... А у тебя?

— Вот... Они похожие...

— Давай поменяемся, а?

— С чего это я буду... — привычно взвинтился Трубин, и... они встретились глазами.

— Давай.

3

С того дня они всегда были вместе. Это «вместе» помогало справляться с печалью и тревогой. Но полностью тревога не исчезала. Занозой сидела в обоих Трубачах. Чтобы унять ее и чтобы восстановить в жизни хоть какую-то справедливость, они в последний день учебного года подкараулили на улице Артура Сенокосова. Встали на пути.

— Ну что, Сенокосилка, доволен? — спросил Федя.

— Конечно, он доволен, сволочь... — сказал Андрюшка. — Налетел тогда... У Ника из-за этого могло быть обострение...

— Да вы, чё, парни... — пробормотал Сенокосов (он был в курсе дела). — Я же не знал тогда. Если бы я знал, я бы... наоборот... Я же это...

«Парни» ему не доставали и до плеча. Наверно, Сенокосов сумел бы раскидать их. Но, возможно, что и не сумел бы. Все-таки Трубачи были крепкие

ребята, и к тому же ими двигал тугой, как пружина, праведный гнев. Артур был глуп, но этот гнев ощутил. И сказал спасительную фразу:

— Люди, ну чего теперь-то? Что мне, с моста головой?

Федя обмяк.

— Ладно, Дрюша, пошли. Ну его в болото...

— Пошли...

Потому что можно было разодраться с дюжиной таких «сенокосилок» и даже измолоть их в крупу, но это никак не помогло бы Никелю. Даже наоборот... Всякая лишняя вражда и боль добавляют злую энергию в общее энергетическое поле Земли. Федя и Андрюшка не могли бы объяснить это словами, но теперь догадывались. Чувствовали одинаково...

И что можно было сделать? Да ничего! Живи и жди... Какая злая сила придумала эту самую подлую пытку — томительную неизвестность? «Как он там теперь?..»

Казалось бы, что им Никита Кельников? Самая незаметная личность в четвертом «Б». Они про него особо и не думали до той стычки с Артуром. Вернее, до разговора, когда шарики и свисток... Кто знал, что так повернется? И сидел теперь в душе постоянный страх («зараза такая!»). И печаль...

А увесистые шарики оттягивали карманы легоньких летних штанов, словно все время подталкивали: «Помни...» И выложить их было боязно, словно тогда нарушится какое-то заклинание...

Однажды Федин шарик ускользнул из протертого кармана. И не где-нибудь, а на краю лога, когда тащили оттуда кленовую корягу — она была нужна для постройки хижины в Андрюшкином дворе (потому что страхи страхами, а жизнь-то все-таки продолжалась). Федя даже не пытался скрыть отчаянье. Прижал к мокрым щекам ладони, сел на эту самую

корягу и ослабел всем телом. Но отчаянье — беде не лекарство. Пришли в себя и кинулись искать — в самую глубину и чащу! Ободрались, как черти. Собрали на себя по два пуда мусора и колючек. Татарская крапива выполнила за счет двух сумасшедших мальчишек весь летний план по издевательствам над ребячьим населением... Но они нашли! Шарик уютно лежал в консервной жестянке, сброшенной в лог со всяким сором.

После счастливой находки два дня подряд казалось, что у Никеля все кончится благополучно. Потом вернулась прежняя тревога.

И вот ведь дурацкое положение! Они даже не знали здешнего адреса Никеля. Некуда было пойти и спросить: как там? Хотя, конечно, могли и узнать, но все равно не решились бы пойти. Придешь, а тебе скажут... такое...

В середине июня они встретили на улице Юлию Васильевну. Она вела в парк, на карусели, ребят из школьного лагеря.

— Здравствуйте, мои ненаглядные. Вот уж не думала, что вы гуляете вместе! Чудо чудное... А почему не ходите в лагерь? Там интересно...

— Юлия Васильевна... — сказал Федя.

— Да, Юлия Васильевна, — сказал Андрюша. — Вы, случайно, не знаете?..

— Что?

— Ну... как там с Никелем... с Кельниковым? — выговорил Федя и сжал в кармане шарик. И стал смотреть на одуванчики.

Юлия Васильевна посерьезнела:

— Я... не знаю, ребята. Наверно, еще никак. Там ведь до операции долгий подготовительный период. Так мне его мама говорит. Я ей звонила на днях...

— Повеситься можно... — пробормотал Андрюшка.

Она пригляделась:

— А вы что? Разве такие друзья с Никитой? Вот не думала...

— Ну... друзья, не друзья... — вздохнул Федя.

— А на душе маета, — честно договорил за него Андрюшка. — Ходишь и не знаешь, что делать...

Она покивала:

— Да... Остается только ждать и надеяться. — И вдруг добавила: — Некоторые люди молятся в таких случаях. Если верующие... — Потом будто встряхнулась: — До свиданья. В лагерь-то заглядывайте, если заскучаете... — И повела за собой вереницу послушных малышей в разноцветных кепчках и панамках.

А Федя и Андрюшка — до лагеря ли им было?

— Ты верующий? — утрюмо спросил Федя.

— Ну... в общем-то да. Мне бабушка про веру рассказывала. И в церковь водила в прошлом году, на Троицу... А ты?

— Я... наверно, тоже да. Раз крещеный... Я в первом классе крестик носил, только потом шнурок порвался... А ты молитвы какие-нибудь знаешь?

— Одну помню...

— Тогда... идем?

Церковь (которая назвалась Михаило-Архангельская) была недалеко. Возносила белую колокольню и золотые кресты над деревянными кварталами, над крышами и башенками университетских зданий. Стояла она за узорчатой решеткой, среди небольшого сквера. Ко входу вела вымощенная плиткой дорожка. У приоткрытой двери сидели несколько старух. Над дверью висела застекленная икона со славным таким молодым лицом — наверно, это и был архангел Михаил. Трубащи робко подняли глаза к иконе, а одна из старух сурово сказала:

— Куда это вы такие обтрепанные?

Они были в прошлогодних бриджах с клочками и оборванными хлястиками у колен, в замызганных футболках и в кроссовках, похожих на раздавленные птичьи гнезда. Непричесанные, конечно. Федя, однако, набрался храбрости и заспорил:

— А чего! Это же храм Божий, а не филармония. Сюда можно без нарядов.

— То-то и есть, что храм. А вы как... на сбор металлолома. Хоть бы рубахи надели чистые...

Наверно, их бы все-таки не задержали, поворчали только. Но Андрюшка и Федя — оба одинаково — почувствовали себя так, словно явились незванными на чужой праздник. Андрюшка потянул Федю за рукав. Назад.

— Давай уйдем...

За церковной калиткой он виновато объяснил:

— Наверно, эта тетка правильно сказала. Мы в самом деле такие обормоты... Бабушка моя, когда меня в церковь собирала, оглаживала целый час...

— Небось, полотенцем... — усмехнулся Федя. Вспомнил про весеннее «воспитание» в прошлом году. Андрюшка тоже хмыкнул, но без веселья.

— Дело не в рубашках, — рассудил Федя. — Бабки решили, наверно, что мы просто так, для забавы. Они ведь не знают... Может, им объяснить?

— Не хочется почему-то... — повел плечами Андрюшка. — Федь, знаешь что? Есть одно место...

— Какое?

— Ну... где можно помолиться. И даже внутрь заходить не надо.

— Это где?

— Недалеко.

Они пошли мимо учебного корпуса, мимо длинного профессорского дома и старинного особняка с аптекой. Остановились на перекрестке. Напротив ярко краснел под солнцем небольшой кирпич-

ный костел. С острой башенкой, с колоколом на ней.

— Вот, — сказал Андрюшка. — Смотри, там статуя...

За воротами изгороди, перед входом в костел, подымалась на постаменте небольшая скульптура. Белая, будто из фаянса. Мужчина с маленьким мальчиком на руках.

— Это Иосиф с маленьким Иисусом. Муж Богородицы. Он всегда заботился об Иисусе, был его земным отцом и поэтому стал святым... Мне бабушка говорила.

— Ну и что? — недоверчиво сказал Федя.

— Перед ними и можно прочитать молитву...

Федя осторожно проговорил:

— Дрюша, костел — это ведь церковь для католиков. А мы же вроде бы православные. Будет, наверно, недействительно...

— Да какая же разница! Иисус Христос один на всем свете! А различия для церквей придумали взрослые, из-за всякой политики! Детям-то не все ли равно?.. Смотри, Иисус тут совсем обыкновенный мальчик. Он, наверно, должен услышать других мальчишек...

Федя вдруг вспомнил большеглазого пацаненка среди тех, кого вела в парк Юлия Васильевна. Один из всех он был без панамки, без кепки, со светлыми кудрями и задумчивый такой...

— Дрюша, идем... — и они, переждав цепочку легковушек, перешли дорогу.

Во дворе костела за изгородью из редких железных копий никого не было. Дверь храма оказалась запертой. Трещали кузнечики. На улице в эту минуту — тоже никого. И они почти без робости встали перед статуей. Иосиф смотрел озабоченно, а маленький Иисус чуть улыбался.

— А как тут надо креститься? — прошептал Федя. — Если по-нашему, то справа налево. А по-католически, кажется, наоборот...

— Можно так и так. На всякий случай...

И они перекрестились «так и так».

— А молитва? — опять шепнул Федя. — Ты говорил, что помнишь...

— Есть такая. Бабушка часто читает. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя...» «Мя» значит «меня». Но можно ведь и так: «...Помилуй Никеля... то есть Никиту Кельникова»...

— Наверно, можно... Ты говори, а я за тобой...

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий... — негромко сказал Андрюшка, и Федя чуть сбивчиво повторил.

Андрюшка проговорил дальше:

— Помилуй Никиту Кельникова... нашего друга... и помоги ему...

— ...И помоги ему, — согласился Федя с таким продолжением молитвы. И даже защипало в глазах.

— Теперь давай еще раз, вместе...

— Давай.

И они повторили молитву дружно, без запинки. Потом перекрестились еще (снова «так и так»), посмотрели с полминуты на скульптуру, словно вбирая в себя мальчишечью улыбку Иисуса. Взяли друг друга за руки и вышли на улицу. Там стояла на краю тротуара высокая старая женщина в кружевной шляпке и просторной, как мешок, кофте. Смотрела на двух мальчиков внимательно и с пониманием. И они даже не смутились. Так, рука в руке, пошли по Перекопской улице на речной обрыв — поглядеть, как там строится внизу, у воды, набережная...

Потом они еще несколько раз приходили на костельный двор — иногда вместе, иногда поодиночке (но все равно будто вместе) и шепотом читали короткую молитву. И на какое-то время становилось спокойнее.

Один раз, в начале июля, снова встретили Юлию Васильевну, и та сказала, что операцию наконец сделали и, кажется, удачно. Однако надо еще ждать и смотреть: не будет ли «негативных» последствий. Можно было вздохнуть поспокойнее, но ведь не все же еще ясно...

«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, пусть не будет последствий...»

...А в конце июля Феде и Андрюшке пришло письмо. На Федин адрес. (Как Никель узнал его?) Большими нетвердыми буквами Никитка писал, что все хорошо. Мол, сначала думали, что не все будет хорошо, но сейчас уже ясно, что операция удалась полностью. Надо только еще лежать, для «укрепления организма». «А вы не забыли, что вы Трубачи?»

И лето наконец расцвело ясно и беззаботно!

Последние недели этого лета Трубачи провели на Андрюшкиной даче, где дважды получали от бабушки Евдокии Леонидовны мешком — за вылазку в соседний сад и за самовольное купанье. Смеху было... Письма теперь приходили на дачу — и было их четыре. В последнем Никель писал, что вернется в сентябре. Вернулся он, правда, лишь в середине октября, но зато совсем не слабый, не болезненный, как ожидалось. Даже наоборот...

Пятый «Б» встретил его с гвалтливой радостью, но долгое время еще все боялись случайно толкнуть его или втянуть в суетливую игру.

А с Трубачами и Ником было так... Да в общем-то никак не было. Просто они посмотрели друг на друга, и сразу стало их трое.

Вот к этим ребятам в день летнего солнцестояния Лорка и повела своего нового друга, московского мальчика Ваню Повилику.

Орудие по наследству

1

После обеда Ваня сообщил бабушке Ларисе Олеговне, что пойдет погулять. С девочкой Лоркой. («То есть с Ларисой, вашей тезкой».)

— Почему ты зовешь ее Лоркой? Это нехорошо!

— Очень даже хорошо! Ей самой нравится!

— Похоже, что у нее хулиганские замашки...

— Лариса Олеговна! Она внучка заслуженной библиотечарши Любви Петровны Грибовой, которая училась с Константином Матвеевичем!.. Я хотел рассказать ему про нее, а его опять нет дома...

— Он на работе. Он снова запутался в своих сетях, и я понимаю, что добром это не кончится. Он...

— В каких сетях?

— Да в нейронных же! Какие-то новые разработки. Он же объяснял тебе, по-моему!

Константин Матвеевич и правда раза два объяснял Ване про свою работу (и тот даже кое-что понимал — так ему казалось). Дед занимался разработкой искусственных нейронных сетей. Ваня еще раньше слышал, что обычные компьютеры запоминают полученные данные в виде электрических зарядов в ячейках своих электронных схем. Но для того, чтобы сделать что-то полезное, им, компьютерам этим, обязательно нужна программа, написанная человеком. Без нее они — обыкновенные железяки.

— А создаваемые нами нынче электронные ней-

роны по-разному изменяют свое внутреннее состояние и усиливают связи между собой в зависимости от прочитанной информации... — лекционным тоном вещал Граф. Ваня с умным видом кивал.

Граф продолжал, увлекаясь:

— Это дает им возможность не только запоминать и припоминать все, что они узнали, но и делать логические выводы. И принимать самостоятельные решения!..

Ваня снова кивал. А дед, слегка остыв, признавался, что иногда он, руководитель группы, и его сотрудники запутываются в этих сетях, потому что в них очень сложная структура — миллионы искусственных нейронов и миллиарды связей между ними. Потом, опять вдохновившись, профессор Евграфов начинал утверждать, что, несмотря на все трудности, до создания более или менее полноценного искусственного разума осталось всего несколько лет. И что вскоре этот искусственный разум сможет превзойти интеллектуальные способности человека.

— И человеку можно будет не думать ни о каких сложностях? — спросил однажды Ваня.

Дед насупился и ответил раздраженно:

— Думать человек должен всегда! А после создания искусственных мозгов — особенно. Хотя бы для того, чтобы эти самые мозги в свою очередь не придумали то, чего не надо...

...А сейчас Лариса Олеговна объясняла Ване:

— Из-за этих разработок его и перетасили сюда из Новосибирска. Он, может быть, и не поехал бы, но там у него начались всякие сложности с начальством, что немудрено при его характере, а здесь — и новая должность, и кафедра, и зарплата выше в два раза, и возможность работать над своей темой, а там — доктор Мешаев, с которым у

них стычки уже двадцать лет подряд, он написал письмо в академию, а на самом деле причина в том, что племянник Мешаева... это который уехал в Канаду, потому что его племянница...

— Чья племянница? Графа?

— Да Мешаева же! Она защищала кандидатскую, а Графа сделали оппонентом, и что-то у них там вышло... Не из-за племянника, а из-за распределения тем. А отсюда — приглашение... Костя и сказал: «Помирать, так в родном городе...» Тем более что квартиру пообещали размером со стадион, сам видишь. И возможность самостоятельной разработки ведущей темы... А она заявила вдруг, что уезжает в Канаду, потому что...

— Тема заявила?

— Ты дразнишься, да? Племянница Мешаева заявила...

— Вы же сказали: племянник.

— Племянник — сначала. А она — потом, после защиты, а он...

— Лариса Олеговна, я пойду, ладно?

— Ты меня никогда не слушаешь...

— Я потом дослушаю. А сейчас Лорка ждет!

— Я всегда сама не своя, когда ты уходишь из дому один...

— Я же не один! И что со мной тут может случиться? (Хорошо, что она не знает про Квакера!)

— В «Новостях» то и дело сообщают о всяких маньяках.

— Но они же не здесь!

— Здесь тоже! В прошлом году писали про похищенного мальчика... Правда, потом оказалось, что его не похитили, а он уплыл на лодке вниз по течению и путешествовал по окрестностям, но все равно...

«Небось, от такой вот словоохотливой бабушки сбежал...»

— Я не уплыву! Откуда у меня лодка?

— Долго не гуляй. Имей в виду, я буду звонить...

— У меня мобильник испустил дух. В нем ни гроша.

— Хорошо, что сказал! Я сейчас пойду в магазин, в «Виолетту», там поставили автомат для оплаты. Правда он не всегда выдает чеки, потому что быстро кончается бумага, но продавщица Валя (это та, у которой я всегда покупаю свежие вырезки) сказала, что чеки необязательны, потому что оплата поступает и без них, и я убедилась, что...

— Лариса Олеговна, это хорошо, что без них! Бумага сэкономится! Я побежал!

— Имей в виду, что...

— Буду иметь! Пока!..

Лорка ждала у калитки. Дергала на платице матросский галстучек. Заулыбалась.

— Пойдем. Это недалеко, через мост на Камышинской...

Камышинская, Кольцовская, Чеховская, Тургеневская... Осевшие в траву деревянные дома с резными кокошниками. Блестящие стекла факультетских корпусов над старыми крышами с узорчатыми дымниками печных труб. Над корпусами — башенки и шпили с кораблями — университетская эмблема. Здешний вуз десять лет назад вторгся в деревянные кварталы, но не осмелился спорить со стариной, а постарался соединиться с ней — притворился, что он тоже из прежних времен. Переплел с причудливостью давнего сибирского городка свои арки, галереи, мансарды, чугунное кружево... А в центре переплетения сияли бе-

лизной церковные башни с горящими на солнце крестами...

Солнце жарило, словно старалось извиниться за недавние промозглые дни. Первая половина июня стояла до жути холодная: северный ветер, налетающие дожди и температура не больше плюс десяти. Ваня почти все дни проводил в «бабо-дедовой» квартире. После московского двухкомнатного жилья она казалась похожей на пещеру капитана Немо, где прятался «Наутилус» (вот тебе и «провинция»!). Ваня помер бы от скуки, если бы не книги профессора Евграфова, которые тот «наконец-то, на старости лет, смог расставить без всякой тесноты». Конечно, книги были главным образом научные, но нашелся там и Марк Твен, и Джек Лондон, и даже старые выпуски Жюль Верна. А главным спасением оказался ноутбук, который Лариса Олеговна выпросила для внука у мужа. Впрочем, что значит «выпросила»? Тот и не возражал. Сказал сучновато:

— Пользуйся этим утилем, не жалко. Только имей в виду, там иногда контакты шалят... А к большой машине без меня не суйся, у нее настройки тонкие...

Ваня благодарно кивал. Константин Матвеевич показал, как подсоединять «утиль» к интернетному кабелю.

— Можешь скачивать, если что надо...

— Спасибо... Я много не буду. Я же понимаю, что это дорого...

Профессор Евграфов поднял клочковатые брови. Хмыкнул:

— Что дорого? *Это?* Не грузись заботами. У меня бесплатная сеть, за счет университета... Ты только не трать много времени на «игрушки», как наши лаборанты. Бездарное занятие...

— Да, я не буду!

«Игрушкам» он отдал дань еще в начале четвертого класса, когда мама и пришедший в гости отец наконец установили в комнатке у Вани компьютер и подключили модем. Почти месяц крутил всякие «Охоты за субмаринами», «Звездных навигаторов», «Заповедники драконов». Мама пыталась оттащить его от монитора чуть не за уши. «У меня в конце концов лопнет терпение, и я выброшу этот ящик в мусорный бак!» Ванино терпение кончилось раньше. Вдруг пришло понимание, что эти игровые миры — обман. Словно кто-то водит тебя за нос. Как ни ломай голову, сколько ни пробивайся на высшие уровни — все равно это уже предугадано. Только попусту тратишь время.

И он стал тратить время на другое — на путешествия по Интернету просто так, наугад. Набираешь какое-нибудь слово — и пошел... Парусные корабли, Древний Рим, история электричества, загадки подводного мира...

Мама опять страдала и негодовала. Страдала потому, что на это «уходят сумасшедшие деньги». Негадовала потому, что однажды на меню сайта про Жюль Верна увидела снимок полутолой (да чего там «полу...»!) девицы. Та, изогнувшись, заманчиво глядела из-за плеча.

— Какой ужас! Значит, ты *это* выискиваешь в Интернете?! Я немедленно позвоню отцу!

— Ма-а!!! Да ты что! Я на них и не смотрю вовсе! Даже не обращаю внимания!.. Ну, что делать, если *они* лезут на экран каждую минуту!

— Что делать! Не включать эту гадость, а учить уроки! У тебя две тройки по математике!

— У меня по ней всегда тройки!

— Ты мне порассуждай еще! Мало того, что бросил музыку, так еще и превратился в компьютерного маньяка...

Ваня примолк. Спорить со взрослыми бесполезно. Спорить с женщинами (если даже они — мамы) бесполезно вдвойне.

К счастью (для мамы), компьютер забарахлил, и его отдали для ремонта какому-то маминому знакомому. А тот укатил в отпуск на Азорские острова. На месяц! А когда вернулся и починил, Ваня понял, что прежний интерес к Интернету угас. Потому что он, Ваня, записался в хоккейную секцию (вернее, папа записал; недорого устроил — за полтысячи в месяц). Правда, через два месяца Ваню «освободили», деликатно посоветовав поискать другой вид спорта (и не вернув уплаченные вперед деньги), но компьютер уже не тянул к себе, как прежде. Тем более что и правда ведь дорого...

А в Турени Ваня «дорвался до бесплатного»! Именно здесь он выудил из сети малоизвестный жюль-верновский роман и прочитал с экрана. Роман, где про остров Гваделупу. На который в августе отправится мама. («Хорошо ей!.. А впрочем, и здесь не так уж плохо. Потому что вот Лорка... Идет сбоку, мурлычет полужнакомый мотив»).

— Ты что за песенку напеваешь? Это у вас какая-то... семейная, да? Любовь Петровна сегодня ее тоже: мур-мур, мур-мур...

— Ага, — согласилась Лорка. — Это ее любимая, с детства... У них в школе был драмкружок, там ставили сказку, «Стальной волосок» называлась. Ну, там чудеса всякие, сундук с волшебной книгой, мальчик и девочка, которые ищут книгу... чтобы спасти кого-то... кажется, еще одну девочку, она заболела из-за вредной колдуньи. Ну и песенка эта...

— А какие слова? Помнишь?

— Ну... маленько...

— Спой, — попросил Ваня. Сам не знал, для че-

го. Или хотел испытать: насколько доверчиво она относится к нему?

— Ох... зачем?

— Так просто...

— Я же не певица...

— А не надо, как певица. Ты как... Лорка.

— Ну... ну вот...

И она пропела тоненько, тихонько, но не сбиваясь:

Ключик-колючик, стальной волосок.
Спрятан сундук в серебристый песок.
Ключ поверни,
Радость верни...

А дальше я не помню... Нет, вот еще:

Тронет пружинку стальной волосок.
Вздрогнет разбуженный звоном лесок...

Там в лесочке стояла избушка, где жила больная девочка... А в замке сундука была пружинка. А на конце у ключика была стальная проволочка, будто упругий нерв. Он должен был задеть пружинку, чтобы та проснулась, открыла замок... А замок заржавел коловской ржавчиной, не открывался. Мальчик старался, старался и уколол стальным волоском руку. Все думали, что он умрет, а он сбросил с пальца капельку крови, та упала на сундук, и он открылся...

— А кто сочинил эту сказку? Андерсен?

Лорка тоненько (так же, как пела) засмеялась:

— Какой Андерсен! Кто-то из ребят в их кружке...

Ваня искоса посмотрел на ее висок с белобрысыми прядками — в них прятались желтые крохотные искорки.

— Лорка...

— Что? — она глянула чуть испуганно.

— Забавно, да? — Он говорил несмело, но сказать это хотелось.

— Чего забавного-то? Грустная сказка, хоть и хорошо кончается.

— Да не про сказку я... Про нас. Мы только этим утром познакомились. Даже почти днем. А сейчас вот идем рядышком и будто давным-давно знакомы. Ну, по крайней мере, мне так кажется... Тебе-то, наверно, не так...

— Нет, мне тоже так... — без удивления сказала она. — Знаешь почему? Наверно, потому, что твой дедушка и моя бабушка были знакомы в детские годы...

«При чем тут это...» — чуть не сказал Ваня. Но решил, что лучше согласиться.

— Наверно... А еще мне кажется сегодня, что я бывал в этом городе раньше. Только не помню названий у здешних улиц.

— Вот эта, где мы идем, — Герцена. А до революции называлась Ляминская. Вон там, где начинается Камышинская, раньше было маленькое озеро. Бабушка говорит, что она с мальчишками каталась по нему на плоту. Спихнули на воду кусок тротуара из досок и поехали...

— Жалко, что сейчас его нет. Озера...

— Да... А вон там, на Камышинской, мост через лог, а дальше совсем уже близко двор Чикишевых. Трубачи и Никель всегда собираются там, вечно придумывают что-то...

Пока неспешно шагали через мост с чугунными перилами и по заросшему переулку над логом, Лорка успела кое-что рассказать про трех друзей. И когда оказались в заросшем кленами дворе с длинным деревянным домом, навесом и сараем, Ваня с одного взгляда понял — кто есть кто.

По крайней мере, ясно было, кто Трубачи, а кто Никель.

Одеждой они не различались. На всех подвернутые трикотажные штаны с отвисшими коленями и замасленные камуфляжные безрукавки «на голое пузо». И такие же бейсболки. Но двое — коренастые и курносые, а третий... Про таких мамина знакомая Эльвира Антоновна говорила: «Этого мальчика хоть в лохмотья обряди, а все равно будет казаться, что на шее — концертная бабочка». Вообще-то она так про Ваню говорила, но тот слова эти по отношению к себе с возмущением отметал, а сейчас, глянув на третьего мальчишку, вспомнил их сразу...

Они возились с кривой самодельной пушкой на тележных колесах. И не оглянулись на вошедших. Но один из Трубачей (он что-то приколачивал к колесу), не разгибаясь, продекламировал:

— Вот и Лорка пришла...

— И кого-то привела... — закончил другой.

Это было без насмешки, обрадованно даже.

А Никель ничего не сказал, только распрямился. Тонкий, остролицый, большеглазый, с темным крылышком волос под козырьком.

— Я привела Ваню, — бесхитростно сообщила Лорка. — Он приехал на каникулы из Москвы.

— Понятно, — кивнул Трубач с пятном известки на скуле. — Понятно, почему Лорочка не заглядывала к нам целую неделю. Показывала гостью город Турень... — Теперь это уже с легкой подначкой.

— А вот и нет, Феденька. Мы познакомились только сегодня.

— А где пропадала? — спросил другой Трубач (следовательно — Андрюшка).

— Родители дома держали. У нас был ремонт и генеральная уборка перед отъездом на дачу, я помогала. Даже к бабушке редко забегала.

— Бедняжка, — посочувствовал Андрюшка.

— А вот и нет. Я за свою работу получила увольнение от дачи. Мама с папой уедут, а я останусь с бабушкой...

— Все нормальные дети стремятся на дачу, — сказал Федя. — А наша Лорочка...

— Вы ведь тоже не на даче, — заметила она.

— Разве же мы нормальные? — отозвался Андрюшка. — У нас тут всякие сумасшедшие дела.

— С пушкой? — улыбнулась Лорка.

— И с ней тоже, — кивнул Федя. — Слышала, как она сегодня бабахнула?

— Конечно! И главное, что во время бабахнула, — Лорка стала серьезной.

— Еще бы, — согласился Федя чуть хвастливо. — В полдень из секундочки в секундочку.

— Не в том дело, что в секундочку, — обстоятельно разъяснила Лорка. — А в том, что нас тогда поймал у лога Квакер. С двумя с какими-то... я их даже не знаю. У него с Ваней счеты. Но услышал выстрел и попятился. Все-таки помнит еще закон...

Трубачи и Никель теперь смотрели на Ваню с одинаковым интересом.

— А что за счеты у Квакера с московским гостем Ваней? — спросил Федя. Без ухмылки и вроде бы даже озабоченно.

Лорка ответила тем же тоном:

— Московский гость Ваня вяпал Квакеру пошее раздавленным помидором. За то, что этот Квакер зацепил мою бабушку велосипедом, порвал ее сумку с помидорами. Да еще хихикал...

Трубачи посмотрели друг на друга и на Никеля. Потом все трое — на Ваню.

Федя посочувствовал:

— Ваня — герой. Но теперь у него будут каникулы, полные приключений...

— Но не сегодня же... — заметила Лорка. — А Ваня, когда услышал выстрел и узнал про пушку, захотел с вами познакомиться.

Тогда подал голос Никита Кельников. До сих пор он молчал, стоял прямой такой, с чуть вытянутой шеей, и смотрел словно бы издалека. А тут вдруг улыбнулся, посветлел глазами, шагнул через пушечное колесо.

— Ну, давайте тогда знакомиться... — голос его оказался неожиданно высоким и ясным. — Ты Ваня, а я Никита. Или Никель... — он протянул руку. И Ваня взял его узкую ладошку.

— Я, значит, Федя... — и протянулась к Ване еще одна рука.

— А я — Андрюшка...

— Или можно «Дрюша», — уточнил Федя.

— Ага, можно, — согласился Чикишев, приоткрыв в улыбке сломанный зуб.

Ваня почувствовал, как ломается прозрачная стенка. До сих пор он был отдельно от них — как бы за незаметным, но ощутимым стеклом. И даже Лорка в эти минуты была отдельно. А теперь стекло, еле слышно звякнув, рассыпалось, и стали они вместе.

— Ты где живешь? — спросил Федя, подтягивая обвисающие штаны.

Ваня слегка замялся. Говорить, что обитает в элитном профессорском доме, было почему-то неловко. И Лорка это вмиг учуяла.

— Между Перекопской и Красина, — небрежно сказала она. — Дом с зеленой крышей и башенкой. Знаете?

— Ого, — с пониманием сказал Федя. И больше

никто ни о чем спрашивать не стал. А Дрюша посоветовал по-приятельски:

— Когда будешь к нам ходить, ты не шагай прямо на Камышинскую, к тому мосту, там можно легко напороться на Квакера. Ты лучше иди малость в обход, вниз по Перекопской, там тоже мост. Перейдешь его, а потом налево, вдоль лога. Прямо здесь и окажешься. К нам Квакер не заглядывает, у него своя компания... — И почему-то все, даже серьезный Никель, коротко посмеялись.

И Ваня понял, что ему хорошо здесь. Хорошо в просторном дворе с кленовой тенью, среди ребят, которых увидел лишь несколько минут назад. И чтобы не упустить ощущение этого «хорошо», надо было завязать какую-то беседу. Хоть о чем. И Ваня спросил про пушку:

— А почему колеса у нее такие? Одинаковых не нашлось, да? Конечно, телеги сейчас редкость...

Колеса были деревянные, от телеги, которую в прежние времена таскала старательная лошадка. Похоже, что одно — заднее, а другое — переднее. Поэтому разного диаметра.

— Дело не в том, что редкость. Просто это традиция, — объяснил Никель. — Катать ее сложновато, виляет, но зато память о прошлом...

— Да, — солидно подтвердил Федя. — Колеса-то можно всякие найти, в логу на свалках что хочешь отыщется. Но лафет у этой гаубицы смастерили в давние времена, не хочется менять старину... Ствол-то заменяли не раз, а колеса... Даже никто не знает, с какой они поры. — И он погладил большое колесо. Ваня тоже погладил — то, что поменьше. А потом и ствол.

Это была труба длиной около метра, а «калибром» сантиметров десять. С толстыми стенками. Она крепилась проволокой к двум брускам, кото-

рые лежали на колесной оси. С тыльной стороны в трубе сидела плотная деревянная заглушка, укрепленная коваными шкворнями. Пахло от трубы теплым железом, ржавчиной и сторовшей взрывчаткой.

— А чем стреляете? — деловито спросил Ваня. Я, мол, вроде бы тоже смыслю в этих делах.

— Петардами, — разъяснил Андрюшка. — Китайскими. Их к Новому году продают, у нас запас... Вот сюда, в запальное отверстие, пропускают длинную проволоку, привязывают к ней фитиль петарды и вытягивают его наружу. Зажигай фитиль да отскакивай в сторонку...

— В старые времена, когда петард не продавали, было труднее, — стал рассказывать Федя. — Приходилось делать гремучую смесь или добывать порох. У отцов, которые охотники. А какому отцу это понравится...

«Да уж...» — подумал Ваня.

— Но это было давно, — вмешался Никель (и Ваня опять удивился ясности его голоса). — Даже Степа Плотников, который передал Феде и Андрюшке пушку по наследству, сам порохом не стрелял, а знает это от других...

— Как это «по наследству»? — опять проявил интерес Ваня.

— Щас расскажем, — пообещал Федя. — Да ты садись... — Он толкнул ногой к Ване березовый кругляк, валявшийся в лебеде. Ваня ловко поставил его торчком и сел. Прикрыл ладонями колени, потому что их сразу начало жарить солнце — отвесными лучами. Мальчишки тоже уселись — кто в траву, кто на пушку, а Лорке подкатили такой же, как у Вани, кругляк, она села с Ваней рядышком.

Мальчишки рассказали про то, что Ваня уже слышал от Лорки. Про обычай давать полуденный

выстрел на берегу лога двадцать второго июня. И про то, что после выстрела наступает до заката время общего перемирия...

— И это во всем городе? — с осторожным недоверием спросил Ваня.

— Ну, не во всем, конечно, — объяснил Андрюшка. — Город-то ого-го какой, хотя и не Москва. Главная улица — шестнадцать километров... А обычай с пушкой, он в здешних кварталах, в старых, где раньше стояла крепость. Малое городище и Большое городище... Здесь самые старожилы, бабки-прабабки, деды-прадеды. От них все и передается...

Ваня вдруг ощутил некоторую неуютность — от того, что он не здешний старожил. И, чтобы прогнать ее, спросил:

— А почему именно в такой день надо стрелять? Потому что самый длинный? Или потому, что в срок первом году началась в этот день война?

— Мы сперва тоже думали, что из-за войны, — кивнул Федя. — Но Степа... это наш сосед, он в том году уехал в авиационный институт, в Москву... он рассказал, что это началось еще раньше. Будто бы у тех пацанов, которые тут жили во время боев между белыми и красными...

— Но это не из-за боев, а из-за каких-то корабельных плаваний... Будто бы на одном корабле был такой обычай: отмечать летнее солнцестояние... — добавил Андрюшка.

С прежней осторожностью новичка Ваня спросил:

— А при чем тут... корабли? Разве они были в Турени? Море-то далеко...

— От Москвы море тоже далеко, — напомнил Андрюшка. — А про нее говорят, что порт пяти морей...

— Да, верно, — смутился Ваня. — А здесь... скольких морей?

— Здесь выход в Ледовитый океан. Через разные реки, — подал голос Никель. Он лежал животом в траве, в узкой тени от нависающей крыши сарая, и опирался на локти. — Поэтому здесь всегда были корабли. Чуть ли не самое первое в России пароходство. Судостроение. Пароходы для всех сибирских рек. И даже парусные суда. Некоторые ходили в Европу... Вот, говорят, на одной из таких шхун и появился этот обычай — полуденный выстрел... Но, может быть, и не там... Ваня, ты видел городской герб? В центре, на здании, где вся городская власть...

Ваня смущенно признался, что здание, кажется, видел, а на герб не обратил внимания. И подумал, что сейчас ему скажут: «Эх ты...» Не сказали. Никель объяснил:

— На гербе тоже корабль. С мачтой. Вроде тех стругов, на которых пришли сюда ермаковские казаки... В общем, тут многое говорит о плаваниях. И на берегу, у монастырской стены, во-от такой якорь. Как где-нибудь в Севастополе...

Федя сказал чуть ворчливо:

— Ты, Лорка, познакомилась с человеком, а про город ничего толком не рассказала...

— Умник ты, Феденька. Мы познакомились четыре... четыре с половиной часа назад. — Она глянула на крохотные электронные часики. — За полчаса до выстрела. Было время для экскурсий, да? Сперва Квакер, потом бабушки: «Дети, обедать!..»

«С ума сойти! — отозвалось в Ване все «пространство-время». — Всего четыре часа с небольшим! А кажется — неделя прошла!»

А Лорка добавила:

— И вообще... лучше пусть Никель рассказыва-

ет, он знает все на свете. А если чего не знает, узнаёт за пять минут...

— Чего это я узнаю... Федерико Гарсия... — отозвался Никель. Уже не ясным своим голосом, а бубняще и досадливо.

Но Лорка не смутилась.

— Не скромничай. Ты в больнице был, когда Федя с Андрюшкой это орудие получили, а разобрался лучше них, когда вернулся. Как длину фитиля правильно рассчитывать и как новую затычку сзади сделать...

«Похоже, что она в курсе всех дел», — мелькнуло у Вани. А Лорке, кажется, нравилось поддразнивать Никеля и видеть, как он смущается.

— Ваня, про него даже по школьному радио говорили. Какой Никита Кельников э-ру-ди-ро-ван-ный...

— Сейчас кому-то оторвут косы, — утрюмо пообещал интеллигентный и воспитанный Никель. И приподнялся на локтях.

— Ай! — Лорка спиной назад кувыркнулась в лебеду, вскинув тощие ноги в плетенках. — Ну, я же правду говорю! Ты даже Марину Рашидовну переспорил!.. Мальчишки, ну, Ване же интересно!

— Мне правда интересно, — вступился за Лорку Ваня. — Марина Рашидовна — это кто? Учительница?

— Естественно... — вздохнул Никель.

— Я ни разу в жизни не мог переспорить ни одну учительницу, — признался Ваня. — Несколько раз пробовал, а результат один: «Завтра приведешь маму!»

— У Никеля по-другому, — объяснил Андрюшка. — У них с Мариной был научный спор. Про французов...

— Как это? — Ваня взглянул на Никеля. Не хотелось ему, чтобы Никель огорчился из-за Лорки. Если даже полушутя — все равно не надо. И Ни-

кель — чуткая натура — уловил настроение гостя. Повозился и стал говорить своим прежним голосом:
— Да ну... такая история... про историю...

3

— Марина у нас в пятом классе начала преподавать этот предмет, — сказал Никель. — Вся решительная такая, ее боялись даже. Марширует по классу, указка у нее, как шпага... Но интересно рассказывала. Про Древний мир... Но главная любимая тема у нее была не про Древнюю Грецию и не про Рим, а про французскую революцию. Вот она поговорит про троянцев, а потом незаметно перескакивает на восемнадцатый век. Марат, Робеспьер, Марсельеза... А мы с Толиком Казанцевым дуемся в морской бой. На расстоянии, через две парты. Я ему на пальцах стал показывать координаты, а Марина заметила.

«Кельников, можно узнать, что означает твоя азбука для глухонемых?»

Я говорю:

«Извините, но это тайна».

Она:

«То есть всякие твои глупые тайны важнее урока?»

Я обиделся: не знает, а говорит, что глупые! И в ответ ей:

«Но сейчас ведь не урок. Вы не по программе рассказываете...»

Вмешался Федя:

— Маринушка аж позеленела. Думала, наверно: за шиворот и за порог. Но потом вспомнила: «мальчик недавно из больницы»...

— Да не думала она, чтобы за шиворот, — возразил Никель. — Она все же не такая... Но разозлилась, конечно...

«Пусть не по программе, — говорит, — но идеи Великой революции, Свобода, Равенство и Братство, не заслуживают такого циничного равнодушия...»

А я в больнице, уже после операции, почитал книжку «Комиссар Конвента». Мне там одна девочка ее дала... Как раз про те французские дела. Вот я и говорю Марине:

«Все эти идеи — сплошное вранье. То есть неправда, извините, пожалуйста...»

— Вот тут она и правда позеленела, — вставил Андрюшка.

— Ну, ее можно понять, — вздохнул Никель. — Только на меня тогда нашло что-то такое... «неуступательное»... Она говорит с таким железным звуком:

«Может быть, ты, Кельников, аргументируешь свои слова?»

А я ей:

«Там нечего аргументировать. Не было у них никакой свободы и братства. Только равенство. Потому что перед гильотиной все равны. Сперва раскрутили свою революцию, а потом друг дружке поотрубали головы...»

— Там еще про Наполеона у вас было... — напомнил Федя.

— Да... Она говорит:

«Но нельзя отрицать значение этой революции для Франции. Они чтут ее до сих пор. И поют Марсельезу. Идеи революции вдохновляли Наполеона...»

Тут я разозлился не меньше Марины. Из-за Наполеона. Смешная причина, а разозлился сильно...

— А почему смешная? — сказал Ваня. — Нисколько.

— Да ты не знаешь. Дело не в истории, а в тор-

те. Родители ждали в гости одну знакомую, купили торт «Наполеон». Открыли, чтобы посмотреть. В кухне тесно, они положили его на табурет. На круглый. И торт круглый, не заметишь сразу. Я зашел и сел с размаха. В новых брюках, кстати... Маме с папой торт жалко, брюки мои жалко, да и меня тоже... хотя не так сильно... Я, когда спорил с Мариной, вспомнил про это, и сзади будто опять сыро стало... В таких случаях еще больше тянут на спор. Я говорю:

«По-вашему, их величество Наполеон Буонапарте тоже революционер?»

А она:

«Нет, но нельзя отрицать, что он гордость Франции».

Я думаю про торт и говорю:

«Ну, пусть они там у себя и гордятся им. А я не хочу. Потому что... сказал бы, кто он, но это будет... неучтиво. И вы сразу вызовете родителей».

«Считай, что ты уже сказал, — говорит она. — Вызывать я никого не буду, каждый имеет право на свою точку зрения. Но я считаю, что хотя Наполеон и враг России, но знамена его были овеяны ветром революции».

«Ага, — говорю я. — Особенно на Антильских островах».

Она очень удивилась:

«При чем тут Антильские острова? Наполеон никогда на них не был!»

«Правильно, не был. Но он приказал восстановить там рабство, которое отменили при республике. И послал туда эскадру ле Клерка. Крови стало больше, чем воды...»

Она молчит, смотрит непонятно. Может, думаю, они и не учили про это на своем историче-

ском факультете? Я-то ведь тоже прочитал об этом случайно... Тут она вдруг как-то переменилась.

«Любопытная точка зрения, — говорит. — А не мог бы ты, Кельников, написать на эту тему реферат? И зачитать на школьном историческом обществе? Если он будет удачным, получишь самую высшую оценку...»

«Ага! Или двойку, если вы будете несогласны...» — Я это ляпнул, и получилось, что дал согласие. Хотя вовсе не хотелось!

А она:

«За кого ты меня принимаешь! Я умею уважать чужое мнение... А двойки не будет ни при каком итоге, обещаю...»

Ну и куда деваться-то?.. Да и работа пустяковая. Надергал кое-что из Интернета, вспомнил, что читал в книжке...

— И про торт... — хихикнула Лорка (она опять сидела на чурбаке и безуспешно пыталась прикрыть подолом от солнца коленки).

— И про торт, — согласился Никель. — Пока сочинял, казалось все время, что сижу на нем. Поэтому и закончил за один вечер... Про все написал. И про комиссара Виктора Юга. Знаете, какой гад! Сперва кричал, что всей душой за свободу, освобождал негров, а потом этих же негров — обратно в рабство! И не жалел никого. На одной только Гваделупе — десять тысяч отрубленных голов...

— Где? — слабым голосом переспросил Ваня. Как-то ёкнуло внутри...

— На Гваделупе, — сказал Федя. — Это небольшой такой остров в Антильском архипелаге. Про него мало кто знает...

— Почему мало кто? Многие знают, — заспорил Андрюшка. — Даже песня есть такая, «Гваделупа». У Городницкого. Там такие слова:

На палубе ночной постой и помолчи.
Мечтать под сорок лет по меньшей мере глупо.
Над темною водой огни горят в ночи,
Там встретит поутру нас остров Гваделупа...

Недавно по радио передавали...

— Песня-то известная. А про остров кто что знает? Никто, наверно, кроме Никеля, — возразил Федя.

— А я тоже ничего не знаю, что там делается нынче, — сообщил Никель. — Говорят, курортное место. Не очень знаменитое... Океан, пляжи, водопады... А история, она сейчас вроде бы и не нужна...

— Да, подумаешь, десять тысяч голов... — ровным голосом сказал Андрюшка.

— А что с рефератом-то? — спросил Ваня, чтобы успокоить в себе тревожную струнку. — Чем все кончилось?

— Ну, чем... Пятерку она поставила, а потом начались весенние каникулы...

Федя вдруг сказал:

— Есть еще одна песня про Гваделупу. Не Городницкого. Ее Степа Плотников иногда под гитару пел, вместе с Аликом Ретвизовым, своим другом. Я первые строчки помню:

Есть на свете остров Гваделупа,
Есть на нем соленая река.
Там на берегу стоит халупа
Старого, как мамонт, рыбака.

— Ага! — оживился Андрюшка. — А еще так:

Есть у деда маленькая внучка,
Очень непонятная она.
На песке рисует закорючки,
Чтобы сразу смыла их волна...

— И вот про такое... — вспомнила Лорка:

Остров — он на бабочку похожий,
Если в море поглядеть со звезд...

А дальше не помню, я один раз только слышала. Непонятная такая песня и печальная... Что, мол, будет с девочкой, если бабочка сложит крылья. Наверно, девочка про это и пишет на песке...

— Может быть, — очень серьезно согласился Никель. — А остров и правда похож на бабочку, я смотрел на карте... — И вдруг: — Ваня... а ты чего?

— Чего? — вздрогнул Ваня.

— Сделался какой-то не такой...

В любом другом месте — дома, в классе, в компании на улице, где угодно — он сказал бы: «Нет, все в порядке». Но здесь... даже капелькой неправды не хотелось портить нынешнюю ясность отношений. А еще... может быть, признание уберет тревогу (глупую такую, непонятную!).

— У меня дурацкий характер, — откинув голову и щурясь на солнце, признался Ваня. — Не люблю, когда всякие совпадения...

— Какие? — быстро спросил Никель. Он сразу почувал что-то.

— Ну, как сегодня... — выговорил Ваня. — Гваделупа эта. Уже который раз. Сперва вспомнил книжку Жюль Верна, там про этот остров. Потом... про маму. У нее турпоездка за океан, на разные острова, в том числе и на Гваделупу... А сейчас вот снова... И про остров, и песни эти. И как заноза...

Его не стали убеждать, что все это ерунда и нет никакой причины для тревоги. Лорка сказала:

— Я знаю, так бывает. Вроде все хорошо, а внутри что-то грызет. Из-за какого-то случайного слова или картинки в голове... Тут одно только лекарство: противовес.

— Какой... противовес? — жалобно сказал Ва-

ня. Но от одних только Лоркиных слов стало спокойнее. А она продолжала:

— Надо придумать что-нибудь, связанное с этой причиной, только наоборот. Чтобы переделать ее... в другую сторону...

— Чегой-то непонятно, — вставил Федя.

— Очень даже понятно, — возразил Никель.

— Не мешайте, сейчас Лорка объяснит, — сказал Андрюшка.

И Лорка объяснила:

— Если, например, привязалась печальная музыка, я ее не пытаюсь прогнать. Все равно вернется. Я стараюсь этот же мотив превратить в танец. Или в марш. И ты... представь что-то хорошее про Гваделупу.

— Что? — неловко сказал Ваня. Мол, и рад бы, но как?

А Никель вдруг быстро сел в траве.

— Сейчас будет танец и марш...

— С чего ты взял? — удивился Федя. А остальные удивились молча.

— Не знаю... Чувствую... — объяснил Никель. — Подождите...

Стали ждать и ждали недолго. С крыши, которая козырьком нависала над Никелем, донесся бодрый вопль:

— Эй! Ловите меня!

Блик на звездном глобусе

На высоте двух метров стоял пацаненок лет восьми. Округлый такой, с коротенькой стрижкой медного цвета (вроде как у Квакера) и коричневы-

ми глазами-пуговицами. В трусиках, похожих на мятую набедренную повязку, из рыжего трикотажа и в такой же рыжей майке — очень широкой и очень короткой. Между майкой и повязкой во весь размер открывался выпуклый животик, середину которого украшал аккуратный, как дверной глазок, пуп. На загорелых коленях белели квадратики пластыря. На лбу — тоже...

— Явление с небес... — проговорил с удовольствием Никель и подвинулся в траве. — Ты как там оказался?

— Я шел по Кольцовскому переулку, а в нем гуси. Я тогда пошел через двор бабки Решеткиной, а в нем еще одни гуси, — обстоятельно разъяснило «явление». — С их подлым фюрером Горынычем... Я тогда — на поленницу, потом на одну крышу, на другую, а потом сюда... Вот... Вы будете ловить меня, й-ёлки-палки, или я так и должен торчать на солнечной раскаленности?

— Подумаешь, раскаленность, — сказала Лорка, — тридцати градусов нет... А прыгнуть-то боишься, да?

— Конечно, боюсь. Я могу хоть с какой высоты прыгать в воду, а на землю мне опасно. У меня повышенная плотность массы, — сообщил пацаненок.

— Это Тростик, — шепотом сказала Ване Лорка.

— Как? — не понял тот.

— Трос-тик. Имя такое.

— Неподходящее, — шепнул Ваня. — Тростик должен быть как тростинка.

— А его так зовут «от наоборот». И к тому же полное имя — Трофим...

Федя, Андрюшка и Никель тем временем встали под краем крыши — ловить «повышенную плотность». Вытянули руки. Но Федя вдруг сказал:

— Никель... ты это...

— Ну чего! — тонко возмутился Никель. — Я же не стеклянный!

— Ну, Никель... — проговорил и Андрюшка. Мягко так и... неумолимо.

— Зануды какие... — буркнул Никель, но послушался: отошел назад.

А Ваня наконец сообразил: прыгнул к сараю, встал рядом с Андрюшкой, тоже поднял растопыренные ладони.

«Плотность массы» у Тростика и правда была изрядная. Тем более что он сиганул с крыши не прямо, а с прискоком — сперва вверх, а потому уже в руки «спасателей». Те охнули и присели. Поставили Тростика, и Федя хлопнул его по голой пояснице.

— Акробат... «й-ёлки-палки». Чуть не раздавил...

Андрюшка спросил:

— Ты почему один, без Лики? Небывалая картина...

— Потому и один, что ищу ее, — сообщил Тростик. И на каждого посмотрел круглыми блестящими глазами. — Она пошла куда-то со своей мамой, а мне сказала, чтобы потом я пришел туда, где она будет на этюдах. И сама не знала где. И дала карточку для автомата, чтобы я позвонил. Автомат карточку, разумеется, сжевал. Вот я и пошел наугад... У вас ее не было?

— Давно уж не было... У нас какие этюды, все сто раз зарисовано... — сказал Федя.

Ваня встретился глазами с Никелем, и тот объяснил:

— Лика Сазонова — это юный гений. Пикассо в юбке...

— Хотя в общем-то чаще в штанах, — уточнил Андрюшка.

— Я в переносном смысле, — сказал Никель.

Довольно сухо. Видимо, намекал: «Я обиделся, что не дали ловить Тростика».

Федя и Андрюшка обиду «не заметили». Андрюшка сказал Тростику:

— Можешь ведь позвонить сейчас... Ребята, у кого мобильник с собой?

— У меня! — поспешно сообщил Ваня. — Ой... надо только посмотреть: заправила ли его ба... Лариса Олеговна. А то было по полям...

Оказалось, что Лариса Олеговна успела перевести через автомат двести рублей. В самом деле — не оставлять же внука без «поводка»!

Ваня повернулся к Тростику:

— Говори номер, я наберу... Или хочешь сам?

— Лучше ты, у меня мало опыта... А ты кто?

— Это Ваня, — сообщила Лорка. — Он приехал из Москвы на каникулы...

— Привет, — снисходительно отозвался Тростик. — А я Трофим... Я бывал в Москве, только плохо ее помню. Мне было два года...

— Побываешь еще, — утешил Ваня. — Тогда приходи в гости... А какой номер-то?

— Ладно, приду... Нажимай... Восемь, девятьсот шестнадцать, шестьсот десять... — Он говорил четко и без запинки. Видать, помнил номер назубок... Ваня нажал последнюю кнопку, дождался гудка и протянул Тростику трубку. Тот притиснул ее к уху, свел маленькие рыжеватые брови. Облизал губы. И вдруг заговорил, слегка захлебываясь:

— Ну, конечно, я, а кто же по-твоему! Дала какую-то дохлую карточку, а теперь «куда ты пропал»!

Звук в трубке был громкий, слова собеседницы Тростика расслышали все:

— Сейчас-то откуда ты звонишь, несчастье мое?

— Сама несчастье! Я звоню со двора Чикишевых. Здесь Трубачи и Никель, и Лорка... они все удивляются, почему ты куда-то провалилась. А еще Ваня из Москвы. Это он дал мне телефон. А то я не знал, что делать. Измотался весь, пока скакал по крышам...

— Силы небесные! Чего тебя на крыши-то понесло?!

— Не ясно, что ли? На земле гуси!

— И не стыдно? — слышали все. — До сих пор боишься паршивых гусаков, как детсадовский младенец.

— Да! — ничуть не устыдился Тростик. — Знаешь, как цапают! В прошлый раз Горыныч мне вон какую отметину сделал! — Тростик извернулся и показал всем сзади под коленом лиловый след гусяного щипка. Лица видеть синяк, разумеется, не могла, но, судя по всему, знала о нем раньше.

— Дал бы этому Горынычу пинка!

— Ну, ты окончательно несообразительная! — возмутился Тростик. — Разве гуси реагируют на пинки? Они боятся только палок! Я, конечно, могу врезать по Горынычу дрыном, но вдруг снесу ему башку? Или перебью шею? Бабка Решеткина помрет с горя. И Горыныча все-таки жалко. Он дурак, но живой же все-таки...

— Ты гуманист, — сообщила издалека Лица.

— А чего ты обзываешься?!

— Это не обзывание, а наоборот... Не обижайся, Тростиночка...

Тростик подумал и сообщил:

— Я все-таки обиделся... А куда приходить-то?

— Никуда. Я сама к вам приду. Я недалеко... А чтобы не обижался, принесу подарок.

Обида Тростика испарилась.

— А какой?!

— Какой-какой... С корабликом, конечно. Принесу — увидишь... Жди, я скоро. — И в трубке запикало. Тростик протянул ее Ване.

— Большое спасибо...

— На здоровье, — серьезно сказал Ваня. И вдруг почувствовал, что ему хочется пройтись пятерней по щетинистой стрижке Тростика. Но тот, конечно, рассердился бы: не младенец ведь... Тростик, извернувшись опять, разглядывал гусиный щипок и тер его помусоленным пальцем.

— У Тростика морская коллекция, — объяснила Лорка. — Он собирает все, что связано с морем. Открытки, пуговицы с якорями, ракушки, кораблики...

— У меня кусочек фрегата «Паллада» есть, — сообщил Тростик. — Поднятый из-под воды. Мне подарил сосед дядя Толя, он раньше на Дальнем Востоке был рыбаком. Он хороший сосед, только пьет часто... Мама поэтому не стала выходить за него...

Откровенность Тростика встретила молчаливое понимание. А он добавил:

— Лика сказала, что правильно...

Ваня пошарил в кармане штанов. Когда они с Ларисой Олеговной покупали этот костюм, продавщица подарила Ване рекламную карточку швейной фирмы «Капитан Грант». На карточке был синий земной шар и корабли с пузатыми парусами. Все это имело отношение к Жюлю Верну, и Ваня с удовольствием сунул карточку в карман. Так и ходил с ней... А теперь вытащил.

— Смотри. Хочешь такую?

— У-у... — Тростик весь прямо засветился. — А ты... тебе не жалко?

— Немножко жалко, — сказал Ваня, чтобы добавить ценности подарку. — Но это ничего. Тебе нужнее...

Тростик не стал отказываться. Взял карточку на ладонь, бормотнул «спасибо» и уперся в нее коричневыми глазами-пуговицами.

Ваня придвинулся к Лорке, шепнул:

— А Лика, она кто? Его сестра?

— Нет... но почти. Она его отыскала в прошлом году...

2

Год назад Анжелика Сазонова поспорила с учителем рисования — из-за отраженного солнечного луча на звездном глобусе.

Глобус был блестящий, лимонный, размером с маленький арбуз. Расчерченный тонкой градусной сеткой, усыпанный черными веснушками звездных отметин и мелкими надписями (Лика специально подходила вплотную, чтобы разглядеть). Его оплетали никелированные кольца и дуги. А держался этот симпатичный шарик на лакированной подставке с четырьмя точеными столбиками.

Герман Ильич поведал шестиклассникам, что глобус был подарен ему в давние времена дядюшкой, штурманом дальнего плавания.

— В ту пору он был заключен в обшарпанный деревянный ящик...

— Дядюшка? — сказал Тимофей Бруклин.

— Глобус, — оч-чень терпеливо уточнил Ильич. — Мне ящик не понравился, и я смастерил вот эту подставку. Сам вытачивал в школьной мастерской ножки на токарном станке...

— Вы умеете? — простодушно удивилась Иринка Иванова (она нравилась Лике, потому что всегда говорила, что думала).

— Естественно. Художник с детских лет должен владеть не только кистью и карандашом...

Герман Ильич был не просто учитель рисования, а именно художник. И в душе, и снаружи. Его крупную, плотно посаженную на плечи голову окутывала курчавая, очень светлая (почти седая) шевелюра. На орлином носу косо сидели (и часто срывались) старомодные очки. Маленькие черные глаза всегда блестели — видимо, от вдохновения. Вместо пиджака носил Ильич широкую, как колокол, вельветовую куртку. Его движения были порывистыми, характер — неровным. Впрочем, во всех случаях жизни Германа Ильича не покидала учтивость. К ученикам он обращался на «вы».

— Выглядит как старинный, — похвалил глобус Иринкин брат-близнец Стасик. — Будто с «Санта-Марии».

— Нет, это, разумеется, не древность. Такие глобусы есть на судах и сейчас. Хотя, скорее всего, просто по традиции. В нынешний век спутниковой навигации это уже анахронизм...

— Чего-чего? — сказал Тимофей Бруклин.

— Повторяю для... любителей простоты: устаревший прибор.

Герман Ильич предложил «уважаемым коллегам» изобразить глобус в своих альбомах. С натуры.

— Удачные работы могут положительно сказаться на ваших годовых оценках.

Большинству эти оценки были по фигу. Поставят «зачет» — ну и ладно. Однако почему бы и не порисовать такую интересную штуку? Тем более что можно во время урока и языком почесать, и даже анекдоты порассказывать (иногда такие, за которые пацанам доставалось от одноклассниц учебником по темени).

Ильич не требовал тишины, он был демократичен. Кстати, выглядел он старше своих лет, а было ему немногим за тридцать. Лика считала, что про-

звище Ильич ему совсем не подходит. Но что поделаешь — прилипло...

Закончить рисунки, конечно, никто не успел.

— Дорисуете дома и принесете на следующий урок. Кстати, последний в этом учебном году, с чем поздравляю заранее. И надеюсь на вашу сознательность...

Шестой «В» шумно распихал мятые альбомы по рюкзакам: радостный май цвел за окнами, все рвались на улицу. Насчет сознательности Ильич это зря. Большинство и не вспомнит про задание, а на последнем уроке каждый что-нибудь наврет о потерянных красках, забытом альбоме или нехватке времени...

Ли́ка, однако, дома закончила рисунок. Потому что глобус ей нравился. Она подождала, когда высохнет желтая акварель, белой гуашью мазнула на ней блик, а тушью раскидала черные звездочки и линиями-ниточками небрежно наметила градусную сетку. Решила, что Ильичу понравится...

Герман Ильич на последнем уроке и правда одобрил ее работу. Но...

— Должен, однако, заметить, сударыня, что вы проявили некоторую небрежность. Мастера акварели добиваются бликов на предметах тем, что оставляют частичку незакрашенной, белой бумаги. Вы же решили как проще и прибегли к гуаши. Поленились...

Ли́ка буркнула, что она не мастер акварели, и добавила «подумаешь». Поскольку Ильич оказался прав.

— А кроме того, здесь налицо досадная ошибка...

— Какая? — взвинченно сказала Ли́ка. Потому что кто же любит критику.

— Повторяю: досадная. Смотрите... — Он поднял рисунок к плечу — Тени от ножек у вас протянулись вправо, а...

— Сазонова, встань, — попросил Тимофей Бруклин. — Где у тебя тени от ножек?

— Тени от ножек глобуса, Бр-руклин, — изобразил героическую сдержанность Ильич. — Они направлены вправо. Следовательно, источник света, в данном случае окно, расположен слева. Как оно и было в действительности. И вам, коллега, следовало свой гуашевый блик нанести с левой стороны шара.

Лица откинулась к спинке стула (Ильич позволял беседовать с ним не вставая). Она теперь знала, как возразить.

— Вы забыли, Герман Ильич, что в тот раз лучи падали на дверь, и она их отбрасывала (смотрите, какая блестящая). Их отражение на глобусе и блестит.

— Гм... Но отражение окна в данном случае все равно должно иметь место. Это во-первых. А во-вторых, зрителю, который станет рассматривать рисунок, неведомо, что где-то поблизости наличествует блестящая дверь. И он будет иметь право на недоумение...

— По-моему, вы просто придираетесь!

— Вот как? В вашем утверждении нет логики. С какой стати мне к вам придираться?

— Не знаю. Может быть, от плохого настроения, — заявила Лица. В классе хихикнули.

Ильич поймал упавшие с клюва очки, почесал ими заросший белыми кудрями висок. Спросил безукоризненно светским тоном:

— Не кажется ли вам, сударыня, что вы начали слегка хамить?

Лице казалось. И хамила она сознательно. Потому что Ильич сладковатостью манер и неожиданно плавным поворотом головы вдруг напомнил ей Феодосия Капканова. И она сказала, что если считать хамством правдивые слова, то конечно...

Ильич бросил на стол рисунок, уронил очки и скрестил руки.

— Я заметил, Сазонова, что с недавних пор, когда вы странным образом изменили свою внешность, ваши манеры подверглись изменению тоже. Не в лучшую сторону...

Вот это он зря. Не следует сыпать соль на порезы души. В душе сразу шевельнулись твердые, похожие на стеклянные шарики, слезинки. Лица сердитым глотком загнала их в самую глубину. И поняла, что Ильич стал похож на Капканова еще больше.

...Феодосий Капканов, как известно, знаменитый певец. Выражаясь по-современному, поп-звезда, но Лица терпеть не могла это выражение. Для нее он был «гений волшебных струн» (мысленно, конечно, не вслух). Лику никоим образом не трогало то, что по Феодосию сохнут и млеют миллионы других девиц. «Мой рыцарь», — тайно говорила она, когда на экране Капканов летящим прыжком выскакивал под свет прожекторов. Он плавно взмахивал волосами, локоны взлетали и мягко падали. Так же взлетало и падало Ликино сердце. Феодосий, изогнув талию, ударял по струнам, и Ликина душа отзывалась томительным аккордом.

Ты одна у меня, ты одна, —

пел Феодосий ей, Лице, —

Ты живи, ты не у-ми-рай!
Я тебя с глубокого дна
Унесу в свой ласковый рай...
Ты одна,
Ты одна-а-а...
На-на-на,
На-на-на...

★ — Лика не так уж стремилась улетать в какой-то ласковый рай, ей и дома было неплохо. Но вот оказаться пусть на минутку рядышком с Феодосием, потрогать его рукав, глянуть в продолговатые бархатные глаза... Конечно, и это было невозможно. И тогда Лика решила: пусть Феодосий Капканов хотя бы узнает, что *она* есть на свете.

Лика нарисовала Феодосия на альбомном листе — в полный рост, в его желто-вишневой рубаше и узких блестящих штанах, с разлетевшимися волосами, со взмахом тонких пальцев над сверкающей голубой гитарой, с ярким, широко раскрытым на слове «одна-а-а» ртом... Чудо что за портрет получился! На областной выставке Лика точно заработала бы первое место. Но она этот рисунок не показала ни одной живой душе. Написала на обратной стороне сдержанные слова: «Феодосий Ренальдович! Вы — радость моего сердца. Спасибо. Анжелика Сазонова (или просто Лика)». Обложила его с двух сторон картонками, запечатала в большой конверт и отнесла заказную бандероль в почтовое отделение номер три на Красинской. Пакет приняли, хотя адрес был очень даже приблизительный: «Москва, Союз концертных деятелей, Феодосию Ренальдовичу Капканову». Правда, Лике показалось, что девица-приемщица, прочитавши надпись на конверте, хмыкнула, но она, Лика, не стала унижаться до скандала. Молча взяла квитанцию и удалась с ощущением исполненного долга любви.

Это было в марте. Ответа Лика, разумеется, не ждала. Но ответ пришел в конце апреля.

Лучше бы он не приходил, такой ответ!

Когда Лика, обмирая, разорвала конверт, из него выскользнула бумажка, похожая на уведомление «Энергосбыта», с типографским текстом.

«Дорогая Анжелика!

Благодарю тебя за добрые слова в мой адрес. Желаю тебе успехов в учебе и личной жизни. Феодосий Капканов».

«Анжелика» было коряво вписано шариковой ручкой. Подпись — тоже от руки, но явно размноженная заодно с текстом на ксероксе.

Лика со всем своим ярким воображением тут же увидела секретаршу, похожую на хмыкавшую почтовую девицу. Как эта девица, сжавши рот, лихорадочно вносит девчоночьи имена в тысячи одинаковых бумажек. А Феодосий стоит у нее за спиной и морщится: «Сколько опять понаписали!.. Давай-давай, торопись, пусть эти соплячки знают, что я не забыл ни одну...»

Успехов в личной жизни он желает, животное!

Прежде всего Лика мысленно (жаль, что нельзя по правде!) в клочья изодрала свой рисунок.

Затем засунула в видак диск с Феодосием — чтобы убедиться, какой душой была она, когда обмирала об этом сладкоголосом кривляке! И убедилась, что в самом деле дура (она) и кривляка (он)! Изгибается, колотит по гитаре неприличным местом, вертит своей тощей блестящей... задом и не поет, а блеет! Господи, где были ее глаза? И это при том, что на свете есть «Битлз», Хворостовский, Высоцкий, Визбор, Виктор Цой... Ну, пусть некоторых уже нет, но все равно же они — *есть!*..

Надо было избавляться от заблуждений и начинать жизнь заново. А для этого — изменить себя. Лика начала с внешности. Раньше она тщательно подбирала платица, колготки, воротнички, туфельки, сережки — по цвету, по фигурке (а фигурка — все это подмечали — была просто балетная). Потому что казалось: он будто стоит рядом и внимательно смотрит: хороша ли девочка сегодня? Теперь все это барахло полетело по дальним углам. Лика выволокла

на свет летний джинсовый комбинезон с бахромой у колен, отыскала старые разлапистые мокасины, заменила серебряно-янтарные сережки простыми серыми камешками, подвязала волосы скрученной в жгут косынкой-банданой. И, оставив маму в обморочном состоянии, отправилась в школу.

Новый облик Сазоновой вызвал у девочек неоднозначные реплики и шумные пересуды, а у мальчишек — сдержанное одобрение. Начитанный Тимка Бруклин (безжалостно переиначив Александра Сергеича) возгласил:

А девочке в тринадцать лет
Штаны такие не пристали!

Ли́ка не стала его гонять и бить, только снисходительно заметила, что ей еще, слава богу, нет тринадцати.

Учителя не обратили на Ли́кину «смену имиджа» особого внимания. Только классная Инна Юрьевна подняла к потолку усталый взор:

— Ох, Сазонова...

Школа, к счастью, была нормальная — никакая не «гимназия», не «лицей», не «элитное учебное заведение». Младшие ребята еще носили кое-какое подобие формы, а после пятого класса ходили кто в чем хочет. И Ли́ка скоро поняла, что нынешний костюм — самый для нее подходящий. «По Сеньке и шапка», по одежке — поведение. Ли́кина речь лишилась прежней напевности (не всегда, кстати, натуральной), обрела мальчишечью краткость и даже некоторую резкость.

Эти изменения и отметил со свойственной педагогу и художнику зоркостью Герман Ильич.

Замечания Ильича и его неожиданное сходство с Феодосием весьма раздосадовали Ли́ку.

А он еще добавил:

— Правдивые слова, мадмуазель, можно говорить по-разному... Но вернемся к нашей профессиональной теме. Если вы не считаете нужным исправить свою работу, я в свою очередь не могу поставить за нее отличную оценку. А без отличной годовой оценки я никого не могу рекомендовать в вечерний художественный лицей, куда вы, как мне кажется, собирались...

Это было уже свинство! Это была уже война!

Лика, усевшись прямо, сообщила, что: «а» (со скобкой) — она никогда ни в чьих рекомендациях не нуждалась; «бэ» — поступать в лицей она и не помышляла; и «цэ» — если бы захотела поступить, то ее взяли бы в любом случае, поскольку у нее диплом зимней областной выставки.

Это был, пожалуй, не очень благородный прием, но «на войне как на войне». Дело в том, что в этой выставке участвовали и взрослые художники, и школьники (в разных, конечно, залах и отделах). Лика получила диплом за серию рисунков «Тени старого города», а живописец-профессионал Герман Ильич Суконцев за свои пейзажи в стиле постмодернизма не получил ничего. Лика это знала. И Герман Ильич знал, что она это знает. С полминуты он дышал, укрощая в себе непедагогические эмоции. Затем бесцветным голосом сообщил:

— В таком случае я внесу в годовую ведомость оценку «зачет». Вас устроит?

Лика сказала, что вполне.

— На этом будем считать, что программа за шестой класс по нашему предмету вами благополучно завершена. Не вижу для вас резона томиться дальше в этом помещении...

Можно было заспорить: мол, выгонять школьников с уроков запрещено. Однако в самом деле — зачем томиться-то?

★ Лика собрала рюкзак. Сказала голосом Инны Юрьевны:

— До свиданья, Герман Ильич. До свиданья, дети... «Дети» завистливо смотрели ей вслед.

На улице Лика поразмышляла: куда идти? Ну, не домой же в такую чудную погоду! Май стоял — просто радость жизни. Сплошное лето. Мальчишки в классе говорили, что уже купались. И, вспомнив про это, Лика отправилась к реке... Вот не прими она такого решения, и не было бы у нее Тростика...

3

К реке вели несколько улиц. Если налево, к музею и монастырю, то не так уж далеко до берега. Но Лику тянуло в тихие места, и она пошла от школы на северо-восток, по улице Орджоникидзе, где современные офисы стояли вперемешку с деревянной стариной. Лучи были удивительно теплыми, и от этого тепла замечательно пахло клейкими тополиными листьями.

Минут через пятнадцать улица закончилась у пристанских съездов, где еще сохранились булыжные мостовые. Мимо длинной стены кирпичного склада Лика спустилась к лестнице, которая вела на станцию портовой железной дороги. У деревянной коричневой станции было богатое прошлое (о нем сообщали мраморные дощечки на облупленных дощатых стенах). Но сейчас жизнь здесь еле теплилась. Густо летали над репейником желтые и коричневые бабочки. Лениво шевелилась над причалом стрела единственного портового крана — видимо, переправляла с платформы на баржу груз, который, не торопясь, доставил с товарной сухопутной станции очнувшийся от дремы состав. Между рельсами солнечно горели одуванчики.

Лика не пошла к портовому причалу, а свернула направо, вдоль рельсов. Пахло теплой ржавчиной и речным песком. Справа от путей подымались откосы, а слева тянулся низкий берег, заросший всякими невысокими травами — с клевером и опять же с одуванчиками (сейчас было самое их время). Среди травы, у самой воды, лежали вверх дырявыми днищами заброшенные катера. Между катерами белели песчаные проплешины. На одной такой проплешине прыгали с ноги на ногу и прижимали к щекам ладони тощие, успевшие слегка «обуглиться» мальчишки — наверно, только что искупались и вытряхивали из ушей воду.

— Как водичка?! — крикнула им Лика.

Самый маленький, в облипших разноцветных трусах до колен, показал ей через плечо большой палец. А другой купальщик посоветовал:

— Ныряй, не пожалеешь!

Но Лика пошла дальше.

Она обогнула шершавую от ржавчины баржу, которая лежала на песке и кормой уходила в воду. Здесь, у промятого высокого борта с заклепками, Лика увидела еще одного мальчишку.

Мальчишке было лет семь. Он стоял на самом краю плоского берега — так, что кончики пальцев в воде. Рыжеватая короткая стрижка на круглой голове рассыпала искорки. Полосатые плавки были сильно перекошены, словно он хотел их сдернуть и раздумал. Неподалеку валялись белая, с травяными пятнами, футболка и куцый комбинезончик с блестящими пряжками на лямках. И растоптанные (явно прошлогодние) босоножки.

Склонность к образным сравнениям сразу подсказала художнице Лике: «Если бы Винни Пуха превратили в ребенка, получилось бы как раз такое человеческое создание».

Нет, «создание» не выглядело толстым, но была в нем такая плотность и кругловатость. И — так показалось Лике — основательность суждений и поведения (хотя мальчишка не двигался и не говорил). Стоял «Винни Пух» к Лике спиной, обхватив себя за плечи.

Пацаняткам столь небольших лет в общем-то не следует гулять в одиночку, времена беспокойные. То и дело слышишь в новостях и читаешь в Интернете: такой-то ушел и не вернулся, такого-то ищут уже который день... А уж купаться, когда никого нет рядом, это совсем надо быть без головы... Впрочем, от существ такого возраста чего ждать?

Лика спросила у крепкой спины мальчишки:

— Ты чего тут делаешь?

Он не удивился, не обернулся. Сказал без выражения:

— Стою.

— Ага... На берегу пустынных волн... Ты — юный философ? — Лика встала с ним рядом.

Мальчишка глянул искоса. И вдруг сказал — устало и с ноткой безнадежности:

— Нет. Я — юный трус... Ты не могла бы дать мне по шее?

Искренность обескураживала. Но Лика сохранила спокойствие. Ответила, что могла бы, конечно, только надо знать: зачем?

— Ты же ничего мне плохого не сделал...

— Я себе сделал... много раз... — коричневые глаза-пуговицы затянулись влажной пленкой. — Я... уже устал...

— От чего?

— Я же объяснил... что я трус.

— Я помню. Но в данный-то момент в чем твоя трусость?

— Я хотел прогнать ее... всю за один раз...

— Как? — сказала Лика, слегка раздражаясь.

— Ну, вот так... прыгнуть оттуда... — Малыш подбородком показал на корму баржи (впрочем, не такой уж малыш; похоже, что закончил первый класс). Округлая корма возвышалась над водой метрах в двух. — Я думал, что, если переборю себя и прыгну, другие всякие страхи у меня пропадут сами...

«Если бы все так просто», — подумала Лика. И пообещала:

— Хорошо, я дам тебе по шее. Но только для того, чтобы ты больше никогда не придумывал таких глупостей... Вот балда! А если расшибешь пузо о воду? Или вдруг там коряги? Или захлебнешься и не выплывешь?

На «балду» и на «пузо» печальный мальчик не обратил внимания. И объяснил:

— Я же умею плавать, наш класс целый год водили в бассейн... А коряг там нету, я видел, как ребята тут ныряли...

— Все равно балда!

— Может, и балда, — согласился он на этот раз. — Но теперь-то как быть? Я же дал себе честное слово, что прыгну... И если не смогу, тогда что делать? Себя-то не обхитришь...

«В самом деле философ», — подумала Лика. И даже слегка зауважала его. И сказала безжалостно:

— Раз дал слово, прыгай.

— Но у меня не получается! Я уже два раза туда забирался! Как посмотрю вниз, ноги будто отнимаются...

Да, удивительно было. Какой помощи он, такой малек, ждал от большой девчонки? С какой стати начал откровенничать? Может, просто больше не с кем?

— Подумаешь, ноги! Прыгай с отнявшимися...

— Не выходит...

— Идем... — Лика опустила на песок тяжелую папку и взяла мальчишку за локоть. Потянула к хлипким сходям, которые вели с берега на борт.

— Ой... — Он слабо заупирался и, кажется, даже хныкнул. «Будто поймали в чужом саду и ведут в закуток с крапивой», — усмехнулась про себя Лика.

— Не тормози, если дал слово... А то и правда получишь по шее.

Он будто обрадовался:

— Давай!

— Там, на палубе.

Ржавая палуба оказалась горячей от солнца. Мальчишка начал переступать и потирать подошвы.

— Горячо? Вот и хорошо, скорее прыгнешь...

— Все равно не получится... Ты только не толкай. Я, может, сам наконец...

Она не стала его толкать и сбрасывать. Подошли к самой кромке, Лика глянула вниз, поежилась и двумя движениями скинула комбинезон и тельняшку. То, что было под ними, вполне могло сойти за купальный комплект. Сдернула кроссовки и носки. Мальчишка следил за ней, округлив глаза и пухлый рот. Потом выговорил:

— Ты... зачем?

— Затем... — Она опять крепко взяла его за локоть. Снова глянула на воду. «А снизу казалось, что совсем невысоко... Ой, мама...» — Прыгаем на счет «три». Не вздумай упираться, а то худо будет... Раз, два...

— Ой, подожди! Я...

— Три! — Она со страху растопырила глаза, дернула мальчишку за собой, он взвизгнул, и оба неуклюже плюхнулись под кормовым свесом.

Музыка из прошлого

1

Вода оказалась удивительно холодной. Напрасно самоуверенный пацан в цветных трусах показывал большой палец... С этими мыслями, не отпуская мальчишкин локоть, Лика левой рукой выгребла к берегу вдоль борта. Ее напарник тянулся следом, как выловленный в воде буюк.

На берегу он сразу вскочил, закашлял, затряс головой, потом замер. Вытянулся (стал даже слегка худощавый) и тонким голосом выговорил:

— Это не считается...

— Что не считается? Почему? — Лика мотала волосами, сердито вытряхивая из них брызги (а сердце прыгало).

— Потому что я не сам. Ты меня дернула!

— Я?! Тебя?! Ненормальный... Это ты меня дернул, когда я сказала «три». Я опомниться не успела...

Он смотрел с недоверием и надеждой.

— Да? По-моему, ты врешь...

— Я никогда не вру! — решительно соврала в ответ Лика.

Он поморгал. Подумал. Кивнул:

— Я тоже... То есть стараюсь, чтобы никогда... Значит, я по правде прыгнул сам?

— Куда уж «самее», — ворчливо подтвердила Лика. — Рванул меня... Иди за трап, выжми плавки...

— Ага... — Он ушел за наклонные доски и сказал оттуда: — А ты отвернись...

— Подумаешь... Тебя и не видно ни краешка.

— Все равно отвернись.

— Пожалуйста... Слушай, ты лучше не надевай выжатые плавки, они все равно будут сырые. Дома высушишь. А сейчас надень сразу штанишки... —

Она сказала детское слово «штанишки» нарочно, чтобы «Винни Пух» чувствовал ее взрослость.

— Ага! — Он (все еще в плавках) выскочил, схватил с песка комбинезончик и снова укрылся за досками. — Ты отвернулась?

— Ну, чудо природы... Да отвернулась, отвернулась! — Лика встала спиной к барже и запрокинула лицо. Солнце загорелось на мокрых ресницах, разбросало тонкие лучи. Согрело щеки...

За спиной слышалась возня. «Борец со страхом» — в штанах с лямками, но без футболки — застегивал на ступнях босоножки. Глянул слегка виновато.

Лика вспомнила нагретую палубу.

— Слушай, принеси мне сверху имущество. А то не хочется босиком по печке...

— Сейчас! — он охотно рванул вверх по сходням и тут же вернулся с ее штанами, тельняшкой и обувью. Лика отнесла одежду к островку зелени, положила там.

— А ты... почему не одеваешься? — неловко спросил мальчишка. Видно, просто не знал, что сказать.

— Посижу еще на солнышке, все на мне и обсохнет... И, может, хоть немножко загара прилипнет... — Лика шевельнула плечами.

— А тогда... можно я тоже посижу?

— На здоровье! — обрадовалась Лика. Почему-то не хотелось расходиться вот так сразу. «А может, сделать с него набросочек? Да нет, он застесняется. Или решит, что это в уплату за помощь...»

Мальчик оставил сохнуть на сходне полосатую тряпицу, кинул в одуванчики футболку, уселся на нее, обняв коленки. Оттянул у футболки далеко в сторону ее край.

— Садись рядом...

Но свободного краешка было мало, Лика бросила рядом тельняшку.

— Вот так... — И села бок о бок с пацаненком, от которого пахло речной сыростью (от самой Лики, наверно, тоже). Тогда он потерся ухом о плечо и спросил, глядя перед собой:

— Тебя как зовут?

Лика дернула травинку.

— Ужасно неуклюже меня зовут. Родители сделали подарочек... Ан-же-ли-ка...

— Почему неуклюже? — серьезно заспорил он. — Это хорошее имя. Есть такие толстые романы про Анжелику. «Анжелика и король» и еще всякие... Мама любит читать...

— Вот и мои мама с папой любили в молодости. Так и называли...

— А если по-простому, коротко, то как? Все равно Анжелика?

— По-простому Лика. Это все же терпимее... А тебя как? По-простому и по-всякому...

Он разъяснил обстоятельно:

— Полное имя — Трофим. Дедушку так звали... А если неполное, то по-разному. Можно Троша, но я не люблю. Лучше Трошка. Но в классе дразнятся: «Трошка-картошка»... Мама зовет «Тростик», но сама же говорит: «Ты не Тростик, а кочерыжка». Это она про тело-сло-жение...

— Нормальное у тебя тело-сло-жение. Имя тоже нормальное... Ты, наверно, в первом классе?

— Ну да... Все еще не пускают на каникулы, хотя на уроках делать ну совершенно уже нечего. Сидим, маемся... А ты в каком?

— Шестой дотягиваю... Сегодня вот с урока прогнали...

— Почему?! — Тростик даже привстал. Наверно, в уме первоклассника не укладывалось: как

можно прогнать с урока такую большую, храбрую и умную ученицу?

— Поругалась с учителем рисования... То есть не совсем поругалась, а разошлась во мнениях. Ну, он и сказал, чтобы гуляла...

— По-моему, это большое свинство... с его стороны, — убежденно сказал Тростик.

— Нет, он, в общем-то, ничего дядька. Но тут нашла коса на камень... Из-за звездного глобуса.

— Из-за чего?! — весело изумился Тростик.

— Сейчас покажу... — Лику не хотелось уходить из-под солнечного тепла и мягкого ветерка, не хотелось прощаться с забавным Тростиком. И она потянула к себе папку.

Картинка со звездным глобусом вызвала у Тростика тихий восторг.

— Это ты сама нарисовала?!

— Ну, не Суриков же...

— А это морской глобус, да? Я такой видел на картинке. Это чтобы по звездам проверять путь корабля... У меня разные картинки про корабли есть, я собираю всякие вещи про все морское...

— Умница, — сказала Лика.

— А ты можешь меня нарисовать?

«Надо же! Сам напросился!»

— Могу. Хоть сейчас...

— А с таким глобусом можешь? Будто я его держу и разглядываю...

— С глобусом... с ним сложнее... Надо, чтобы ты держал в руках что-нибудь круглое. Мяч хотя бы. А то будут неестественно...

Тростик тут же нашел выход:

— А давай тогда встретимся снова! Я приду с мячом! Или... тебе, наверно, некогда? — Он, кажется, вспомнил о разнице между собой и этой почти взрослой художницей.

Но она сказала:

— Да почему некогда? Можно...

В самом деле, мог получиться забавный рисунок: серьезный первоклассник Глобусенок с желтым шаром, на котором вся Вселенная. Будто пытается проникнуть в звездные загадки...

Минут через двадцать они шагали вверх по Пристанскому спуску, где среди булыжников на дороге тоже цвели одуванчики. Лика уже знала, что Тростик живет в Ершовском переулке, не очень далеко от нее.

— А почему ты оказался в такой дали от дома?

— Гуляю... Ты ведь тоже оказалась...

— Но мне же не семь лет!

— Мне уже семь с половиной...

— Да, это существенно... а дома не попадет?

— Мама же на работе...

— А если спросит, где был днем? Ты же никогда не врешь...

— А я скажу: гулял. Без подробностей. Это не вранье.

— А если спросит подробности?

— Ну... расскажу тогда, — вздохнул Тростик. — Что делать...

— Вот за такие одиночные прогулки точно полагается по шее, — назидательно сообщила Лика.

— Ага! А мама говорит, что по другому месту! — весело признался Тростик.

— Это еще полезнее. А... — Она чуть не спросила, что говорит по этому поводу папа. Тростик понял и объяснил — скучновато, но без задержки:

— Мы с мамой сейчас вдвоем. Отец выбрал «свободный образ жизни». Он теперь в Сургуте...

— Что же, дело понятное, — сказала Лика. — Мой еще дальше. В Австралии...

— Вот это да! Насовсем или в командировке?

— Да нет, не в командировке... Ух ты! Он идет навстречу!

— Приехал из Австралии? — обрадовался Тростик.

— Да не отец идет, а Ильич! Герман Ильич... Тот учитель, с которым я сегодня... — И разойтись было нельзя на узком Пристанском спуске. — Здравствуйте...

2

— Добрый день, Сазонова, — светски произнес Герман Ильич. — Хотя мы уже виделись сегодня... но все равно. Чудесная погода, не правда ли? Какими путями оказались в наших краях?

Лица быстро пришла в себя.

— Погода изумительная. Мы купались... А это, значит, *ваши* края? Вы здесь живете?

— Естественно. С детских лет. А что здесь удивительного? Я из туренской породы «пристанских пацанов»... Значит, купались?

— Ага... — вдруг сказал Тростик. Герман Ильич быстро взглянул на него.

— И как вода? Теплая?

Лица хихикнула.

— Сазонова, — со сдержанной печалью сказал Герман Ильич. — Беседуя с вами, я всегда ощущаю себя на минном поле. Боюсь: скажу что-то не так и опять почувствую вашу иронию...

— Да нет, Герман Ильич, что вы! Я просто вспомнила... Есть такие стихи, подражание английскому юмору...

— Любопытно...

— Ага, — сказала Лица тоном Тростика. — Там два профессора, Джон и Буль. Буль тонет в речке, а Джон восклицает на мосту: «Не может быть!

А теплая ль вода?» — «Буль-буль», — сказал профессор Буль, что означало «да»...

Ильич запрокинул голову и засмеялся от души:

— Великолепно!.. Ну и как вода? «Буль-буль»?

— Холодноватая пока, но терпеть можно...

— Я в этом году еще не купался. Не то что в юные годы... — Он рассеянно поболтал у ноги клетчатой матерчатой сумкой, которая топорщилась от какого-то груза.

— А я знаю, что у вас в сумке, — вдруг заявил Тростик.

— Не может быть!.. И что именно?

— Там желтый глобус со звездочками...

— С ума сойти!.. Сазонова, вы посвятили ребенка в суть нашего конфликта?

— Я показала ему рисунок...

— Па-анятно... А кем приходится вам это юноша? Уж не брат ли?

— Это... мой верный друг, — сообщила Лика с запинкой, но и с капелькой гордости. — Он сегодня учил меня нырять с баржи. Без него я никогда не решилась бы прыгнуть...

Она ощутила, как Тростик затеплел от благодарности.

Герман Ильич вдруг стал очень серьезным.

— И... как зовут храброго верного друга?

— Его зовут Трофим. А в обиходе — Тростик...

— Изумительно... Будем знакомы, Тростик. Я — Герман Ильич...

— Ага, я знаю... — Тростик без смущенья протянул прямую ладошку. А Лика вдруг поняла, что надо ловить момент.

— Герман Ильич! У меня просьба... Если очень нахальная, так и скажите, я не обижусь...

— Ну... и что за просьба? — Он, кажется, не удивился.

— Если можно... дайте мне минут на пятнадцать ваш глобус. Тростик просил нарисовать его с ним... То есть Тростика с глобусом. Он обмирает по всему такому... морскому. Я бы сделала набросок. Можно прямо здесь...

— О чем разговор! Да ради бога!.. Но зачем здесь-то? Зайдем ко мне, это рядом...

Жилище Германа Ильича было удивительным. Вот уж в самом деле «художественная натура»!

Среди пристанских переулков громоздился над крышами заросший кленами, шиповником и крапивой откос. На середине его краснело похожее на развалины здание — старинный кирпичный склад. Видимо, не совсем развалины, поскольку над крышей белела тарелка телеантенны.

Герман Ильич объяснял на ходу:

— Мы с моим коллегой, Дмитрием Сабуровым... он занимается керамикой, может, вы слышали его имя... — (Лица кивнула) — мы откупили у городских властей этот древний пакгауз пароходовладельца Колокольникова. Вернее, откупил в основном Дмитрий и обитает здесь с многочисленным семейством, но и мне кое-что откололось. И комната для жилья, и мастерская... Вход отдельный, так что не стесняйтесь...

Дверь была на торце здания. Рядом с ней валялись четырехлапый ржавый якорь и полуметровая чугунная шестерня неизвестно от какого механизма. Кованный засов был украшен амбарным замком девятнадцатого века. Но Герман Ильич не обратил на замок внимания и воткнул в незаметную щелку над засовом плоский ключик.

Изнутри пахло кирпичной прохладой. Окна в комнате оказались узкими, сделанными в стенах

крепостной толщины. Стены были без штукатурки. Их пересекали толстенные железные полосы со шляпками могучих болтов. «Наверно, чтобы пакгауз не рассыпался», — мелькнуло у Лики.

— Ух ты... Как в замке людоеда, — выдохнул Тростик.

— Спасибо, — сказал Герман Ильич.

Тростик слегка смутился.

— Но я же не про вас. Я недавно мультик смотрел про Кота в сапогах, и там вот так...

— У ребенка точный взгляд и образное мышление... Вот вам глобус, господа, а я займусь пропитанием. Не обедал сегодня. Боюсь, что и вы тоже... Вас устроит глазунья с колбасой и зеленым луком? Ничего другого предложить не могу, такова холостяцкая жизнь...

Лица вдруг ощутила, что помирает с голоду. Не было сил отказаться.

— Ой... Но мы, наверно, разорим вас со своими аппетитами...

— За один раз — нет...

А Тростик ничего не сказал. Он неотрывно смотрел на метровое рельефное панно, косо висевшее среди полок с книгами (тоже косых). На нем среди ультрамариновых волн с пузырящимися гребешками тяжело кренился корабль времен Магеллана.

Герман Ильич исчез.

— Садись, моя радость, — велела Лица. — Вот сюда...

Тростик послушно взгромоздился на скрипучий табурет — пятки на сиденье.

— Развернись ко мне... Представь, будто получил глобус в подарок и разглядываешь его... Руку положи на подставку.

— Ага... — Он положил. Но смотрел не на глобус, а поверх желтого шара, на панно с кораблем.

«Ну и пусть. Может, так даже лучше. Будто подаорок уже рассмотрел, а теперь глядит куда-то за горизонт, задумался о звездах... Забавно так, юный Коперник...»

Лица вытащила из папки листы и карандаш...

При ее-то способности к стремительным наброскам ничего не стоило в десять минут сделать три картинки — каждую несколькими легкими линиями. Настоящим рисунком она займется дома, а сейчас главное — схватить вот эти напряженные плечи, пальцы, сжавшие подставку, взгляд круглых глаз, приоткрывшиеся пухлые губы... И она схватила — в то короткое время, пока за дверью что-то шкворчало и потрескивало (и доносился о-о-о какой запах!).

Герман Ильич высунул голову из-за косяка.

— Сеньоры, лопать подано. Прошу...

В похожей на крепостной чулан кухоньке (без окон, с яркой лампочкой под потолком) шипела и пузырилась на столике яичница с множеством желтых глазков. Герман Ильич широченным ножом разложил ее по разномастным тарелкам. Этим же ножом стал резать батон.

— Хлеб вчерашний, подсох малость, не взыщите...

— В самый раз, — бесцеремонно отозвался Тростик, вцепился зубами в горбушку и налег на глазунью. — Ух ты, вкусно как...

— Я рад...

С полминуты они жевали молча, потом Герман Ильич вскинул глаза (он теперь казался гораздо моложе, чем в школе, энергичный такой, без своей вечной вельветовой тужурки, в малиновой футболке с черным Дон Кихотом на груди).

— Ну что, Сазонова, преуспели в набросках?

— Думаю, да, — отозвалась она без лишней скромности.

— Покажете?

— М-м... да. Только сначала закончу... Герман Ильич!

— Что? — он даже вздрогнул.

— Ну, пожалуйста! Не говорите мне «вы»! А то... ну, как-то не в своей тарелке...

Герман Ильич почесал висок черенком вилки.

— Да?.. Вообще-то я со всеми так, школьная привычка. Традиция общения между творческими людьми... А впрочем, ладно, как скажете... тьфу! Как скажешь... Сейчас чай налью...

Чай оказался не очень горячий, и Тростик быстро выхлебал его из большой фаянсовой кружки. Раньше всех. И зашевелился:

— А можно мне еще в ту комнату? Посмотреть...

— Сколько угодно. Смотри и даже трогай все, что захочешь.

— Не, я только глазами... — Тростик слез с гнутаго жиденького стула (уронив и поставив его). — Большое спасибо за обед... — И скрылся за дверью.

— На здоровье... — задумчиво сказал ему вслед Герман Ильич. И перевел глаза на Лику. — Где ты отыскала это чудо?

Она ответила с пониманием:

— На берегу. Два часа назад. Он чуть не рыдал, что боится прыгнуть в воду, пришлось прыгать вдвоем... Я там едва не померла...

— Ты... не оставляй его...

— Ну... раз уж познакомились, то конечно...

— Похож он... — выдохнул Герман Ильич.

— На кого? — осторожно спросила Лика.

— На моего Витьку...

— А он... где?

— Не поверишь... В Австралии.

«С ума сойти!»

— Почему же не поверю, — сумрачно сказала она. — Очень даже... А вы это всерьез?

— Вполне... Домашняя обстановка, теплая еда размягчают и склоняют к откровенности... Заурядная история. Была жена, рос сынишка. А потом, как у многих: «Мне надоело это богемное существование!» Судьи решили, конечно: сын должен остаться с матерью. Да и сам он... Мама всегда мама... И все бы ничего, но приехал сюда по каким-то делам преуспевающий бизнесмен из-за моря-океана. Ну и вот... Недавно прислали карточку: этакое заграничное дитя в белых бермудах и невероятной панаме... А глаза все те же... Извини...

— Они все будто посходили с ума! — вырвалось у Лики.

— Кто?

— Эти... разведенные супруги... Мой папá год назад тоже отбыл на австралийский континент. Искать удач и разнообразия жизни...

— Надо же! Выходит, мы товарищи по несчастью...

— Ага, — сказала Лика опять, как Тростик.

— А папá... он не звал тебя?

— Звал. Я сказала, что терпеть не могу кенгуру. Это надо же — сумка на брюхе! Извращение природы...

Они вдвоем вымыли тарелки и кружки. Потом Герман Ильич прислушался:

— А что делает наш юный друг? Притих...

«Юный друг» делал, что обещал, — смотрел. В комнате было на что посмотреть: маски, этюды с

пейзажами и рыцарскими башнями, гипсовый череп великана, коряга с висящими на ней колокольчиками, бутылки с разноцветными жидкостями, старинные подсвечники и всякие другие неожиданные вещи. Например, столетней давности пишущая машинка, а рядом с ней снарядная гильза с торчащими из нее кистями. Но Тростик на все это не глядел. Он не отрывал глаз от корабля на стене. И спросил, не оглянувшись:

— А вот это... эти паруса... вы сами лепили?

— Нет, дорогой. Это мой сосед, Дмитрий Львович. Он вручил мне данное произведение искусства на новоселье... Я бы подарил тебе эту каравеллу, да Дмитрий обидится... И тяжеленная она, гипсовое литье. Но вот что! У меня есть другая картинка. Маленькая, но тоже с корабликом. Хочешь?

Тростик без церемоний сказал «ага» и весь засветился любопытством и ожиданием. Прижал растопыренные пальцы к перемазанным желтком щекам. Герман Ильич с натугой выдвинул ящик письменного стола с львиными головами. Выудил из ящика стеклянный прямоугольник размером в два спичечных коробка. Стекло было в металлической рамке. На нем угадывался рисунок.

— Смотри на просвет... — Герман Ильич поднес стекляшку к носу Тростика. — Парусник. Жаль, что надпись стерлась... Зато вся оснастка — как на фото... Ну, что?

— Уй... — Тростик часто дышал. — А это... вы мне насовсем, да? — Он не решался взять.

— На веки вечные...

— Тогда... вот такое громадное спасибо... — Тростик развел ладони шире плеч. Герман Ильич коротко рассмеялся, одной рукой прошелся по его щетинистой стрижке, а другой осторожно опустил

★ — стеклянную картинку в карман на джинсовой грудке с пряжками.

— Только осторожно, не раздави.

— Ага, я буду осторожно...

— Наверно, это картинка от старинного проектора, — догадалась Лика. — Были раньше такие, назывались «волшебный фонарь».

— Совершенно верно!.. Я нашел остатки такого фонаря в здешней кладовке, когда перебрался сюда. Вместе с этой картинкой... Ни механизма, ни объектива уже не было, просто ящик без крышки. Стенки потом отвалились, а подставка осталась. Я на ней только что резал лук... Любопытная, кстати, вещица, сейчас покажу...

Он принес из кухни деревянную дощечку со следами красноватого лака. Размером с развернутую тетрадь. С медными угольничками, с выступами по краям. Довольно толстую.

— Вот... Зажигали внутри ящика лампу, вертели перед объективом прозрачные картинки, и при этом играла музыка.

— Граммофон? — догадалась Лика.

— Нет. Внутри было устройство с пружинным заводом.. Пружина водила по кругу ползунок, он цеплял музыкальные штучки...

— Как «Городок в табакерке»? — вдруг вмешался Тростик. — Нам в школе читали...

— Похоже... Только там были мальчики-колокольчики, а здесь просто жестяные лепестки. Они, кстати, сохранились. И ползунок. Смотрите...

Герман Ильич подцепил ногтем край дощечки, и оказалось, что она раскрывается, будто книга.

На одной половинке обнаружили железные полосочки, размещенные по кругу. Внутри круга был шпенек с головкой и торчащим плоским рычажком.

— Это все и сейчас работает... — Герман Ильич взялся за головку шпенька. — Только пружины нет, вертеть надо вручную. И плавно, чтобы получилась мелодия...

И он завертел. И мелодия получилась... То есть сначала было просто дзеньканье, но потом оно сложилось в простенький мотив.

— Знакомое что-то... — сказала Лика.

— Да. Миленький такой вальсок. Из тех, что сто лет назад играли на детских праздниках и на катках. Милая эпоха первых аэропланов и журналов «Нива»... И... как в старом анекдоте: «Кому все это могло помешать?»

Тростик не очень заинтересовался старинной музыкой. По-прежнему поглядывал на панно с каравеллой и гладил на груди джинсовый карман.

Лика покусала губу.

— Герман Ильич...

— Что... сударыня?

— Вы... пожалуйста, не обижайтесь, что я... так иногда на уроках... ну, лезла в бутылку...

Он коротко посмеялся и сказал тоном Тимки Бруклина:

— Ладно, Сазонова, проехали...

Потом проговорил уже иначе:

— А вы, ребята... раз уж побывали у меня, заглядывайте еще... Договорились? «Поговорим за жизнь и за искусство», как выражаются в Одессе.

— Мы заглянем, — пообещала Лика. — Да, Тростик?

— Ага. Естественно, — подтвердил он. — Мы же обещали принести картинку. Ту, которая со мной... — И разъяснил Герману Ильичу: — Лика никогда не врет... И я тоже...

— Я счастлив, — сказал Герман Ильич.

Они принесли рисунок «Мальчик и звездный глобус» через неделю. Герман Ильич всячески одобрил его и попросил оставить на несколько дней, чтобы сканировать. В следующий раз они увидели увеличенную копию рисунка в рамке на стене. Лика застеснялась и говорить ничего не стала. Учитель тоже.

Впрочем, сейчас он уже не был ее учителем. Рисование кончилось в шестом классе, с седьмого начиналось черчение, а там — другой преподаватель. Но друзьями они остались. Летом не раз Лика грузила Тростика на багажник велосипеда, и они катили в Пристанский район. Они помогали художнику мыть накопившуюся грязную посуду, прибирались в его «берлоге», обсуждали новый пейзаж — «Корабли в Лиссе». Тростик безоговорочно хвалил (потому что корабли), а Лика позволяла себе критические высказывания. Автор их выслушивал внимательно, однако порой огрызался... Иногда сидели на стонущем от любых движений диване и смотрели кому что нравится: Лика альбомы с рисунками Гойи и гравюрами Доре, а Тростик — мультики про капитана Врунгеля и корабль-призрак... А Герман Ильич — те этюды и наброски, которые приносила Лика.

Она много бродила по улицам и переулкам, по старым дворам и пустырям над логом — с твердой папкой и карандашами. Тростик почти всегда сопровождал ее. В ту пору они и познакомились с Трубачами. «Мальчики, можно мы порисуем у вас во дворе? Такие дымники над крышей, такая колокольня над забором...»

Федя и Андрюшка согласились с радостью и даже угостили художницу и ее оруженосца клубникой. Потому что в ту пору они были счастливы. Потому что как раз пришло письмо от Никеля...

Здесь же была и белобрысая спокойная девочка по имени Лорка. Она позволила нарисовать себя — как сидит на качелях...

А потом наступила зима, и Лика увлеклась акварельными пейзажами. На них были ранние закаты, черные ели Городища и яркий месяц, от которого серебрится снежная пыль, поднятая лыжами и полозьями санок.

Герману Ильичу акварели нравились, хотя порой он позволял себе критику. Тогда они спорили, и Тростик непременно вступался за Лику:

— Ну, чего же вы! У нее же все правильно нарисовано! Сами выпросили мой портрет, где я в сугробе, а теперь...

И Герман Ильич сразу соглашался.

— Ты справедлив в своей мудрой непосредственности. Абсолютнейшим образом справедлив...

А Лика удивлялась: «Почему мне однажды показалось, что он похож на дурака Феодосия?»

И снова пришло лето, и в день солнцестояния Лика в очередной раз появилась во дворе Чикишевых. Чтобы увидеть там «это несносное существо, с которым сплошные недоразумения».

Существо получило в подарок серебряную монету достоинством в полтора евро. На одной стороне был трехмачтовый многопушечный фрегат, на другой — непонятный герб — солнце и какие-то ветки.

— Что за страна? — спросил Андрюшка, сунувшись носом к монете.

— Спорить могу, что Гваделупа, — сказал Ваня. Он, конечно, не думал так. Просто сумрачно пошутил. Но...

— В самом деле, — согласилась высокая и симпатичная девочка Лика. — Французская территория, остров Гваделупа. Вот, написано... Это мне отдал Тимка Бруклин из нашего класса...

— Он был на Гваделупе? — удивился Тростик.

— Нет, монету его отец привез из Франции. Евро чеканят в разных странах, а ходят они по всему свету, без границ. Вот эта денежка и попала в Европу с Карибского моря.

...Глубоко оттиснутые буквы не оставляли сомнений: GUADELOUPE. Ваня обмяк.

Никель шепотом попросил Тростика:

— Можно я подержу?

Взял монету, шагнул назад, позвал негромко:

— Ваня, посмотри...

— Посмотрел уже...

— Ты посмотри еще. Ведь красивая же. Значит, ничего страшного нет в таком совпадении. От красоты не бывает несчастий. Бывает наоборот...

От шепота его сперва прошел по Ване тревожный холодок, но сразу — пушистое тепло.

В самом деле, зачем он изводит себя непонятными страхами? С какой стати? Ведь ничего же плохого не случилось!.. То есть был дурак Квакер, но о нем-то сейчас думалось без всякой боязни... Зато сколько за один день хороших встреч!

Он посмотрел на Лорку. Она улыбнулась в ответ.

А день — самый длинный в этом году — сверкал солнечными бликами, шелестел кленами, курчавился в высоте белыми облаками. И до конца его было еще далеко...

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ПОВИЛИКА

Граф

1

Когда Ваня вернулся после всех приключений и знакомств, хозяин квартиры был уже дома. Лариса Олеговна значительно сказала: — Иди поздоровайся с бабушкой. Вы сегодня еще не виделись...

Ваня кивнул. И пошел. По широченному, с нишами и поворотами, коридору. Лариса Олеговна шла следом и говорила:

— Он уехал, когда ты еще спал, у них с самого утра какие-то совещания и летучки, а потом ученый совет, потому что на днях почти все руководство разъезжается в отпуска: кто на свои ректорские дачи, а кто на заморские курорты, и только *некоторые* остаются в лабораториях, потому что работа для них единственный свет в окошке, а дач все равно нет и никогда не будет, поскольку...

Ваня набрал скорость, чтобы оторваться от собеседницы...

Дверь в кабинет была распахнута. Профессор Евграфов сидел посреди комнаты в нелепой, но любимой позе. Поперек кресла. Согнутые ноги в шлепанцах свисали с пухлого подлокотника, а в другой подлокотник профессор упирался поясницей. Правую руку он возложил на спинку кресла, а в левой держал листы — похоже, что недавно взятые из принтера.

— Здравствуйте, Константин Мак... Матвеевич, — слегка дурашливо сказал Ваня с порога. Он позволял себе иногда так подшучивать: называть (или «чуть не называть») деда Константином Макарычем — как в рассказе Чехова про Ваньку Жукова. Ведь Ваня мог бы и сам оказаться Жуковым — если бы мама настояла, чтобы сына записали под ее фамилией. Однако настоял папа.

«Что такое Жуков? Ну ладно, ну маршал... А Повилика — старинная фамилия представителей русской интеллигенции...»

«Представитель... — сдержанно негодовала мама. — Ты даже не знаешь в точности, кем был твой прадед!»

«Потому и не знаю, что он был интеллигентом. В тридцатых годах их, голубчиков, первыми отправляли на лесоповалы... Тем не менее известно, что он писал музыку. Даже в лагере...»

Ваня стал Повиликой. Иногда казалось, что Жукову жилось бы проще, без всяких там перевертываний и подначек (были даже и учительские шуточки: «Языком не мели-ка, милый друг Повилика...»). Но в общем-то он привык. По крайней мере ни с кем не путают... Про это у Вани как-то зашел разговор с дедом-профессором. Тогда тот и спросил: «А сам-то ты Чехова читал? Или знаешь про несчастного Ваньку понаслышке?» Ваня сделал вид, что обиделся. Сообщил, что не только читал, но даже учил рассказ наизусть, почти целиком. В третьем классе. Для выступления на посвященном Антону Павловичу утреннике. И не выдержал, хихикнул:

«Милый дедушка Константин Матвеевич... то есть Макарыч... Сделай божецкую милость...» — Посмеялись тогда...

Сейчас профессор благосклонно глянул поверх бумаг.

— Здравствуй, племя младое... Знаешь, что такое Большой адронный коллайдер?

— Не-а, — беспечно отозвался Ваня. — Мы не проходили... — И добавил из вежливости: — А что это?

— Такой бублик... а точнее, кольцевая труба длиной в двадцать семь километров. На границе Франции и Швейцарии. Ускоритель атомных частиц, радость и надежда многомудрых ученых-атомщиков. Если верить статье, они готовят крупнейший в истории человечества эксперимент. Разгон и столкновение встречных пучков протонов, которые движутся фактически со скоростью света... Утверждают, что число столкновений достигнет миллиардов раз в секунду...

— С ума сойти, — искренне сказал Ваня. Число «миллиард» всегда поражало его воображение.

— Да... И всерьез принялись за это. Вот послушай: «Охлаждение обмоток сверхпроводящих электромагнитов коллайдера подходит к завершению. Большинство из них уже достигли рабочей температуры всего на два градуса выше абсолютного нуля, минус двести семьдесят один по Цельсию, и ученые надеются начать разгон первых пучков частиц уже в следующем месяце...»

— Хорошо им там...

— Ты уверен? — профессор приподнял клочковатую бровь.

— Конечно. Такая прохлада. А здесь, как в пустыне Гоби. Рубашка приклеивается к спине...

— Кое-кто опасается, что и от этого опыта станет жарко, — с непонятным ехидством разъяснил Константин Матвеевич. — На месте столкновения частиц может возникнуть черная дыра, вроде тех, что наблюдаются в глубинах космоса. Она в один момент пожрет всю округу, а затем и планету...

Предполагают разные варианты. Один из них такой. Зародившаяся «дырка» для начала проникает в центр планеты, потом разрастается и съедает внутренность Земли до самой верхней оболочки... — Он опять глянул поверх листов. — Представьте, идет наша баба Лара... то есть Лариса Олеговна... идет она на рынок, ни о чем не ведает, и вдруг все под ногами и вокруг превращается в беспросветную пустоту. То есть в черную дыру...

Лариса Олеговна, которая стояла в дверях за Ваней, не дрогнула. Сообщила, что она давно уже в черной дыре, каковой является эта квартира. Только сегодня он внесла очередную квартплату, которая почему-то оказалась на двести рублей больше прежней. И это при всем при том, что и раньше приходилось отдавать немислимые суммы — такие, на которые можно было бы снять на все лето дачу в деревне Падерино, где живет ее знакомая Эльвира Даниловна, с которой они в прошлом году были в профилактории и чей племянник... нет, двоюродный брат... нет, племянник... недавно уехал в Швецию, потому что там открылась фирма, в которой...

— О Создатель... — сказал Константин Матвеевич, укрываясь за бумагами.

— И Создатель здесь ни при чем, потому что надо самим проявлять инициативу, как, например, комендантша этого дома Алевтина Григорьевна, которая ухитрилась за полцены приобрести участок у озера Малая Колыбель, поставила там щитовой домик и сдает его в аренду рыбакам, поскольку в озере еще есть рыба, хотя местные газеты, которые всегда пишут разную чепуху, утверждали, что...

— У тебя молоко всплыло на плите, — сообщил профессор.

— Не сочиняй, Граф, я не включала плиту. Просто ты не хочешь слушать, когда тебе говорят дель-

ные вещи. Если бы у нас был загородный домик, внук не торчал бы в пыльном городе, а отдыхал на природе, как все нормальные дети и, кстати, как его родители, которые сплавляли мальчика в эту дыру, а сами разъезжают по заграницам и...

— Да не дыра здесь, мне здесь хорошо! — взывал Ваня.

— Но ты неделю назад сам сказал «захолустье», когда мы ехали в магазин «Лира» за твоей кроватью...

— Ну так это тогда! Дождь был, и улицы в лужах, и заборы мокрые, и... не привык еще. А сегодня познакомился с ребятами...

— Приличные ребята все с родителями на юге или на дачах. Остались всякие беспризорники. Не хватало еще, чтобы ты связался с такими...

— О Создатель, — выговорил Ваня в точности как профессор. И Лариса Олеговна снова сказала, что Создатель ни при чем, и... Но в этот момент снаружи позвонили. Кажется, пришла соседка и собеседница Софья Андреевна, и Лариса Олеговна поспешила в прихожую.

Ваня прыгнул в кресло напротив деда. Сел в той же позе — ноги снаружи подлокотника. Откинулся.

— Константин Матвеевич, у вас книги по всем комнатам. Столько тысяч. Вы их все читали?

— Нет, конечно. Многие нужны, как справочная литература. Хотя в общем-то читал немало. Ради дела и ради удовольствия...

— Но ради дела... сейчас же почти всё можно отыскать в Интернете...

Дед был не против беседы с мальчиком. Наверно, кого-то переспорил на ученом совете и теперь пребывал в благодушном настроении.

— В Интернете есть далеко не все, дорогой мой,

не обольщайся. К тому же книга — вещь незыблемая. Она придает прочность бытию. Даже любезная Лариса Олеговна никогда не пыталась оспорить эту истину...

— А тогда... можно я еще спрошу?

— Да на здоровье!

И Ваня спросил то, что с самого начала ему было непонятно:

— Бабушка... Лариса Олеговна... она хорошая. Но она же... не такая, как вы. И вы с ней... все время спорите. Как получилось, что вы решили пожениться?

— Ха! — отозвался профессор Евграфов. Кажется, с удовольствием. — Ты усмотрел частные несогласия, но не уловил сути. Твоя бабушка — стержень моего бытия. Именно такая, какая есть. Наше с ней существование отражает диалектику природы. То есть противоречия, без которых невозможна жизнь... — Он вдруг спохватился: — Я понятно говорю?

— Понятно... — кивнул Ваня. Без особой, впрочем, уверенности.

— Объясняю проще. Вот мы с ней малость поругаемся, и мир обретает привычные формы. Прочность... Это как с частицами разных зарядов. Они соединяются, и возникает крепкая атомная структура... Уяснил?

— Вроде бы да... А тогда можно я еще спрошу?

Константин Матвеевич хмыкнул:

— Валяй, пока я добрый.

Ваня решил на этот вопрос не сразу. Но дед и правда был сегодня добрым. В такие моменты он позволял и шутить с собой, и задавать всякие вопросы. Порой даже нахальные.

— А Марго... — выдавил Ваня (все же с опаской). — Она... какая частица?

— Че-во? — сказал профессор и подобрал ноги.

— Ну... — Ваня тут же струхнул. — Я просто подумал... Ба... Ларисе Олеговне, наверно, не очень нравится, когда Марго смотрит на вас... влюбленными глазами...

«Сейчас прогонит. И поделом...»

2

Марго — это была очень грузная и решительная дама лет тридцати. Профессор Евграфов за всю жизнь так и не обзавелся своей машиной, но в Турени университет выделил ему слегка помятую «Волгу» табачного цвета и заодно — «водительшу» Маргариту Павловну, которую все за глаза и в глаза именовали Марго.

Марго смотрела на жизнь сумрачно и в то же время бодро. Была немногословна и решительна. И безотказна в делах. Это она (вместе с Ларисой Олеговной) встретила Ваню в аэропорту. Она же несколько дней подряд возила внука и бабушку по магазинам (поскольку «ребенка прислали сюда в лохмотьях и даже без зубной щетки»). Обе женщины были друг с другом подчеркнуто вежливы. Говорили «любезная Марго» и «милейшая Лариса».

Была Марго мастером на все руки («не чета всяким там пьяницам-мужикам»), а громадное профессорское жилище требовало мастера постоянно: то труба протекла, то розетки греются, то жалюзи следует укрепить на балконах...

— Будет исполнено, Граф, — каждый раз отвечала Марго, не теряя величия. (Лариса Олеговна улыбалась.)

Когда Ваня впервые оказался в «дедовой» квартире, он задумчиво сказал, что здесь можно ездить на велосипеде. Константин Матвеевич согласился:

— Стоит попробовать... — И выволок из кладовки складной велосипед «Кама» образца семидесятых годов прошлого века. — Прихватил из Новосибирска, думал тряхнуть стариной на родных улицах, да не собрался... Марго, сможешь наладить этот экспонат?

— Нет проблем... — сказала Марго, но тут же неодобрительно глянула на Ваню: — А что, дитя само не справится?

Ваня честно сказал, что никогда не чинил велосипеда. Потому что их у него не было. Потому что мама отчаянно боится, что «ребенок свернет шею или угодит под колеса».

Константин Матвеевич глянул с жалостью:

— Так ты, значит, и ездить не умеешь?

Ваня сказал, что умеет: учился на чужих великах. Есть добрые души, давали покататься. Мама не знала, иначе схватила бы инфаркт.

Лариса Олеговна не одобрила дочь:

— Однако, отсылая ребенка за тридевять земель, она инфаркт не схватила.

— Она знала, что ты такая же перестраховщица, — объяснил профессор. — Что не спустишь глаз с бедняги...

Лариса Олеговна подтвердила, что да, она перестраховщица. Но тем не менее запрещать внуку ездить на велосипеде она не станет. Потому что мальчик должен расти мальчиком. А то может случиться, как с сыном ее знакомой Риммы Даниловны... это та, которая недавно переехала из нашего квартала в новый микрорайон... Там оборудована специальная площадка для велосипедистов, а он...

— Микрорайон или племянник? — спросил профессор.

Лариса Олеговна посмотрела на мужа долгим взглядом. И сообщила, что, если любезная Марго

не справится с ремонтом «этого экспоната», внуку будет куплен новый велосипед.

— Я почию, Граф, — пообещала Марго.

И починила через день. И Ваня в самом деле прокатился по квартире. А потом и по ближним кварталам. Но потом почти не катался, потому что сперва была слякотная погода, а после оказалось, что гулять пешком интереснее.

Но вот теперь велосипед очень даже пригодится! Во-первых, на нем за пять минут можно добраться до Кольцовского переулка, где двор Андрюшки Чикишева. Во-вторых, можно улизнуть от Квакера и компании, если те возникнут в опасной близости...

Такая вот мысль мелькнула, когда Ваня, обмирая, спросил профессора про Марго. Но главной была другая мысль: не разгневается ли Константин Матвеевич?

Тот не разгневался. Сказал назидательно:

— Никакой влюбленностью тут не пахнет, потому что Марго закоренелая мужененавистница. Переживши несколько сердечных драм, она пришла к твердому убеждению, что все мужчины — ничтожества... Своего последнего супруга она выставила прямо с балкона второго этажа. Подержала на весу и отпустила... Кстати, он был генерал-майор...

«Она может!» — подумал Ваня со смесью испуга и веселья.

Профессор продолжал:

— А на меня она смотрит не как на предмет обожания, а с пониманием моей роли в жизни и науке. Марго считает, что в мужской части человечества осталось лишь несколько достойных представителей и я — один из них... Если же Лариса Олеговна усматривает во взглядах Марго нечто иное, то и пусть. Это даже полезно... Давай в шахматишки, а?

— Давайте! — дрыгнулся Ваня.

Вообще-то он не очень хотел играть (знал, что пропустит). Но с дедом было интересно. Кроме того, Ване нравились тяжелые костяные фигуры в виде русских воинов и крестоносцев. Дед купил эти шахматы в антикварной лавке «Та эпоха», он любил старинные вещи.

— Расставляй, а я сейчас... — велел он.

Ваня подтащил к креслам перламутровый столик, а профессор пошел из кабинета. Высокий, худой, сутулый. С нестриженными пегими волосами — под ними на макушке едва угадывалась лысинка. Походкой своей дед слегка напоминал страуса, у которого побаливает нога. И в лице было что-то птичье. Не хищное, а как у журавля-парикмахера из старого мультика. Большой нос у лба был прямым, но потом плавно изгибался и остро торчал вперед. Когда Константин Матвеевич шагал, казалось, будто он хочет что-то подцепить носом перед собой. Это, однако, не делало профессора смешным. Была в его походке и внешности такая устремленность...

Ваня знал, что сейчас, дошагав до кухни (расположенной за тридевять земель), Константин Матвеевич откроет там полированный шкафчик, достанет плоскую бутылку, нальет из нее в рюмку коричневое зелье и опрокинет в горло. И Лариса Олеговна скажет «дежурную фразу»:

— В конце концов ты сопьешься окончательно.

И муж привычно ответит ей, что, во-первых, выражение «в конце концов окончательно» — это тавтология. А во-вторых, если за шестьдесят восемь лет своей каторжной жизни он не спился, то опасаться этого в оставшиеся годы бессмысленно...

Видимо, все так и произошло. Потому что Константин Матвеевич вернулся с бодрым блеском в

глазах. Ваня протянул ему два кулака с зажатými в них пешками-воинами. Дед угадал белого витязя, взгромоздился опять поперек кресла и сделал первый ход. Ваня двинул по клеткам черного крестовосца...

Они играли не спеша, без большого азарта. На часах был вечер, но солнце за окнами жарило все еще крепко. Мимо шторы проникало в кабинет, серебрило профессорские волосы и теплой полосой накрывало Ванины ноги. Дед скользнул по ним глазами и заметил:

— Я смотрю, ты сегодня изрядно обуглился...

— Еще бы! Весь день на солнцепеке... Константин Матвеевич, а в черной дыре какая температура?

— А фиг ее знает, — отозвался профессор тоном пятиклассника. — Я там не бывал. К счастью... Смотри, прозеваешь коня...

Ваня в свою очередь, сказал, что «фиг с ним, с конем». У него зрела хитрая комбинация.

— Дело не только в черных дырах, — сообщил профессор Евграфов. — Могут в этом (не к ночи будь помянут) коллайдере возникнуть и другие эффекты. Например, вспухнет так называемый пузырь «истинного вакуума», начнет стремительно расширяться, и атомные ядра в пределах всей Вселенной превратятся в «странное вещество» (это такой специальный термин). И, конечно же, для нас там не найдется места...

— Жуть какая... Шах... А это по правде может быть? Дыры и пузырь? И вещество...

— Физики утверждают, что шансы не велики... Но и не равны нулю. Вот запустят свои пучки — поглядим, если успеем... Я же предупреждал про коня... Ай, нет! Я перехожу!

— Ладно уж, — великодушно согласился Ва-

ня... — Константин Матвеевич, а к вашей работе этот кол-брайтер.. или как его... имеет отношение?

— Слава богу, никакого... Слушай, дитя мое, я предлагаю...

— Ничью, что ли? Не-а... — У Вани в кои веки проглядывался шанс на победу.

— Не о том речь... Ты в какой-то степени мой внук. Если не в родственном, то хотя бы в социальном плане...

— Ага... То есть как это?

— В системе нынешних семейных отношений... А потому обращайся ко мне на ты и... «дедушка» звучит сентиментально, поэтому можешь говорить «дед»... А еще лучше...

— Уж куда лучше-то, — с удовольствием вставил Ваня. Предложение ему понравилось.

— Лучше — это как в старом анекдоте про Сталина. Когда какой-то генерал или маршал начал однажды свой рапорт: «Товарищ генералиссимус Советского Союза, Верховный главнокомандующий...», Иосиф Виссарионович, который был в добром расположении духа, махнул рукой: «Давай, братец, без церемоний. Зови меня просто «Вождь». А ты зови меня просто «Граф». Так меня зовут все на свете. И знакомые, и ненаглядная супруга, и даже родная дочь, обитающая нынче во Франции... Идет?

— Ой... ладно... То есть «идет»! Кон... то есть Граф! А я сегодня слышал, что ва... тебя так звали еще в школе! От твоей одноклассницы слышал. То есть не совсем одноклассницы, а из параллельного... Она говорит, что ты ее, наверно, не помнишь, но она тебя помнит. Это Любовь Петровна Грибова...

— Ва! Как это не помню! Синяпка!.. Она всегда смотрела на меня влюбленным взором. Только ответных чувств у меня она не вызывала, поэтому наши отношения оставались... так сказать, поверхно-

стными... Слушай, я сдаюсь. Зачем продлевать агонию, ты меня зажал...

— Ага! — восторжествовал Ваня. — То-то же!... А Синяпка, то есть Любовь Петровна... она хотела тебе сегодня позвонить и спросить, почему ты ни разу не пришел в клуб школьных ветеранов...

Граф слегка затуманился:

— С «ветеранами» я и без клуба встречаюсь иногда. С отцом Николаем, например, настоятелем ближней церкви... А в том клубе одни дамы, даже пива не выпьешь... Да и где взять время?.. А ты как познакомился с... кто она теперь? Любовь Петровна?

— Да...

И Ваня подробно изложил историю с помидорами. А затем, не пощадив своего самолюбия, признался, что его спасала десятилетняя «Синяпкина внучка». И что она тоже, наверно, до конца не спасла бы, если бы не тот выстрел...

Граф сидел, почесывая макушку белым шахматным королем (вернее, славянским князем в шишаке). Смотрел куда-то мимо Вани. Потом усмехнулся:

— Надо же... Вот уж не думал... Неужели стреляют до сих пор? Не утеряли обычай...

— Конечно! Бабахает эта штука так, что во всем университетском центре слышать... А ты не слышал сегодня?

— Не обратил внимания. Мало ли нынче пальбы! То автомобильные выхлопы, то молодожены фейерверк пускают посреди бела дня...

— Но этот выстрел был погромче... А ты сказал «неужели». Значит, ты слышал про такой обычай раньше?

— Само собой, — усмехнулся профессор. — Еще в ту пору, когда пребывал в твоём счастливом возрасте.

— Ух ты!.. Граф, расскажи!

— Ну... начало теряется в глубинах истории...

Однако продолжить Граф не смог. Опять появилась Лариса Олеговна.

3

Она увидела рассыпанные на столике шахматы и обрадовалась:

— Отрадно застать мужчин за умным занятием! Говорят, шахматы усиливают гибкость мышления. Это я слышала от...

— А я выиграл у Графа! — воскликнул Ваня. Не столько, чтобы похвастаться, сколько из опасения услышать историю о племяннике Софьи Андреевны, который однажды участвовал в коллективной игре против Каспарова и обязательно бы выиграл, если бы...

Константин Матвеевич в свою очередь сообщил, что ничего особо умного в шахматной игре нет. Так, механические упражнения для ума среднего уровня...

— Ну, что ты такое говоришь! Совсем недавно в передаче программы «Интеллект» рассказывали, какое это древнее искусство и какое бесконечное число комбинаций возможно на шахматной доске, а у нас на работе есть старший агент Илья Зиновьевич, так он читал, будто...

— Не бывает бесконечных комбинаций! — рассердился (или сделал вид, что рассердился) Граф. Нынешние чемпионы еще могут кое-как состязаться с компьютерными игроками, но искусственный интеллект ближайшего будущего в короткое время рассчитает все мыслимые шахматные варианты. И в количественном и в качественном плане. Игра потеряет смысл...

Профессор знал, что говорил. К созданию ис-

кусственного интеллекта (то есть электронных супермозгов) он имел прямое отношение. И об этом у них с Ваней раза два уже случались беседы. Однажды, тоже за шахматами, задремал подаренный дедом мобильник (звонила мама), и раздосадованный перерывом в игре профессор тихо помянул черта. И сказал, что мобильные телефоны — несчастье всепланетного масштаба. Ваня возразил, что не представляет, как раньше люди жили без мобильных. Без возможности в любой момент позвонить куда хочешь и кому хочешь. Ну... маме, например. А то можно ведь с ума сойти от неизвестности.

Константин Матвеевич возразил, что жили земляне в прошлые времена без телефонов и радио и были не менее счастливы, чем теперь. Уходили в долгие плавания на месяцы и на годы и с ума не сходили. Да, неизвестность и тревоги — это испытания для души. Но зато сколько радостей приносили моменты возвращений и встреч!

— А если при встрече вдруг узнаешь... о какой-нибудь беде? — осторожно сказал Ваня.

— Ну а телефоны что? Щит от беды, что ли? — хмыкнул дед. — Где-то они полезны, а где-то наоборот...

Ваня был не согласен. И спросил: может, и от компьютеров где-то «польза наоборот»?

Константин Матвеевич буркнул, что это «как посмотреть». Мол, человечество существовало долгие тысячелетия без всяких там микрочипов, которые придуманы буквально в ближайшие десятки лет.

— Да, конечно, здорово, когда элемент размером с рыбью чешуйку хранит в себе уйму информации. Но ведь этого добились совсем недавно. А раньше...

Он вдруг вспомнил какого-то друга детства, ко-

торый участвовал в монтаже первых советских ЭВМ.

— Чего? — не понял Ваня.

— Электронно-вычислительных машин. Предков нынешних персоналок и ноутбуков... Я-то в ту пору занимался еще историей и ничем больше, а он... — Потом он рассказывал, какие у тех машин были размеры. — То, что сейчас в одной «чешуйке», тогда занимало объем кабинетного шкафа. Схемы на радиолампах... Они грелись, как голландские печи...

— А как это получилось? Ну, чтобы утолкать целый шкаф в одну такую пластиночку?

Профессор Евграфов увлекся. Начал толковать про полупроводники, электронные микросхемы... Ваня моргал и не понимал.

— А как их делают-то, такие крохотные?

Дед начал объяснять про громадные цеха с великанскими линзами высочайшей точности (и безумной стоимости). Рассказал, как изображения десятиметровых, сделанных компьютерами (а то и вручную) схем с помощью этих линз уменьшают до небывалой крохотности, проецируют на «чешуйки» со специальным покрытием, а точнейшие лазеры на этом покрытии гравировать схемы...

Он увлекся, вытащил папку журналов с фотографиями этих линз и цехов, со статьями, у которых Ваня не мог понять даже названий... Но кое-что Ваня все же понял. Вернее, ощутил нервами — все это соотношение громадности и крохотности. Он так и сказал:

— Просто жуть берет. Сколько всего можно утолкать... в один миллиметрик...

Константин Матвеевич с удовольствием (словно сам это придумал) сообщил:

— «Миллиметрик», друг мой Ваня, в иных случаях может быть объемом не меньше космическо-

го пространства. Что люди знают о микромире? Знают кое-что многомудрые физики-теоретики, но и они — не всё... Микромир — такая же вселенная, какую мы видим, когда смотрим в супертелескопы. Только с обратным знаком...

— Как это?

— Здесь нужен, так сказать, «взгляд под ноги». На звезды и туманности мы глядим, задрав головы... А у нас под ногами не меньше загадок. Что мы знаем о природе земных глубин? До сих пор не можем колупнуть кожуру планеты глубже нескольких километров. А тайны океанов? То же и в микромире: до фиги неясного...

Это «до фиги» сразу поставило Ваню на должный уровень понимания (так ему показалось). А дед продолжал:

— Есть такой научный труд: «Масштабная гармония Вселенной». Автор берет там за среднюю величину сравнения живую белковую клетку. Вроде тех, из которых состоим мы, грешные. Их, кстати, можно увидеть лишь в микроскоп... Затем упоминает самую крохотную микрочастицу — ей ученые дали условное название «максимон»...

— А почему условное?

— Потому что ничего о ней толком не знают... Но кое-что все же знают... И вот оказывается, что этот максимон меньше белковой клетки во столько раз, во сколько клетка эта меньше всей известной человечеству Вселенной со всеми ее галактиками...

— Обладеть можно... — искренне изумился Ваня. — Это как-то... не влезает в голову.

— В голову не влезает, но расчетам подчиняется. Математикам все едино — что цифра «один», что «один» с триллионами нулей... И вот, пишет автор книги, оказывается, что белковая клетка находится как раз в середине масштабной гармонии

мира. От нее как бы расходятся два измерения: одно в бесконечную громадность, другое в бесконечную малость. И возникает вопрос: может, не случайно клетка, образующая жизнь — в том числе и жизнь разумного человека, — оказалась в центре мирового измерения?

— Можно я схожу, суну голову под кран? — спросил Ваня. Наполовину всерьез.

— Ясно! Задурил я тебе мозги, да? Ничего не понятно?

— Нет... кое-что понятно... — И Ваня не пошел мочить голову. — Значит, иногда молекулу можно считать громадной, как земной шар, да?

— Талантливое дитя!.. Кстати, ты слышал про нанотехнологии?

— Нано... что? А! Это про нанороботов? Такие крохотные роботы размером с молекулу! Их можно будет запускать в больного человека, и они там смогут уничтожать все причины болезней! Да?

— В частности, так... — Дед неожиданно помрачнел, рассеянно объявил Ване мат и уточнил: — Можно запускать в больных... А можно и в здоровых. Ты, может быть, слышал, что у людей разных рас есть некоторые генетические различия? И вот вполне можно будет взять нанороботов, задать им программу, чтобы прекращали жизнедеятельность у представителей той или иной расы, запустить над армией противника беспилотники с распылителями... Никакой взрывчатки, никаких термоядерных зарядов. Тихо и культурно...

— Но... Это, наверно, все-таки фантастика? — нерешительно сказал Ваня. Стало неудобно.

— Сегодня фантастика... Смотрел «Звездные войны»?

— Конечно! У меня на дисках все серии...

— Вот сейчас покажу одну штуку... — Констан-

тин Матвеевич выбрался из кресла, шагнул к столу с большущим компьютерным экраном. Надавил кнопки. Запрыгали цифры, картинки рекламы (и, конечно, голые девицы). Потом Ваня увидел взрыленное коричневое поле с чахлыми кустиками и редкими деревьями. Среди кустиков двигалась машина, похожая на заморское животное «броненосца». То ли на гусеницах двигалось, то ли на воздушной подушке. Взбиралось на горки, вращало на спине плоскую башенку со стволами, башенка плевалась тонкими красными лучами. От лучей загорелась кривая сосна. Потом «броненосец» встал на членистые ноги, подошел к другой сосне, выпустил клешни. Цепляясь клешнями, ловко забрался до середины ствола, лучом срубил над собой древесную верхушку, превратился в бронированный мяч, упал на землю, прокатился, снова выпустил ноги, зашагал, грянул из короткого ствола — вдали вырос грибообразный взрыв...

Показались еще несколько механических чудовищ. Разных. Но одинаково зловещих. Тоже плевались огнем, карабкались, прыгали через овраги, тонули в ручье и легко выбирались на берег...

«И правда как «Звездные войны»...» — мелькнуло у Вани. А дед сказал:

— Это новые разработки военных американских роботов...

— Разве... они не секретные?

— Может, какой-то самонадеянный лаборант уволок диск со служебной съемкой и запустил в Сеть, чтобы похвастаться. У янки с дисциплиной не всегда ладно... А может, решили показать специально: вот, мол, ничего не боимся... Смотри, эти механические твари действуют не хуже дрессированных животных. В них наверняка зачатки искусственного интеллекта... Похоже, что на данный мо-

мент они неуязвимы. Разве что прямое попадание атомного снаряда... Но где возьмешь столько снарядов? И что после этого останется от матушки-планеты...

— Граф, ты совсем спятил, да? Хочешь, чтобы ребенок не спал ночью? — Оказалось, что Лариса Олеговна стоит у них за спиной. — Вы там у себя в лабораториях пугаете друг друга, а дети при чем?

Профессор встряхнулся:

— Баба Ла... Олеговна то есть... права. Не бери в голову, это ведь так, пропагандистский ролик, скорее всего...

Как ни странно, в тот раз Ваня этот разговор и телекадры в самом деле не очень «взял в голову». Его ждал «спрятанный» в ноутбуке роман Жюль Верна...

А вот сейчас, после шахматного выигрыша у Графа (казалось бы, радоваться надо!) и после нового разговора про искусственный разум, Ваня вдруг ощутил беспокойство. Смутное такое. Вроде как днем, при упоминании о Гваделупе.

— Кон... Граф, а в тех роботах, которые ты тогда показывал. Ну, в американских... правда, есть искусственный разум?

— Смотря что называть этими словами...

— Смотря что назвать интеллектом, — усмехнулся Граф. — Если способность набитой чипами консервной банки рассчитывать, как проще и дешевле уничтожить часть человечества, то конечно... А если способность осознать глубину Семнадцатой сонаты Бетховена, то увы... Впрочем, жестянкам-роботам Бетховен до лампочки. Как и тем, кто их клепают...

Ваня потер переносицу и решился еще на один вопрос. Сказал с опаской:

— Граф... но ты же говорил, что сам занимаешься постройкой... то есть созданием искусственного разума. И компьютерных сетей нового поколения, в которых этот разум будет развиваться... Зачем ты тогда...

— Потому что процесс познания остановить невозможно. Человек постоянно старается докопаться до сути разных явлений. Расковыривает неведомые ему игрушки природы. Как дошкольник, нашедший гранату времен Второй мировой... И в результате — то Хиросима, то Чернобыль, то глобальное потепление климата... Или пузыри абсолютного вакуума... И то, и другое, и десятое можно использовать для укрепления власти одних людей над другими...

— Граф, а зачем? — тихо спросил Ваня.

— Что зачем, дорогой мой? Расковыривание «игрушек»? Или власть над людьми?

— Ну... вообще... Всё такое... Я как-то лежал вечером и думал. Почему, если у человека есть миллиард долларов, ему нужны еще миллиарды? Ведь он и так может получить все, что хочет...

— Кроме полной власти...

— А зачем эта власть? Ведь те люди, которыми властелин командует, они же не будут его любить. Наоборот...

— А ему и не надо, чтобы любили. Надо, чтобы подчинялись. Чтобы «чтили» его...

— Это как Наполеона, да?

— Ну, не только... Наполеон был еще не самой большой сволочью... Кстати, многие его и чтили, и любили. Некоторые находят в пресмыкании радость...

— А почему?

— Потому что ничтожества. Не могут сами по себе чувствовать себя личностями и подпитывают свое мироощущение за счет чужого величия. А величие это чаще всего без души и смысла... И самое поганое, что ничего не меняется из века в век. Вот смотри, сколько всего придумано и открыто за последние два столетия. Электричество, генетика, тайны атомного ядра... А разве люди стали душевнее, добрее, чем во времена Платона и Аристотеля? Собираемся на Марс, а что мы туда принесем? Умение грызть друг друга глотки?

Ваня поехал и обхватил поднятые колени.

— Граф... но тогда и правда зачем?

Константин Матвеевич глянул с каким-то новым интересом.

— Сформулируй точнее. Что зачем?

— Вообще... все открытия, все науки... если добра на свете не становится больше...

— Умница, — скучновато отозвался профессор Евграфов. — Наконец-то вижу человека, который озадачен тем же вопросом, что и я...

Ваня спустил с кресла ноги. Он смотрел недоверчиво, с обидой даже.

— Но ты же сам...

— Что «я сам»?

— Сам занимаешься этим... Компьютерные суперсхемы, искусственный мозг... а говоришь «зачем»...

— Но я же объяснял: это не остановить. Просто нужны тормоза... Нужно понимание: к чему все это может привести. Прежде, чем изобретать телегу, надо подумать о последствиях: куда можно на ней приехать и сколько увечий заработать, если загремишь с ней в овраг... Ты знаешь, как называется моя основная научная тема?

— Не-а, — сказал Ваня. Откуда он мог знать?

— Называется она «Анализ рисков развития со-

временных компьютерных технологий, ведущих к созданию искусственного интеллекта»... Меня за эти рассуждения долбали и на прежнем месте работы, и начинают долбать на нынешнем. Пока, правда, осторожно...

— Почему?

— Почему осторожно? — хмыкнул Граф. — Наверно, боятся Марго. Она как-то во весь голос пообещала спустить моих оппонентов с балкона. Подобно своему генерал-майору...

— Она может... — хихикнул Ваня. — А почему долбают-то? За что? Такое умное название...

— Потому что переводится оно на нормальный язык одним простым словом. Которое ты, друг Ваня, произнес только что: «Зачем?..» То есть зачем мы творим без оглядки то, что может обернуться всепланетной бедой?.. А мне говорят: «Ваш подход к вопросу — дилетантский». Ну, то есть ненаучный. Намекают, что первое-то образование у меня — не физик, а историк. Я столько времени провел на раскопках древних городов... Но дело в том, что руины Херсонеса дают пищи для ума не меньше, чем компьютерные построения. И главный философский вопрос в этой пище все тот же...

— Который «зачем?», да.

— Иван Повилика, — слегка торжественно произнес Константин Матвеевич. — Ты воистину внук профессора Евграфова. Если не по крови, то по духу...

У Вани мелькнуло, что рюмка с коричневым зельем, которое профессор проглотил на кухне, была двойного объема. Впрочем, это не мешало беседе.

Профессор сообщил:

— Логикой и образностью суждений ты похож на одного молодого лаборанта. Недавно он изложил мои взгляды очень своеобразно и просто: «Констан-

тин Матвеевич предупреждает всех, словно неандертальца по имени Гы-Убоба, который придумал и мастерит каменный топор. Ты, мол, мастера, но не забывай: рядом пасется твой соплеменник Гы-Кукумба, который может твой топор выхватить, огреть тебя по темечку, а сам с помощью нового оружия сделаться верховным вождем...» Только сейчас речь идет уже не о кремневых топорах... Впрочем, неважно. Одинаково погано, когда люди начинают мастерить топоры и роботов, не осознав смысла жизни.

Ваня уже неоднократно слышал разговоры о смысле жизни. И в телепередачах, и даже был такой диспут у пятиклассников. Правда на диспуте все свелось к утверждениям Клавдии Михайловны, что смысл в отличной успеваемости и почтительном отношении к старшим (остальное приложится). А в телестудиях волосатые и лысые спорщики почему-то сводили диспуты к решению жилищных проблем и борьбе с терроризмом (вопросы серьезные, но все же не по теме — так думалось Ване).

И сейчас Ваню дернуло за язык:

— Граф, а ты знаешь смысл жизни?

Он думал, что дед пустится в долгие («философские») рассуждения. Но тот сказал обыкновенным тоном:

— Конечно.

Ремка

1

— Конечно, — сказал Граф. — А чего здесь хитрого? Смысл в общей гармонии мира. А гармония эта — то есть стройный, радующий душу порядок

во Вселенной — невозможна без красоты и без доброго отношения людей друг к другу.

— Ага... — буркнул Ваня (поскольку не узнал ничего нового). — Красота спасет мир. Это какой-то знаменитый писатель высказал, я забыл кто. А мне высказывал не раз мой папа. Это когда я отлынивал от музыкальных занятий. Но я все равно...

— Не надо иронизировать, сударь... — Граф сердито повозился в заскрипевшем кресле. — Слова о спасительной красоте мира сказаны Достоевским, а он был не самым глупым человеком на свете. Почитай когда-нибудь его «Братьев Карамазовых», там есть немало о твоих ровесниках... А идея о всеобщей любви принадлежит не кому-нибудь, а Иисусу Христу. Без ее понимания развитие человечества невозможно. Причем понимания обычными человеческими мозгами, а не электронными... Пока что люди всей глубиной этой идеи проникнуться не сумели. И если не сумеют и дальше, нашей цивилизации будет крышка. И не спасут никого никакие нанороботы...

— Ну... а что делать-то? — спросил Ваня. Как-то зябко ему сделалось. — Всех ведь не заставишь любить друг дружку. Вон что делается на Земле...

— В том-то и беда. Да и невозможно это *заставить*. Вопрос без начала, без конца... Мы над этим ломали головы, когда были еще такими, как ты...

— Кто это «мы»?.. — хмуро сказал Ваня. Просто чтобы не молчать.

— Ну... я и мои друзья-приятели. Прежде всего мой друг Ремка...

Ваня вопросительно молчал: что, мол, за Ремка?

— Ты помнишь карточку, которую тебе показывала Синяпка... то есть Любовь Грибова? Ремка там с краешка, сидит на перевернутом ведре, щеки подпер. В такой позе мыслителя...

— Не... я не помню, — признался Ваня. — Там ведь много ребят...

— Ну, тогда я тебе покажу... — Константин Матвеевич неожиданно резво выбрался из кресла, прошагал к высоченному книжному шкафу, открыл его нижние глухие дверцы (худые лопатки Графа нервно двигались под полосатой рубахой). Вынул канцелярскую папку, начал что-то перебирать в ней. Ворчал при этом. Потом оглянулся: — Не могу найти тот снимок. Ну, ладно, покажу другой, он даже лучше... Вот... — И вернулся к Ване. Протянул квадратную карточку размером с конфетный фантик.

На бледноватой, но четкой фотографии были двое мальчишек. Среди заснеженных рябин. В широких валенках, в мятых шапках с распущенными ушами. Один — в куцей овчинной шубейке, другой — в большой, не по размеру, стеганке до колен. Тот, что в шубейке, держал в отведенной руке и разглядывал птичью клетку. В ней угадывалась птаха с растопыренными крыльями.

— Вот он, мой друг Рем Шадриков. То есть Ремка... — в голосе Графа ощутилась пушистая такая усмешка. — Любил он охотиться за птичьей мелочью: за щеглами, за жуланами и чечетками... Зимой ловил, а весной выпускал. Говорил, что двойная радость от такой охоты: и когда поймаешь, и когда потом распахиваешь клетку. Птица летит на свободу, а ты делаешься счастливым вместе с ней... Он, Ремка, любил радоваться с другими...

«А что с ним сейчас?» — хотел спросить Ваня, но не решился. Дед пальцем провел по краешку снимка.

— Это Ремка сам снял. Аппаратом «Любитель», были тогда такие. Закрепил в развилке ствола, привязал к спуску нитку, дернул потом... А здесь и незаметно, что дергает... Помню, как мы проявляли

и печатали у него в подполье, под кухней. Бабушка его, Анна Васильевна, потом удивлялась: отчего у квашеной капусты непонятный привкус? А это мы в щель крышки на бочке нечаянно проявитель вылили... Потом уж, лет через пять, признались, смеху было... А увеличителя у Ремки не было, поэтому карточка такая маленькая. Контактным способом напечатана...

— Зато очень резкое изображение, — вежливо заметил Ваня.

— Да... Однако это зимний снимок, а познакомились мы с Ремкой летом, когда было нам по десять лет... Наше семейство перебралось тогда из района под названием Затуренка ближе к центру, на Смоленскую. Отчиму его контора дала наконец казенное жилье... Да, был у меня отчим, потому что отец-то погиб под Москвой, зимой сорок первого, через полгода после того, как я родился. Он меня и не видел даже... Ну вот, переехали мы, а ребят, что годились бы в приятели, рядом не оказалось. И повадился я уходить в ближний лог, играть там в одиночестве. Запруды строил на протоках Туренки, мальков ловил (и отпускал потом, потому что на уху не годились), индейцем себя воображал в зарослях бурьяна... Туренка бежала по дну логга — из-под насыпи у вокзала к земляному мосту, что на Первомайской. И там ныряла в широченную трубу под мостом и выскакивала из нее с другой стороны. Труба казалась таинственной: крикнешь в нее — и отзывается с таким железным отголоском...

...И вот однажды зашел десятилетний Костя Евграфов в Туренку по щиколотку и крикнул в трубу:

— Эгей! — и приготовился услышать привыч-

ный отголосок. И услышал. Но следом за глухим эхом прилетел живой отклик:

— Эй! Ты кто? — тонкий такой и веселый.

Костик был не из тех, кто легко знакомится с первым встречным. Однако здесь что было делать? Не убежать же!

— Я... Костик... — Ответил негромко, а разнеслось, как в таинственном трюме.

— А я — Ремка! — долетел жизнерадостный ответ. И не было в этом голосе ни капельки насмешки или оцетиненности, которую Костик не раз встречал среди знакомых пацанов.

Костик видел теперь в дальнем округлом конце туннеля, среди ярких лучей и блеска воды, тонкоплечую фигурку со взъерошенной головой. И, как бы подавшись всем своим существом навстречу неизвестному ровеснику, он крикнул:

— Хочешь, я пошлю тебе свой корабль?!

У Костика был с собой полуметровый кораблик из обрезка доски, с оструганной мачтой, проволочными вантами и парусом из бязевой салфетки.

Ответ был по-прежнему звонкий и чистый:

— Конечно, хочу!

И Костик послал кораблик.

Он видел, как неуклюжий парусник — то носом, то бортом, то кормой вперед — побежал по бурливым струям все дальше, дальше. И нигде не зацепился, а был схвачен тонкими, темными на фоне солнца руками.

— Какой хороший! — донеслось через трубу. — Давай я к тебе приду!

— Давай!

Костик думал, что мальчик Ремка взберется по насыпи, пройдет через мост поверху и спустится в лог с этой стороны. Однако тот смело шагнул навстречу потоку. Зажатая железом Туренка бурлила

непримиримо. Была она неглубока и все же порой выше колен. Но Ремка, с корабликом Костика у груди, шагал храбро и без задержки, как морской пехотинец в десанте. И вышел наконец в сырую лебеду рядом с Костиком. Улыбчивый, скуластый, с облупленными ушами и мелкими конопушками медового цвета. С такими же золотисто-желтыми глазами. С капельками в пеньковых торчащих волосах. Поставил кораблик у босых мокрых ног — между собой и Костиком. И похвалил от души:

— Хороший фрегат... — Будто он не принес его в руках, а приплыл на нем.

А Костик улыбался, переступал в траве и не знал, что сказать. Тогда Ремка продолжил разговор:

— А ты прямо настоящий моряк... — Не было в этих словах ни крошки насмешки, только похвала.

— Почему? — бормотнул Костик.

— Ну, вот же... — И Ремка мизинцем скользнул по обвисшей майке Костика.

Они были в одинаковых сатиновых трусах «парашютной» ширины, только на Ремке, кроме трусов, — ничего, а на Костике — тельняшка. Мама купила ее весной на толкучке (уже тогда не новую, полинялую) и перешила, оставив для запаса некоторую ширину и длину. Теперь, если бы не трусы, а матросские клеши, Костик был бы, как юнга из фильма «Мы из Кронштадта»...

Костику очень понравилось, что Ремка оценил его «моряцкую» внешность. И, слушаясь толчка благодарности, он выпалил:

— А хочешь поносить? Тоже будешь как моряк! И Ремка снова не отказался:

— Конечно, хочу!

...Потом они два лета подряд (пока она не изодралась вконец) носили эту тельняшку по очереди.

Ремка жил недалеко от Смоленской, в одном из тупиков рядом с Орловской улицей. В деревенском доме с огородом (Костик с мамой и отчимом жил почти в таком же, только огорода там не полагалось, потому что квартира была казенная). Оба осенью поступили в пятый класс и, поскольку мужская средняя школа во всей округе была единственная, оказались в одной школе. И — вот удача-то — в одном классе. И робкий, «с домашним воспитанием», Костик Евграфов впервые обрел ощущение радостной безопасности — от того, что рядом всегда крепкое дружеское плечо.

Нельзя сказать, что их дружба оказалась безоблачной. У Ремки был взрывной характер. Маленькие кулаки с облупленными костяшками сжимались, а с ресниц летели колющие искры, если он, Ремка, видел, что кто-то другой не так, как надо, понимает справедливость. То есть не по его, не по Ремкиному. А Костик, хотя и послабее был характером, тоже иногда понимал ее по-своему. И у него же, у Ремки, научился не уступать. Бывало, что ссорились и несколько раз даже подрались. Костик всегда боялся драться с другими мальчишками, но с Ремкой не боялся. Потому что даже в драке Ремка был справедливый — как увидит, что противник выдохся, сразу опускает кулаки. И Костик в этих стычках страшился не боли, а того, что будет потом: вдруг они больше не помирятся?

Однажды показалось, что так оно и случится. Разодрались крепко. Наедине, позади сарая в Ремкином дворе (теперь — поди вспомни, из-за чего!). И Костик — совсем не желая того — раскровянил Ремке губу. Ремка вдруг обиделся всерьез. Сказал: «Иди ты в ж... змею горынычу. Не буду я больше с

тобой». И начал стаскивать закапанную красным тельняшку, чтобы на веки вечные кинуть ее Костику и никогда не иметь с ним никакого дела. И когда тельняшка упала в подорожники, к ногам Костика, тот заплакал. Взахлеб.

И Ремка уронил руки. И сказал:

— Ну, Кот... Ну, ты чего...

Как будто не понимал «чего»!..

Но он понимал, и он снова выговорил:

— Ну, Кот... — А потом: — Хочешь, я тебе рогатку подарю? Ту, что у Борьки Лысого в чиху выиграл?

Рогатка была — просто чудо. С отшлифованной ручкой из сиреневой развилки, с мягкой красной резиной, с хромовой кожанкой...

Костик всхлипнул и сразу сказал:

— Хочу! — но не ради рогатки, а потому что это было концом ссоры...

2

Да нет, не могли они поссориться навеки. Потому что слишком хорошо понимали друг друга.

Еще в начале дружбы их объединило опасное приключение и тайна...

Как-то в конце июля, после недели бурных дождей, когда Туренка превратилась в неукротимый поток, Ремка и Костик нашли у воды два связанных бревна. Ну, просто готовый для путешествия плот (если не очень плясать на нем и не нарушать равновесия). И путешествие началось сразу. Было решено от моста на Первомайской одолеть расстояние до моста на Перекопской, что рядом с превращенной в склад польской церковью, которая называется «костел». И половину маршрута проплыли благополучно, хотя и не без риска. Толкались длинными

палками, балансировали, вопили от восторга, иногда прыгивали в воду, но тут же снова заскакивали «на палубу»... Они были Томом Сойером и Геком Финном на Миссисипи, индейцами в горном потоке, капитанами пиратской шхуны и потерпевшими крушение (но не потерявшими мужества) кругосветными путешественниками. Всеми сразу... А скоро пришлось ощутить себя беззащитными мореплавателями, за которыми гонятся головорезы капитана Флинта...

Когда проплывали мимо полуразрушенной будки с высокими мостками, из-под этих мостков выдвинулся неуклюжий дощатый бот. Этаким дредноут. В нем приплясывали и махали кольями пятеро полутолых «пиратов».

— А ну, тормози, салаги! — заорал самый длинный, в натянутой на уши черной пилотке. Сразу видно — атаман.

Ага, тормози! Как остановишься в таком потоке? А если бы и можно было, то с какой стати? Добровольно прыгать в лапы злодеям? (А в том, что это злодеи, не было сомнения.)

— Кот, держись! — сказал Ремка.

— Ага! Врагу не сдается наш гордый «Варяг»! — согласился Костик, старательно накачивая в себя жиденькое бесстрашие.

Его расслышали на «дредноуте» и пообещали, что «щас будет вам «Варяг». «И «Кореец» заодно», — добавил злодей в тельняшке, как у Костика. А самый маленький пират — в голубой рубашечке, в отутюженных парусиновых штанишках с лямками и в испанке снежного блеска — вежливо предупредил:

— Лучше остановитесь сразу, а то потом будет гораздо хуже!

Судя по всему, это был «мальчик из культурной

семьи». Костик читал, что иногда на разбойничьих судах специально заводили таких вот образованных членов команды, чтобы те грамотно вели записи в корабельном журнале, правильно подсчитывали добычу и учили неотесанных флибустьеров вежливо обращаться с пленными дамами. Но Костик и Ремка дамами не были и на вежливое обращение рассчитывать не могли. А это тонконогое существо в испанке могло оказаться ничуть не менее безжалостным, чем остальные. Несмотря на аккуратные сандалики и васильковые носочки (не боится промочить, что ли?).

«Дредноут» вышел в кильватер плоту и пустился в погоню. На тихой воде легонький плот, конечно, сразу ушел бы от тяжеловесной, почти квадратной посуды. Однако здесь главная скорость была от течения, а воде все равно, какую тяжесть она несет. Нажимать на палки-весла и вообще проявлять излишнюю резвость на вертких бревнах было рискованно. А «дредноут» отличался изрядной остойчивостью, и его команда размахивала самодельными гребками и жердями изо всех сил. Расстояние было метров десять.

— Лучше отдавайте наши бревна по-хорошему! — снова закричал атаман. — Тогда немного напинаем и отпустим!

— С чего это они ваши?! — с остатками отваги откликнулся Костик.

— А потому что вы их стырили на берегу.

Обвинение было липовое. Как «ихние» бревна могли оказаться выше по течению, так далеко от хозяев?

— Врать-то — не изюмом какать, — изящно разъяснил в ответ Ремка. Он мог бы, конечно, сказать не «какать», а... Но все же люди на «дредноуте» не казались окончательной шпаной и настоя-

щей войны пока не было. Так, полуигра. Если и поймут, лупить, наверно, не станут. Разве что измажут глиной да покормят репьями...

Еще один из пиратов — стриженный и большеухий — крикнул, вытянув шею:

— Лучше сдавайся, Шадрик! Все равно не уйдешь! Это тебе не дедушкин пароход!

«Что за пароход?» — мелькнуло у Костика. Он собрался даже спросить Ремку, хотя и не до того было. Но Ремка быстро сказал:

— Кот, слушайся теперь меня, я знаю протоку. Вон там, за желтыми кустами...

Впереди подымались заросли могучей травы. В рост человека. С большущими лимонными цветами на верхушках. Их, таких цветов, было множество в логу (Костик ни в ту пору, ни потом не знал их названия; да и никто, кажется, не знал).

— Застрянем, — сказал Костик.

— Зато не сдадимся...

Они дружно толкнулись влево и на скорости ушли с главного потока в узкое (и тоже с бурливой водой) ответвление Туренки. Великаны-желтоголовики обступили их. Ширина была всего-то метра полтора. Листья зачиркали по плечам и по щекам, пахло болотом и сладкой пылью, взметнулись стрекозы.

— Джунгли Укаяли, — сказал начитанный Костик (чтобы скрыть страх погони). Ремка отозвался непонятно:

— Ривьер-Салé. Враг не пройдет...

Да, враг не мог сюда пройти на своем «броненосце». Но и беглецам делалось все труднее. Бревна царапали по дну, утыкались концами в береговую траву и глину. Скоро стало ясно, что плаванью конец.

Ну и ладно! Главное, что «врагу не сдается...».

Они прыгнули в заросли, проломились через тугие стебли, оказались на открытом месте. Здесь виляла среди травы тропинка. От нее отходила еще одна — вверх по откосу. Там начиналась полуразваленная лесенка — не с самого низа, а метрах в пяти от начала подъема... Огибая татарскую крапиву, Ремка и Костик взбежали к лесенке, встали на нижнюю ступеньку. Видно было, что на упустившем врагов «дредноуте» царит растерянность — вертели головами и, потеряв скорость, бестолково дергали гребками. Наконец, заметили беглецов.

— А-а! Ребя, вон они!

— Лови их!

Костик и Ремка засмеялись. Ничего не стоило взбежать по остаткам лесенки, а наверху двумя пинками обрушить с откоса гнилые ступеньки. Попробуйте догнать тогда! «Пираты», когда выбрались из посудыны и подошли кучкой, сразу поняли дохлость своей позиции.

Чтобы утешить себя и команду, атаман в пилотке заявил:

— А бревна-то все равно у нас!

— Ну и засуньте их себе в... — Костик взглянул на мальчика в испанке. — За шиворот. Они нам и не нужны. А боевой флаг все равно с нами.

— Нету у вас никакого флага! — заявил бритоголовый пират в клетчатой рубахе до колен.

— А вот и есть! Морской! — Костик сдернул тельняшку, нацепил на палку (они с Ремкой так и отступали — не бросив палки).

— Ну и махайте им... — отозвался атаман уже добродушно. — А мы пойдем ваши бревна перегонять к себе...

— Далеко не перегоните, — сказал Ремка. — Течение не пустит.

— А на фиг далеко? Там чуть повыше узкое ме-

сто есть, мы их положим с берега на берег. Вместо мостика. Для людей польза, а для нас память о победе...

— Не было у вас никакой победы! — сообщил с высоты Ремка. — Нас-то вы не схватили! А два бревешка — это тьфу... Мы и сами хотели их в том месте положить, да вы гнались, как пчелами покусанные...

— Сам ты покусанный! — обиделся бритоголовый.

А мальчик в испанке разъяснил:

— Покусанные ни за кем не гоняются, а сами убегают. Вы не правы...

— Ты, Вовчик, самый умный из этой гоп-компании, — похвалил его сверху Ремка. Видать, встречался он с Вовчиком не впервые.

Атаман сдвинул на затылок пилотку и вдруг переспросил:

— А вы чего? В натуре, что ли, хотели мост из бревен сделать?

Ремка ответил:

— А ты думал, вы одни такие умные?

— Ну, тогда чего? — опять сказал атаман. — Тогда, может, айда с нами? А то бревна-то не легкие, мы четверо пупы посрываем. А Вовчику надрываться нельзя, он после аппендицита...

Вовчик в ослепительной испанке виновато развел руками.

Ремка глянул на Костика, увидел в его глазах нерешительное согласие и бодро согласился:

— Айда!

Когда спустились к пиратам, один из них — тот, что в клетчатой рубахе — задумчиво проговорил:

— А все-таки, Шадрик, надо бы тебе дать пендалей. За то, что тогда в лагере ты...

Ремка подобрался:

— Ну, дай! Только пошли один на один, а то храбрый среди корешей...

— Отбой... — серьезно сказал атаман. — На сегодня все, повоевали. Сейчас — как после пушки.

— Какой пушки? — шепотом спросил Костик у Ремки.

— А ты не знаешь? Ладно, я вечером расскажу...

Легенды о капитане Булатове

1

На огороде в Ремкином дворе был уютный уголок. Две лавочки под старой яблоней, тут же — столик на вколотенных в землю ножках. Рядом — железная бочка с водой для поливки грядок. Когда жаркая погода, приятно было макнуться в бочку головой...

Здесь вот, под яблоней, после приключений с плотом и «пиратами» Ремка много чего рассказал Костику.

Сначала про пушку. Оказалось, что есть у пацанов на Большом и Малом Городищах обычай: двадцать второго июня в двенадцать часов дня палить над логом из самодельного орудия. И после этого целый день не должно быть между ними никаких обид и драк. На завтра — пожалуйста, а сегодня до заката — полный мир!.. Не все, конечно, такой обычай признавали, всякой шпане он не указ, однако обычные мальчишки этот закон помнили. И, если надо было объявить перемирие, говорили: «Сегодня — как после пушки...»

Костик, когда жил в свой Затуренке, ни о чем таком не слышал и теперь удивлялся.

— А где эта пушка? Кто ей командует?

Оказалось, что нынче пушка хранится в сарае Гошки Лаврова, он за нее отвечает вместе со своим другом Толиком Юхиным по прозвищу Юх. А вообще-то она переходит из рук в руки. Ребята вырастают и передают оружие тем, кто помладше. Надежным людям, которые обещают раз в году обязательно выпалить над логом в положенный день и час. И с давних пор не было такого года, чтобы выстрел не прозвучал. Ну, случались нарушения на минутку-две (не всегда ведь есть у мальчишек часы), но все равно орудийный сигнал полдня раскатывался над заросшими откосами в самый длинный день лета...

— Это потому, что день начала войны, да? — понятно сказал Костик. И оказалось, что ошибся.

— Многие так думают. А на самом деле стреляли еще совсем в старые времена, когда наши дрались с колчаковцами...

— Рем, а почему?

Ремка помолчал, зажал пальцами ноги и дернул головку подорожника. Задумчиво сказал:

— Кот, я расскажу. Только ты про это — никому. Никогда... Если даже поссоримся навеки, все равно про это молчи... Обещаешь?

Костик обещал, тем более что был уверен: ссор навеки у него с Ремкой не будет никогда в жизни...

И вот что он узнал.

Оказывается, когда-то был у Ремки дед. Или прадед. По фамилии Булатов. Не совсем даже родной, а какой-то двоюродный. Про него Ремке рассказывала мамина тетушка, которая приезжала из Тобольска и жила у Шадриковых позапрошлой осенью. Малость сумасшедшая тетка (мама и бабушка были счастливы, когда уехала). Она любила поболтать о старине, а поскольку взрослые не очень-то ее слушали, рассказы свои обращала к Ремке. Тому было иногда инте-

ресно... И вот рассказала однажды тетушка про дальнего родственника, старого речного капитана, который во время Гражданской войны увел из-под носа у белых пароход «Охотница», чтобы спасти мирных жителей, укрывавшихся на этом пароходе. Белые запросто могли расстрелять их... И вот капитан Булатов повел «Охотницу» вниз по сибирским рекам. Иногда отстреливались. Иногда шли под самодельным парусом, потому что не хватало угля... Но это было лишь начало приключений...

В Обской губе «Охотницу» должны были встретить красные канонерки, но почему-то не встретили, а белые преследовали беглецов. И капитан принял отчаянное решение: идти Северным морским путем в Архангельск.

Не было в истории мореходства случая, чтобы этим путем проходил хлипкий плоскодонный речной пароход. Но капитан Булатов, хотя и был очень стар, провел свое судно до цели. Но оказалось, что в Архангельске тоже белые. И англичане. Капитан сдаваться не захотел, и многие не захотели. Тех, кто измучен был путешествием, тайно высадили на берег, а остальные решили плыть дальше. Куда? Кто-то предложил переплыть океан и высадиться на острова у Америки, в тропиках. На этих островах постоянно шла борьба негров за свободу, и повстанцы, конечно же, помогли бы русским революционерам...

— И переплыли? — выдохнул Костик. Он облизывал губы, на них от волнения выскакивали мелкие пузырьки. Такой приключенческий роман!

— Ага, — кивнул Ремка. — Но там у одного острова их опять догнала беда. В тех водах оказался русский клипер. Учебное парусное судно. Оно ходило вокруг света, и революция застала его далеко в иностранных водах... Даже книжка есть такая —

«Клипер «Зевс». Правда, в ней ничего нет про «Охотницу», но все-таки ясно, что клипер был...

— А что там должно было быть про «Охотницу»?

— В то время все на «Зевсе» были еще за белых. Это потом они подняли красный флаг, а тогда еще не понимали даже, кто такие большевики. По радио они узнали об «Охотнице» и решили взять ее на abordаж. А капитан Булатов опять принял отчаянное решение...

— Рем, какое? — Костику и в голову не приходило, что все это могло быть выдумкой.

— Этот остров, он совсем небольшой и состоит из двух частей. Они соединены перешейком. А через него проходит узкий-узкий и мелкий пролив... Помнишь, я сегодня крикнул «Ривьер-Салé»? Это он по-ихнему, по-островитянски, так называется, а по-нашему — «Соленая река»...

— И «Охотница» прорвалась через пролив?!

— Ну да! «Зевс» запер пароход в бухте, но сам в нее войти не мог, не давала глубина. И капитан решил уходить через Соленую реку. Уж в нее-то клипер бы и не сунулся... Для «Охотницы» это было тоже очень опасно, только куда деваться-то? У капитана была старинная карта острова, и он на нее надеялся... Ну, и они прошли — через мели, через джунгли, впритирку к берегам...

— А потом что?

— А потом... точно уже неизвестно. Тетушка не знала. Вроде бы «Охотница» пришла на Кубу, и капитан там умер от старости. А остальные — кто куда... Но главное, что они ушли от врагов и прорвались!

— Как мы сегодня!

— Да. Только мы застряли, а они вырвались в океан... И когда вырвались, наступил день летнего солнцестояния. И капитан Булатов велел дать са-

люют из их маленькой пушки, которая стояла на носовой палубе... И с тех пор пошел этот обычай...

— Рем... а как здесь-то узнали про такой обычай?

— Вот это самый непонятный вопрос, — очень серьезно откликнулся Ремка. — Я спросил у тетки: как такое могло случиться? А она: «Ой, не знаю, Ремочка, не пытай меня больше...» Потом все же вспомнила, будто кто-то из пассажиров «Охотницы» вернулся в Турень с Кубы. Вроде бы совсем еще мальчишка. И рассказал про то, что было...

Пока Константин Матвеевич излагал эту историю, Ваня сидел тихо и угрюмо. Он ничему уже не удивлялся. И даже не пытался избавиться от тоскливой боязни, рожденной новым совпадением. Она опять затянула серой пленкой то хорошее, что случилось сегодня...

Дед наконец глянул внимательно:

— Иван, а ты чего... скисший такой? Тебе неинтересно?

— Мне интересно... только... Граф, я сейчас, наверно, завою, — честно сказал Ваня.

Профессор Евграфов как бы клюнул пространство: носом, глазами, плечами, кадыком на шее, сильно качнулся к Ване:

— Я... что-то не так сказал?

— Ты все *так* сказал... Только не сказал названия острова. Но я и без тебя знаю. Это Гваделупа...

— Ну... да. Ну и что? Почему ты испугался?

Надо было огрызнуться, что ничуть он не испугался. Но Ваня хмуро объяснил:

— Потому что он меня достал...

— Остров? — изумился дед.

— Да! — со слезинкой сказал Ваня. И вдруг начал рассказывать про все. Как одно «клеилось» к другому. Роман «Юные путешественники» (по правде говоря, не самый интересный у Жюль Верна), где захватившие судно «Резвый» пираты не решились пойти через Ривьер-Сале. И тут же — мамина путевка, круиз с заходом на Гваделупу. И выстрел... И рассказ Никеля о кровавых делах на Гваделупе... Был, правда, светлый зайчик — сверкающая гваделупская монетка с кораблем. Но сейчас — опять какая-то тревога... Окрошка событий, от которой холодеет внутри.

Граф шевельнул бровями и догадался о главном:

— Ты просто боишься: не случилось бы чего-нибудь с мамой.

Ваня, словно очнувшись, поморгал. Почти с облегчением согласился:

— Кажется, да... Но и что-то еще тут...

— С мамой ничего не случится. Она по своим делам летает в разные страны каждый месяц. Не один год уже. Почему именно Гваделупа должна принести какую-то беду? Чушь... Слушай, а ты что? Боишься летать?

— Да нет... не очень. Если сам, то не страшно...

— Вот и о маме думай без страха. Это ей поможет... Но ты сказал «что-то еще тут»?

Ваня стыдливо кивнул. И дед кивнул:

— Про это «что-то еще» я тебе объясню по-научному. Сыграл роль закон стержня.

Ваня поднял слегка намокшие глаза.

— Закон... чего?

— Магнитного стержня. Множество событий и фактов, связанных с чем-то одним, существуют до поры до времени по отдельности, сами по себе. Вот представь себе рассыпанные на столе мелкие винтики, канцелярские кнопки, скрепки, булавки. Ва-

ляются просто так. И вдруг на столе появляется сильный магнит. Сразу вся железная мелочь напрягается. Если какие-то штучки и не могут подъехать и приклеиться к магниту, они все равно располагаются вдоль силовых линий. Булавки и шурупчики — головками к стержню, кнопки пытаются встать на ребро... Все теперь подчинено магнитному сердечнику, он определяет обстановку... Так же и в жизни. Ты вот зацепился раз-два памятью за Гваделупу, и теперь будет каждое лыко в строку — газетная статейка, новости в телевизоре, песенки бардов, мимоходом брошенное слово...

— Но ведь это же не случайно!

— Нет, конечно. Я же говорю — стержень...

— Но какой? — нервно сказал Ваня.

— Опять двадцать пять! Маг-нит-ный!.. В переносном смысле, конечно...

— Вот именно, что в переносном. А где он?.. Ну, не на том же дурацком острове в Карибском море! И при чем тут я?

— Законный вопрос, — важно отозвался Граф. — И точного ответа пока нет. Надо поразмышлять. И подключить интуицию... Видать, прошел этот стерженек через дальний остров, и через Турень, и через разные времена. И через нас с тобой... Тут надо не лелеять в себе суеверные страхи, а докопаться до сути...

— А почему он... и через тебя прошел? Ты сказал...

— Здравствуйте! Я же тебе только что рассказывал! Про Ремкиного деда, про Соленую реку...

— Но это Ремкин дед, а не твой...

— Но Ремка-то мой друг!.. Ты, может быть, устал слушать?

— Не-е-е!..

— Тогда слушай, что было дальше, — сказал Граф. — За год до нашего знакомства Ремка поехал в пионерский лагерь. Первый раз в жизни. А там, известное дело, — по вечерам, после отбоя, болтовня в палатах. Всякие истории — про привидения, про приключения, про невиданные и неслыханные дела... Была самая середина прошлого века, война кончилась недавно, поэтому немало было историй о фронтовых и партизанских подвигах. В том числе и таких, где героями были отцы и старшие братья...

...А у Ремки брата не было никогда. А отец пропал без вести в сорок первом году, в окружении под Киевом... Тогда это было страшное дело. Те, кто пропал, считались чуть ли не изменниками, перебежчиками к немцам. Если оказался в плену — значит враг народа. Поди докажи, что это не так! Особенно, когда нет никаких известий...

Поэтому сперва Ремка помалкивал, только слушал других и томился от зависти. А потом вспомнил теткин рассказы о легендарном деде или прадеде. И выдал историю про пароход «Охотницу». Ну, сперва-то ее принимали с интересом, два вечера подряд. А потом нашелся дотошный вредный слушатель, постарше Ремки — из тех, кто любит всех разоблачать, — и поднял рассказчика и ребят на смех. Мол, вам плетут всякую фигню, а вы уши развесили! Никогда речные пароходы не ходили Северным морским путем! И не было ни «Охотницы», ни Булатова, потому что, если бы они были, про них бы висели всякие фотографии в музее и рассказывали бы на пионерских сборах и даже улицу называли бы где-нибудь рядом с пристанью! Есть там улица Булатова? Нету! Есть фотографии в

музее? Нету! Слышал кто-нибудь про такого капитана и такой пароход? Ни фиги никто не слышал!..

Ремка отругивался, как мог, а потом разревелся от обиды.

Реветь в «крепком мужском коллективе», если тебя даже ни разу не стукнули, — это «западло». Ремкин авторитет съехал вниз, как ртутный столбик на морозе.

Ремка не был трусом, он отстаивал свою правду и самолюбие изо всех сил, кидался в драки без оглядки, но получал за это и от ребят, и от вожатых. «Этот несносный Шадриков! Совершенно не вписывается в лагерные нормы!» Была, правда, одна вожатая, он попыталась разобраться. И посоветовала: «Ты, Рема, поговори с мальчиками, объясни, что сочинил свою историю просто для общего интереса...»

А он разве мог предать капитана Булатова? Он сказал этой вожатой, что она дура, и лишился последней поддержки...

Путевка была на две смены, однако после первой Ремка заявил матери, что больше в лагере не останется. Она раскричалась, пустила слезу, дала ему несколько подзатыльников, потом велела «рассказать всю правду».

Если не маме, то кому ее, правду, расскажешь-то (даже после подзатыльников)? Ремка повсхлипывал и честно изложил про все, что было. И мама... она вдруг очень испугалась. Он согласилась не отправлять Ремку на вторую смену («Вернем путевку!»), но категорически запретила рассказывать кому-нибудь «эти бредни про капитана». Потому что «хватит нам неприятностей из-за отца». Потом объяснила уже спокойнее: может быть, капитан Булатов и правда жил на свете, но кто знает, за кого он воевал? Чей пароход угнал и у кого? И, если

уплыл на Кубу (или еще куда-то), то с кем? А что, если с англичанами и беляками? И если это узнают там (то есть на улице Семакова, где МГБ), что тогда будет?

— А что будет? — наивно спросил Ремка.

— Дурень, — сказала мама. И напомнила, как ее дважды вызывали *туда*, чтобы выяснить: владельцы заречных мельниц Шадриковы не являются ли мамиными-папиными родственниками? А ведь эти Шадриковы жили тоже в незапамятные времена...

Мама была учительница в начальной школе, образованный человек, разбиралась в политике и знала, что говорила...

Бабушка (мама отца) была не такая образованная, бывшая работница пимокатного цеха. Поэтому она пожалела внука и вскоре посвятила его в кое-какие «дополнительные» тайны. Призналась, что да, был у них в прежние времена дальний родственник по фамилии Булатов, капитан речных пароходов. Но про его плавание на «Охотнице» — это все байки. А в дальних краях, за океаном, Булатов (Гришей его звали) побывал вроде бы еще в мальчишеские годы, со своим дядюшкой, капитаном парусного корабля. Подробностей бабушка не помнила, знала только (с чужих слов, конечно), что вернулся Гриша не один, а с иностранным мальчонкой — они подружились там где-то, в чужих краях. Что за мальчонка, бабушка не ведала, только слышала, будто он умер вскоре после приезда в Турень — не вынес здешних холодов... А расспрашивать про все про это никого больше не надо, потому что Гриша-то Булатов был из богатой купеческой семьи Максаровых. Приемный, но все равно, что свой. А купеческих детей в Советском Союзе не жалуют и их родственников, даже далеких, — тоже...

— Так что ты, Ремушка, лучше помалкивай, не тревожь бывшее...

И Ремка помалкивал. Но полусумасшедшей тетушке в Тобольск послал письмо: нельзя ли, мол, приехать к вам на осенние каникулы, чтобы кое о чем поговорить?

Известно, что люди «с некоторым сдвигом» иногда лучше понимают ребятишек, чем трезво мыслящие взрослые. Тетушка откликнулась охотно. Правда, она писала, что приезжать Ремке не надо, потому что «я, голубчик, что-то совсем плоха стала», но зато она прислала ему старинную карту и письмо с понятными только Ремке словами: «Это та самая, по которой ОН прошел через соленую воду».

Не оставалось сомнения — карта Григория Булатова!

Ну да, женщины всегда много путают! Конечно, мальчишка Булатов не мог быть капитаном, но участником плавания был наверняка. Скорее всего, юнгой. И карту эту кто-то подарил ему на память... И то, что она именно его, — доказывала слабо различимая карандашная роспись на обороте:

Г. Булатовъ

А на лицевой стороне карты было еще одно рукописное слово, помельче. Кто-то бледным карандашным грифелем провел через перешеек острова кривую черту, закончил стрелкой и у стрелки извилисто написал:

Артемуга

— И эта карта у тебя? — с жалобной надеждой спросил Костик. Он и верил, и не верил. А кругом пахло уже не помидорной ботвой, а смолеными снастями...

Ремка молча ушел в дом и сразу вернулся. Вы-

тащил из-под майки желтоватый лист. Развернул. Ширина была с раскрытую «Пионерскую правду». Тонкий нецветной оттиск напоминал гравюры из старинного журнала «Нива» (у Ремки много было таких). Чернело иностранное название:

GUADELOUPE

Они расстелили шероховатую бумагу на обутленных солнцем коленях.

— Видишь? — тихо спросил Ремка.

— Да-а...

Все так и было: черта, стрелка, слово...

— Рем, а что такое Артемида?

— Я думаю — название. Зашифрованное... Я сперва не догадывался, а недавно стал смотреть новый учебник по истории Древнего мира и увидел: там картинка, статуя такая. Написано, что греческая богиня Артемида — охотница... А на карте, наверно, тетушка написала, с намеком на пароход...

— Ну да, правильно! Она же не знала про парусное плавание! Думала, что Булатов по правде был здесь, у острова, на пароходе «Охотнице»...

— Только вот что... — как-то неловко сказал Ремка и погладил карту. — Я иногда думаю: вдруг это не тетя Глаша, а сам Булатов написал? Григорий... Почерк-то здесь и на обороте, в его фамилии, одинаковый. Завитушки похожи...

— А... зачем ему это? Ведь там, на паруснике, он же не знал, что потом будет у него пароход «Охотница».

— А может, это не шифр, а просто название того корабля? А пароход сам по себе...

Как-то опять все запуталось. Костик наморщил лоб.

— Рем... а если еще раз написать ей... тете Глаше? Попросить, чтобы объяснила...

Ремка тихо сложил карту.

— А тети Глаши уже нет. Она умерла той осенью... У старых людей дурацкая привычка: они то и дело умирают... Кот!

— Что, Рем?

— Давай никогда не делаться старыми!

— Давай!

— Честное пионерское?

— Честное пионерское!

3

Они долгое время сохраняли верность детской клятве. Даже когда их начали скручивать всякие остеохондрозы и ревматизмы, они при встречах держались прямо и вспоминали песню студенческих времен: «Главное, ребята, сердцем не стареть...» Но именно сердце однажды изменило Рему Васильевичу Шадрикову. Отключилось в один миг, когда он во дворе своей фанерной дачки вздумал наколоть дрова...

Это случилось за полгода до переезда Графа и Ларисы Олеговны в Турень.

— Я-то надеялся, что вместе отпразднуем новоселье, — сказал Константин Матвеевич Ване. — А получилось вон что... Иногда езжу в гости к его вдове, к Валентине, сидим, вспоминаем. Бывает, что она дарит мне его старые письма и фотографии...

— Граф, а карта... — нерешительно сказал Ваня. — Она сохранилась?

— Нет, — насупился дед. — Исчезла, когда Рем учился в Ленинграде, а родня затеяла ремонт их древней халупы... Кстати, у Рема тогда, как и у меня, был отчим, мать надумала вторично выйти замуж. С отчимом Рем не очень ладил, было там немало всяких коллизий...

Ваня досадливо подумал: «Ты прямо как Лариса Олеговна». Вежливо помолчал и напомнил:

— А карта...

— Я же говорю: пропала... Наверно, ее сожгли случайно с бумажным мусором. Она ведь хранилась на полке в сарае... Жаль, конечно. У нас с этой картой столько было связано. Мы играли в путешествия на «Артемиде» и «Охотнице», в схватки с пиратами, в опасное прохождение по Ривьер-Сале. Сочиняли всякие истории... Ну, потом появились другие увлечения. Ремка начал строить что-то вроде вычислительных машин и говорил, что в них живет особая, волшебная душа. Нечто вроде космического разума. И приохотил меня... Мы мастерили невероятные конструкции из проволоки, костяшек от канцелярских счетов, всяких шестеренок и гаек. Двигали эти гайки, стараясь найти какие-то фантастические комбинации. Сами не знали какие... А началось все с красавца Евсея...

— С кого?

— С петуха Шадриковых...

Костик и Ремка сидели тогда в огороде и чертили схему парусной лодки, чтобы построить ее и отправиться в плавание до Тобольска. (Идея в общем-то авантюрная, оба не очень верили в ее исполнение, но фантазировать и чертить было интересно.) Потом они проголодались. Ремка принес из дома четыре яйца и краюху. Протянул из сеней провод-удлинитель, поставил на столик электроплитку со сковородой... Шипящую глазунью смели в один миг. И поняли, конечно, что такая порция — «слону дробина»... В этот момент на забор взлетел черно-красный, с царским гребнем, Евсей. Клокотнул горлом...

— Может, и его на сковородку? — мрачно предложил Костик.

Ремка не отвечал. Смотрел на петуха с какой-то печальной задумчивостью. А тот — на мальчишек.

— Да я же пошутил, — быстро сказал Костик. — Евсеюшка, ты хороший, не обижайся...

Ремка скребнул вилкой по пустой сковороде, почесал черенком подбородок.

— Было яйцо... вроде тех, что мы стрескали... И вдруг из такого яйца появился живой цыпленок и превратился в такое вот чудо... По каким законам? Отчего? Ты про это не думал?

Костик, по правде говоря, не думал. Он принимал законы развития как данность... Они с Ремкой были уже не те, что в дни первого знакомства, успели изучить в школе, как из икринок выводятся головастики и мальки, как человеческий зародыш превращается в крупного ревущего младенца. И знали, откуда берется такой зародыш. Но задуматься, почему это происходит, как-то не случалось. А тут вдруг...

— Какое-то яйцо для глазуньи, и вдруг — такой вот Евсей... — продолжал Ремка. — И так миллионы раз, одинаково. Почему одинаково?

— Закон природы... — неуверенно отозвался Ремка.

— А что такое *закон природы*? Откуда эти законы берутся? Кто их выстраивает?

И они принялись размышлять. Рыться в самой глубокой сути. Их не интересовала всякая там биология, клетки и эмбрионы. Хотелось докопаться до изначальных причин: *откуда все это*? И они, семиклассники из портового сибирского городка, докапывались своими силами, не ведая, сколько во всем мире философов, генетиков и кибернетиков ломают над этими загадками головы. Они строили хит-

рые «думающие» машины, в надежде, что те помогут. Может, машины и правда слегка помогали...

Потом, конечно, у каждого отыскался в жизни свой путь. Ремка сперва всерьез был занят компьютерами, но потом вдруг увлекся полиграфией. В ней тоже было не обойтись без компьютерного дела, но главным для Ремки оказался сам процесс печатанья газет и книг. Потому что «в начале было Слово...». Он сперва работал в Ленинграде, на заводе «Полиграфмаш», потом вернулся в Турень: отчим помер, бабушка еле дышала, нельзя было оставлять мать одну...

Костика потянуло к философии (не зря так много рассуждали в огороде под яблоней), а от философии — к истории. Он изрядно «покопался» в Аркаиме и Херсонесе, обрел среди археологов некоторую известность. Но однажды в университете завел знакомство с людьми из группы «Новые компьютерные технологии». Со своих философских позиций Граф азартно раскритиковал некоторые их идеи, предложил свои, влез «в это дело» с головой, окончил заочно физический факультет, и вот... профессор-доктор, автор монографий, специалист по компьютерным сетям, один из вдохновителей проекта «Искусственный разум» и... в то же время рьяный противник такого проекта. Вернее — противник безоглядных экспериментов с этим самым разумом. Потому что «вставить его можно куда угодно, хоть в... змею-горынычу. А что потом?» То же самое он говорил и про опыты в разных других науках...

Два года назад много шума наделала статья профессора К.М. Евграфова «Мальчик и бомбочка». Написана она была не совсем в академическом стиле. А свою идею Граф изложил в двух строчках «устного школьного творчества»:

Бомбочку мальчик на грядках нашел —
Тихо в деревне и все хорошо...

Заканчивалась статья словами: «Прежде чем развлекаться такими игрушками дальше, надо поставить четкий вопрос: «Елки-палки, а ЗАЧЕМ?»»

Статья пошла по интернетным сайтам. Был скандал. На ученом совете крупная (во всех отношениях) ученая дама налетала на автора статьи с особенным пылом:

— Но вы же... вы же сами! Столько сделали в этом направлении! А теперь!..

— Я делал, надеясь на человеческую осмотрительность. А что творится в мире? Одно потепление климата чего сто́ит! Чтобы создавать электронные мозговые извилины, надо не уставать шевелить своими, это и козе понятно... Простите, я имел в виду не вас, сударыня, это студенческая лексика...

Вскоре он закончил семестр и стал думать: «Пора домой». Тем более что звали. Среди тех, кто звал, был ректор Туренского университета — давний Вовчик в белой испанке, с которым Костик познакомился во время плавания на плоту...

Ваня слушал с интересом, хотя интерес иногда окутывала полудрема. Ваня прогонял ее коротким дерганьем головы. Менял позу и опять устраивался поудобнее. Почесывал нажаренные днем ноги. Один раз ему под ноготь попало присохшее к коже томатное семечко — последнее из тех, что прилипли, когда он угодил коленом в помидор. Оно оказалось упрямым, не смылось, не отскочило в течение всего дня. Ваня пожалел его. Семечко заслуживало более счастливой судьбы, чем другие.

— Граф, подожди... — Он побрел на кухню

(бесконечно далекую от кабинета Графа), выбрал на подоконнике подходящий горшок с домашним цветком, проткнул пальцем землю, сунул в нее семечко, присыпал. Конечно, плода оно не принесет, но, может быть, прорастет хотя бы...

Ваня вернулся и забрался в кресло. Константин Матвеевич, решивший, что Ваня посетил туалет, понимающе помолчал и продолжил рассказ.

С Ремкой во взрослые годы они виделись нечасто. Раз в несколько лет. Перезванивались, правда, но все как-то наспех... Но помнили...

Однако в студенческую пору, на каникулах, они все же сумели склепать парусную лодку. До путешествия в Тобольск дело не дошло, но в окрестностях Турени поплавали немало. Называлась лодка «Евсей». В память о любимом петухе-красавце. Евсей прожил у Шадриковых до глубокой старости и умер своей смертью (хотя отчим однажды пробовал начать разговор про бульон).

Собираясь на родину, Константин Матвеевич все чаще звонил Рему Васильевичу:

— Тряхнем стариной наконец...

— Еще бы! — отзывался тот голосом пятиклассника Ремки. — Я по дешевке моторку приобрел. Назвал знаешь как?

— Конечно, знаю! «Евсей»!

— Умница! Сразу видно — профессор!..

Такой разговор случился за день до остановки Ремкиного сердца...

...Граф рассказал про это Ване и замолчал. Потом встряхнулся:

— Ну, не будем кончать на грустной ноте. Хочешь, расскажу, как мы в пятом классе ставили пьесу «Стальной волосок»? Девчонок в школе тогда

еще не было, и Ремку уговорили играть принцессу. Он сперва ни в какую, но наша учительница...

В кабинете возникла (не первый уже раз) Лариса Олеговна.

— Граф! У тебя есть совесть? Ты заболтал ребенка до беспамятства! Ночь на дворе!

Никакой ночи не было. Самый длинный день лета расстилал по небу оранжевые сполохи, среди них висели разноцветные облака. Но бронзовые часы на электрокаmine и ьпрагду показывали, что уже почти полночь. Лариса Олеговна ухватила внука за локти, подняла над креслом.

— Умываться и в постель!

Ваня не упирался. Он ощутил неодолимую сонливость. И сделался легоньким, как тополиная пушинка — сейчас поплывет по воздуху. Он не поплыл, но и в ванную не пошел. У себя в комнате стряхнул на пол футбольную одежонку и мягко спланировал на кровать. Поверх одеяла, носом в подушку.

И сразу же закачало, плавно понесло его куда-то — среди размытых картин про все, что случилось в этом бесконечном дне. Столько всего случилось... И главным было... Нет, не история с помидорами и Квакером, не выстрел, не знакомства с мальчишками. Не Гваделупа и не рассказы Графа. Главное — это Лорка. Такое понимание сейчас протолкалось к Ване через всю другую память. Щуплая девочка с матросским галстучком, с чуть заметными искрами солнца в белобрысых прядках тихонько улыбалась и смотрела на Ваню сквозь напластования сна. Легкая такая. Но была в этой легкости уверенность. Потому что все плыло и колыбалось в зыбком Ванином полусне, а Лорка стояла твердо, хотя и непонятно на чем...

А потом она вдруг присела на корточки, еще

раз глянула на Ваню и стала что-то рисовать пальцем у своих босоножек.

И сразу вспомнилась девочка из песенки про Гваделупу:

Есть у деда маленькая внучка,
Очень непонятная она.
На песке рисует закорючки,
Чтобы сразу смыла их волна...

И будто припев:

Лорка, Лорка,
Лорка-Гваделорка...

Интересно, есть ли на свете остров Гваделорка? Название вполне подходящее — такое «антильское»... А если нет — еще лучше. Пусть это будет сказка. Их остров...

Вода, солнце и фантазии

1

Прошла неделя...

Вся компания купалась у старой баржи, на том месте, где в прошлом году познакомились Лика и Тростик. Трубачи, Никель и Ваня, как только добрались до песка, скинули одежду и с разгона врезались в теплую воду. Сплавали туда-сюда, понырjali с кормы, окатили друг друга каскадами брызг и встали в воде по пояс. Чтобы отдышаться. И чтобы поторопить девчонок и Тростика.

Лика не спешила — что-то искала в сумке. Тростик преданно ждал ее. Лорка — в пестром сарафанчике и босая — понуро стояла в двух шагах.

— А ты чего ждешь? — спросила Лика. — Иди, радуйся жизни.

Лорка сказала тихонько:

— Я купальник не взяла...

Лика выпрямилась:

— Да ты что? Вчера купалась в мальчишкином виде, а сейчас вдруг... Расплети косы и будешь, как пацаненок, ты же дитя еще. Мне бы твои проблемы...

Лорка вздохнула и повозила пяткой по песку.

— Вот чудо... — укорила ее Лика. — Здесь же все свои, кого ты стесняешься?

— Вон его она стесняется... — Тростик указал кивком на Тимку Бруклина из Ликиного класса. Тощий Бруклин в бело-зеленых полосатых трусах сидел неподалеку, под самым бортом баржи, и дергал проросшие сквозь песок травинки.

— Ну, чего ты опять притащился? — громко спросила Лика.

Тимке следовало бы сказать: «Где хочу, там хожу, ты это место не купила». Но он промолчал, только почесал травинкой ноздрю.

— Зануда, — заявила Лика.

Мальчишки подошли ближе и слушали разговор, стоя по щиколотку в воде. «Лико-Тимкины» отношения не были для них секретом.

Тростик разъяснил:

— Тим надеется, что ты вечером пойдешь с ним на дискотеку «Юные таланты». — Он был беспощаден в своей наивной правдивости.

Тимка поежился и, глядя в заречные дали, сообщил, что вовсе на это не надеется. Потому что у него, у Бруклина, никаких талантов нет, а гениальная Анжелика Сазонова, к тому же, на такие мероприятия никогда не ходит.

— И поэтому ты всюду таскаешься за мной, как дохлая кошка Гека Финна на веревочке.

— Сравнение твое оскорбительно для моей чув-

ствительной натуры, — вздохнул Бруклин, — однако я стерплю и его...

— Иди окунись, — предложила Лика. Бруклин возразил, что примитивное «окунанье» не погасит жар в его груди. Мальчишки захихикали. Считалось, что Тимка валяет дурака, но... понятно было, что за этим «валяньем» есть что-то серьезное.

Лика достала из сумки пеструю косынку.

— Лорка, иди сюда... — Она заслонила ее от Тимки, сдернула с нее сарафанчик и скрученной косынкой обвязала Лоркину грудь. — Ну, вот. Вполне купальный комплект. Даже по цвету подходит к трусикам.

— Ага! — Вмиг забывшая про свои комплексы Лорка ускакала в воду. Там ее встретили воплями и брызгами. Схватили за руки, за ноги и бросили глубже.

— Беззаботное детство, — с улыбочивой печалью произнес Бруклин.

— А ты уже зрелый мужчина, да?.. Слушай, ты же говорил, что собираешься в Падерино к деду.

— Я не поехал. Это выше моих сил...

— Почему?

— Потому что как у Александра Сергеича...

Я знаю: век уж мой измерен,
Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

— Можно подумать, ты читал «Онегина»!

— Неоднократно. Первый раз в десять лет. Когда услышал, что этот роман — «энциклопедия русской жизни».

— Кто тебе сказал про такое?

— Папочка цитировал какого-то классика в споре с соседом Львом Семенычем Браухом. По на-

циональному вопросу... Папочка сказал, что достаточно с пониманием прочитав этот роман, чтобы ощутить себя русским на сто процентов... Я взял идею на вооружение.

— А до этого... ты кем себя ощущал?

— До этого русским и ощущал. Но вдруг узнал, что наполовину я еврей, по папе, а по маме — на четвертинку украинец и на четвертинку белорус. Да еще с дальней примесью польской крови...

— И это тебя потрясло?

— Не так уж... Но все же я решил подкрепить свое российское самосознание.

— Подкрепил?

— Конечно! «Онегина» знаю почти наизусть. Вот...

Судьба Евгения хранила:
Сперва мадам за ним ходила...

— И ты теперь ходишь за мной, как мадам за Евгением...

— Не искажай смысл... Я хожу как я за *тобой*. И лелею надежду... да нет, не на дискотеку.

— А на что? — Лика беззаботно примеряла розовую купальную шапочку.

— На то, что ты уговоришь вашего Юрия Юрьевича взять меня в вашу рисовальную экспедицию.

— Ты спятил? Ты же рисуешь, как страус левой ногой!

— А я и не буду рисовать! Я буду техническим персоналом. Палатки, костры, каша в ведре... В обмен на счастливую возможность ежедневно лицезреть ваше сиятельство... Могу стать твоим персональным натурщиком. Даже в обнаженном виде.

— Идиот! Больно нужен ты мне в обнаженном виде!

— Не тебе, а искусству. Вспомни традиции Возрождения...

— Идиот, — снова сказала Лика. — Что ты понимаешь в искусстве? Для тебя вообще нет ничего святого...

— Как это нет? А ты?

— Тростик, иди купайся, — распорядилась Лика. — Незачем ребенку слушать дурацкие разговоры.... Или вот что. Возьми мою шапку, принеси воды и вылей на голову этому балбесу. Для охлаждения извилин...

— Щас! — Тростик с резиновой шапочкой метнулся к воде и тут же вернулся с ней, мокрой и отяжелевшей.

Бруклин сел по-турецки и с полной покорностью нагнул голову.

— Лей, — велела Лика.

Тростик подумал и насупился:

— Не... я не буду...

— Почему?!

— Ну, он же даже не сопротивляется... — И Тростик вылил воду себе на ноги.

— Вот еще один святой, — сказал Бруклин. — Твоя школа, Сазонова. А ведь ты могла бы и меня сделать таким...

— Поздно, дорогой...

Тростик сказал, осторожно подняв на Лику глаза:

— А может, еще не поздно? Он ведь еще не совсем большой...

— Вот видишь! — взбодрился Тимка. — Устами младенца... Тростик, ты и правда святой. Только это не к добру. Тебе тяжело будет жить на белом свете...

— Вот еще! — сказал Тростик.

Он был уверен, что жить ему всегда будет хорошо. Потому что хорошо жилось сейчас. Потому что он не требовал от жизни многого.

У него, у Трофима Зайцева, на девятом году жизни было все, что нужно. Была мама... Правда, она все время на работе, в две смены, однако она все равно *всегда есть*. А еще — Лика. На нее мама «просто молилась». Потому что Лика практически освободила маму от забот о сыне. И не ради каких-то там «тимуровских идей», а «что делать, если мы с этим Божьим созданием приросли друг к другу...».

Тростик «прирос» настолько, что без всякой ревности смотрел на Ликиных ухажеров. Он знал, что в душе у Лики занимает особое, ни с кем не сравнимое место.

Итак, чего еще ему оставалось желать? Велосипеда? Ну, это когда-нибудь потом. А пока его охотно возили на багажниках другие мальчишки. Хорошо бы, конечно, сотовый телефон — чтобы в любое время можно было связаться с Ликой и друзьями. Но всякие желания должны иметь разумные границы, а телефон был явно за пределами таких границ... Зато в течение года Лика заставляла его читать, читать, читать, и он осенью и зимой послушно мучился, а к весне понял наконец, какая это радость — интересная книжка. Один «Конек-Горбунок» чего стоит!.. А ведь в первом классе Трофим Зайцев едва разбирал слова по слогам...

Кстати, растрепанная книга «Конек-Горбунок» была удивительно старинная. На титульном листе красовалась круглая печать со словами: «Изъ библіотеки Максаровыхъ». Книгу отдала Тростику Лоркина бабушка Любовь Петровна. Решила, что мальчику будут интересны большие раскрашенные

кем-то картинки. Но интересной оказалась сама сказка. Лика помогла разобраться в тексте, и скоро Тростик уже не обращал внимания на «яти» и другие старинные буквы, которых теперь нет в русском языке. Правда однажды он написал на тетрадке свою фамилию «Зайцев» с твердым знаком на конце и узнал от учительницы, что «иди тогда учиться в лицей с Пушкиным», но не огорчился. Он вообще не огорчался досадливыми мелочами жизни...

2

Лика наградила Бруклина *взглядом*, взяла Тростика за руку и повела купаться. И они долго бултыхались, а затем бесстрашно ныряли с баржи и оставались в воде, когда остальные уже развалились на песке.

Погода стояла «палящая», но купающихся рядом было мало. Оно и понятно. Многие обитали на дачах или уезжали на Голубые озера недалеко от деревни Муллаши. Это раньше, говорят, здешние берега кишели народом, а теперь все, кто поднакопил денег, рвутся в курортные края. На Канары, например... Вот и плескалась в районе пристани застрявшая в городе «неприкаянная» ребятня да несчастные влюбленные вроде Тимофея Бруклина...

Бруклин тоже искупался, но немного. Вылез на сушу, словно разом отощавший, в прилипших трусах, и сел на прежнее место. Он хорошо знаком был только с Анжеликой Сазоновой и ее «оруженосцем», а с остальными — еле-еле. Наверно, поэтому и сидел в сторонке. Ну и ладно, пусть сидит. Тем более что не соскучится — вон Лика и Тростик вышли из воды...

А Трубачи, Ваня, Лорка и Никель вновь нацели-

лись на нырянье-кувыркание. Но вдруг Федя сказал:

— Ник, а ты бы... это... Ну, понимаешь ведь...

— Ну, чего! — звонко обиделся тот. — Жарища вон какая!

Тогда сказал Андрюшка, негромко так:

— Ник, мы же обещали твоей маме...

Никель хотел обидеться сильнее, но опустил плечи и шепотом проговорил:

— Я только разок окунусь...

Ване стало жаль его. Все знали, что операция была почти год назад и кончилась благополучно, однако врачи рекомендуют «воздерживаться от перегрузок». И спасибо еще маме-папе, что не запрещают Никелю гулять и резвиться с друзьями.

Никель окунулся, вышел на берег и забрался на палубу. Лег у борта, свесив голову.

Ваня тоже вышел, улегся под бортом — так, чтобы тело оказалось на солнышке, а голова в тени. Встретился глазами с Никелем.

— А ты чего выполз? — хмуро спросил Никель.

— Продрог чего-то... Ник! Мы с дедом вчера весь вечер ползали по Интернету. Смотрели: могло ли парусное судно пройти по Ривьер-Сале... Жюль Верн писал, что не могло, но мы все же решили, что прошло бы, если небольшое. Бриг или бригантина. Если осадка не больше семи футов...

— Это около двух метров...

— Да! Были такие парусники. Например, бриг «Рюрик» у Отто Коцебу, я вчера же выудил это из статьи о парусниках...

Голова Никеля на фоне летнего неба казалась силуэтом. Но Ваня все равно увидел, как Ник нагнулся — уши и сосульки волос будто встали торчком.

— Ты думаешь, «Артемиды» была как раз такой?

— А почему бы и нет?

...Историю о предке Рема Шадрикова, о старой карте и надписях на ней знали теперь все. Не раз обсуждали на «заседаниях» во дворе Андрюшки Чикишева всё, что «могло быть, а могло и не быть» и что, «скорее всего, было по правде». Так пришли к единому мнению, что обычай полуденного выстрела привез с океана, конечно же, Гриша Булатов. Такой же мальчишка, какими они были нынче. Ничего о нем узнать не удалось, но ведь существовал же он когда-то! И, если подсчитать возраст, мальчишкой их лет он был в те годы, когда случилась Крымская война...

Но если война, то почему судно «Артемиды» отправилось в другую сторону, подальше от сражений?..

А может, оно было не военное... Или его послали с каким-то специальным заданием... Поди, узнай теперь! В списке военных парусных судов Российского флота ни «Артемиду», ни «Охотницу» отыскать не удалось. Но Константин Матвеевич сказал, что эти списки не учитывали кораблей, принадлежавших Российско-Американской компании. «Там в этом деле был полный кавардак, если не сказать хуже...»

Зато убедились, что в Турени действительно были когда-то купцы Максаровы. Ваня привел всю компанию в профессорскую квартиру, Лариса Олеговна тихо охала, а Граф встретил народ с пониманием и выволок со стеллажа большущий том «Туренская старина» — могучий, как чугунная плита (Ваня уронил его на ногу и взвыл). В пахнувшей древними библиотеками книге нашлась небольшая статья о династии Максаровых, которые

были «известными меценатами и одними из основателей Сибирского пароходства».

Была там даже фотография: глава семейства — Платон Филиппович Максаров (в сюртуке с медалями, худощавый, с немного растрепанной бородой и веселыми глазами), была его супруга и множество детей. В основном девчонки разного калибра, но еще и курчавый мальчонка лет четырех. Про него было написано, что это Илья Максаров, ставший впоследствии достойным наследником Платона Филипповича.

Явно не Гриша Булатов!

Но потом прикинули — снимок-то сделан в пятьдесят девятом году позапрошлого века. Гриша в ту пор был, наверно, уже юношей. Учился или работал где-нибудь, вот и не попал на снимок. Или потому не попал, что все-таки не родня... А уж маленького Гришиного друга и подавно быть не могло — поскольку умер, бедняга, едва оказавшись в Турени...

Да, не было ничего о мальчиках, но обнаружились в статье другие интересные сведения. О том, что первой женой Платона Максарова была женщина из петербургской семьи, урожденная Гарцунова. Платон Филиппович, в порыве сильной любви, тайно увез ее из столицы.

«Дворяне и потомственные моряки долго не могли простить купца Максарова, и примирение двух семейств состоялось лишь после смерти Елены Константиновны, когда капитан второго ранга Гарцунов приехал в Турень на могилу сестры...»

Это было уже кое-что! Нет, даже «ого какое что»! Раз был моряк, значит, приемный сын Максаров мог вполне оказаться на его судне!..

Сразу выстроилась цепь событий, которая у пи-

сателей называется «сюжет» (это объяснил друзьям знаток Жюль Верн Ваня Повилика).

В цепи не хватало многих звеньев. Правда ли, что «Артемиды» — название корабля? Как там оказался Гриша Булатов? Какими ветрами занесло этот парусник на Гваделупу? От кого он спасался, если рискнул пойти по Соленой реке? Был ли в самом деле у Гриши друг-мальчишка с этого острова?

От загадок разговоры делались еще интереснее.

Всей историей заинтересовался и Граф. Еще бы! Ведь это касалось его и Ремкиного детства. А оно не забывалось. «В старости, наоборот, оно вспоминается все чаще», — признался профессор Евграфов Ване. Это было вчера, когда он вдруг предложил посмотреть на Ривьер-Сале с высоты птичьего полета...

— Понимаешь, Ник, в Интернете, в программе «Гугл» есть специальный сайт с картами. Там схемы и спутниковые снимки. Вообще-то это дорогая штука — скачивать такие фотографии, но у деда бесплатная сеть... И вот мы вчера сидели полночи... Соленую реку видно так, будто летишь над ней, как чайка. Даже камни на дне удастся разглядеть. И всякие лианы и заросли... И город Бас-Тер... Можно даже кошек на крышах увидеть...

— Вот взглянуть бы...

— Граф сказал, что отпечатает снимки! Вчера у него в принтере кончились цветные чернила, но он обещал, что скоро все наладит... Ник, а еще мы нашли форт Дельгре. Тот, который полковник Луи Дельгре со своими солдатами взорвал, чтобы не сдавать войскам Наполеона. Там теперь музей... Камни и разрушенные стены. И памятник на крепостном дворе. Называется «Круг, посвященный Дельгре». Там такая большущая голова из камня — видимо, портрет полковника, — а вокруг еще кам-

ни, похожие на людей. Наверно, в память о погибших... Я подумал: вот бы эти снимки в твой реферат! Жаль, что ты его уже защитил...

— А я могу снова! На другом заседании общества. Скажу, что расширенный вариант. Можно и про «Артемиду» сказать...

— Да! Я потороплю деда, чтобы печатал скорее... Только, Ник... будет, наверно, неувязка. Ведь «Артемиды» была через полвека после Дельгре. При чем там одно с другим?..

Ник сел, свесил ноги, постучал пятками о борт.

— А можно что-нибудь придумать! У меня на солнце закипело это... воображение... Вдруг тот дружок Гриши был какой-нибудь потомок Дельгре! А у того остались враги и хотели отомстить этому... внуку или правнуку. И он попросил спасения у русских моряков. А потом помог им пройти через пролив, чтобы они спаслись от погони.

— От какой погони?

— Ну, мало ли... Была же война с англичанами и французами, а Гваделупа — французский остров...

— Прямо роман, как у Жюль Верна! — восхитился Ваня.

— Конечно! В старинной жизни полно всяких романов, — умудренно согласился юный историк Кельников.

3

Мокрая компания снова полегла на песке. Никель прыгнул к ребятам — наверно, чтобы с ходу поведать им о новых идеях и догадках. А Ваню окликнула Лорка. Поманила тихонько в сторону. Когда отошли, шепотом попросила:

— Ваня, затяни потуже узелок... Пожалуйста. А то сползает... — И повернулась спиной.

Он не стал снисходительно хмыкать и говорить: «Вот глупая, зачем тебе все это...» (хотя и подумал так). Зубами распустил между Лоркиными лопатками мокрый узел косынки (при этом ткнулся носом в острый позвонок). Стянул концы, завязал покрепче.

— Хорошо?

— Да, спасибо...

— Не туго?

— Нет, правда хорошо...

— Лор, а откуда этот рубчик? — Он тронул мизинцем коричневый кривой шрамик под левой лопаткой.

— Ой, это давно... Мы с бабушкой вытаскивали из кладовки старые вещи, и я зацепилась за гвоздь... Ух, я ревела. Не от боли, а потому что потрогала, а на ладони кровь...

— Настрадалась... — очень серьезно сказал Ваня.

— Да ну, пустяки...

— Лор, давай я все же распушу тебе косы. А то намокнут, потом замаешься сушить.

— Ну... давай...

И он развязал синие ленточки и ловко расплел две куцые косички. И не чувствовал при этом *ничего такого*.

...Нельзя сказать, что Ваня Повилика никогда не испытывал интереса к девчоночьей природе. В классе среди мальчишек хватало всяких разговоров и хихиканий и даже книжка ходила по рукам — с картинками и с названием «Девочки и мальчики — в чем разница». И с примечанием: «Для среднего школьного возраста». Но видя и слыша *такое* (например, по телику или в Интернете), Ваня не испытывал замирания. Ну... а если изредка и ощущал опасливое щекотанье нервов, то уж никак не из-за Лорки. Лорку он никогда не сравнивал в мыслях с другими девочками. Они к

Лорке не имели отношения. Никакого! Она была в Ванином сознании сама по себе. Он была — свет. Спокойная такая радость, без всяких тревог. Была тем, про кого говорят: «Хорошо, что ты есть». И он знал, что, если она даже рассердится на него, если они вдруг поссорятся, ему все равно будет хорошо. «Потому что *ты есть...*»

Да и не могли они поссориться! С какой стати? Ведь она была частью всего, что Ваня нашел в Турении. Частью этой реки, этих берегов, тополей и кленов, улиц с башнями и колокольнями, с ворчащей в глубине лога Туренкой. Частью сказки про парусник «Артемиду», про мальчишек, хлебнувших на этом паруснике приключений... Даже частью тревожного острова Гваделупа она была тоже. Но это название в голове у Вани тут же перечеркивалось другим, и все страхи исчезали... «Гваделорка»...

Правда, время от времени начинало точить тоскливое понимание: «Когда-нибудь все это кончится...»

«Но даже если и кончится, мне *все равно* будет хорошо. Потому что она *все равно есть*. Я же всегда буду знать это...» Утешение было, конечно, неполным. Но следом приходило другое: «Впереди еще два месяца...» А два месяца лета, сами знаете, это почти вечность...

Художник Суконцев

1

Лица достала из сумки батон, помидоры, бутылку кваса и свой голосистый мобильник. Тот сразу и заверещал голосом попутая:

— Дорогая Анжелика! Тебя вызывает планета

Марс! — Такой вот сигнал придумала для себя Лика и записала его во Дворце связи на Центральном бульваре.

Вызывал, конечно, не Марс. Говорил Герман Ильич Суконцев, учитель рисования.

— Ненаглядная мадмуазель Сазонова (а заодно и уважаемый Тростик, если он трется рядом)! Дело первостатейной важности... или важнейшей первостатейности — как угодно...

— Ой, здрасте, Герман Ильич! Что случилось?

— Как я знаю, ты близко знакома со всякими там Трубачами и прочими энергичными личностями...

— Что значит «со всякими»?.. — слегка обиделась Лика.

— Значит, что с многочисленными. А у меня кадровый дефицит! Наверно, тебе известно, что меня школьное начальство запрягло для работы в городском летнем лагере...

— По правде говоря, неизвестно, — все еще сухо вато отозвалась Лика. С Ильичом она и Тростик виделись последний раз в начале мая.

— Меньше знания — меньше печалей... Но мне-то каково! Творческая личность вынуждена тратить время на пряталки-догонялки и хороводы с теми, кто еще не умеет вытирать носы.

— Ну, так научите вытирать. Это ведь тоже творчество. Педагогическое... — не удержалась от шпильки «мадмуазель Сазонова».

— Ты, как всегда, права, моя радость. Но сейчас у меня конкретная проблема. Дамы из районо возымили желание устроить футбольный матч между лагерями двух школ — нашей и двадцать первой. А наш физрук не сошелся с завучем по некоторым вопросам воспитания и подал в отставку. И на меня повесили спортивную задачу, как на единственного оставшегося мужчину...

— Это большая честь, — сказала Лика.

— Несомненно... К тому же я когда-то играл в футбол. Но нужна команда из мальчишек десяти-двенадцати лет. А таких здесь раз-два и...

— Когда игра? — перебила любимого (хотя и бывшего) наставника Лика.

— Послезавтра!

— Я смогу найти трех или четырех...

— Спасительница!.. Завтра утром тренировка!

— Приказ понял, приступаю к выполнению, — сказала Лика голосом робота из фильма «Тайна железной двери» (вчера показывали по каналу «Культура»). — Вечером позвоню.

Тут же Лика собрала в круг «будущих футбольных звезд».

— Ребята, Ильича надо выручать... И опять же честь школы, как говорится... Сколько нас? То есть вас... Федя, Ник, Ваня, Андрюшка...

— Нику можно побегать минут пять, — сумрачно напомнил Андрюшка. — А потом — на скамью запасных...

Никель не спорил: был рад, что хотя бы пять минут...

— А я ведь не из этой школы... — сказал Ваня. — Даже из другого города...

— Сейчас это модно — звать в местные команды столичных знаменитостей. И даже зарубежных, — сообщила Лика.

— С Гваделупы... — легкомысленно вставил Никель. Без всякого, конечно, умысла. Ваню царапнуло. Никель понял свой ляп, виновато повесил нос.

Лика напористо сказала Ване:

— К тому же ты имеешь к этой школе прямое отношение, в ней учился твой знаменитый дед. Ты сам говорил, что он на одной карточке с Лоркиной бабушкой.

— А я подрежу волосы и надену шорты, — решительно сообщила Лорка. — А фамилия у меня Казанчук, не надо ничего менять... Я в деревне гоняла мяч с мальчишками...

— Только не забудь снять с ребер платочек, — поддел Федя.

Лорка бесстрашно сдернула не успевшую просохнуть косынку и огрела ей Федю. Тот кувыркнулся назад...

— А я? — без надежды спросил подошедший Бруклин. — Я не пригожусь?

Лика сказала, что если даже он обрядится в штанишки Тростика, за пятиклассника не сойдет.

— Но можно сказать, что я акселерат...

— Ага! Будто Ильич не знает, кто ты на самом деле.

— А кто я? — печально спросил Тимка и не дождался ответа.

Вечером тренировались во дворе у Андрюшки.

Ваня честно сказал, что сомневается в своих способностях. В Москве-то он играл от случая к случаю — на школьных переменах да изредка в Воронцовском парке с соседскими пацанами.

Федя утешил его:

— Здесь нет профессионалов. Лишь я один учился в Рио-де-Жанейро у знаменитого Пеле, да и то не был в лидерах...

Никеля уговаривали не бегать, и он почти слушался. Зато по воротам он бил с удивительной точностью. Несколько раз вкатал красивые голы Тимке Бруклину, который взялся побыть нынче вратарем «на общественных началах».

И Ваня бил умело! У него вдруг прорезалось вдохновение — вроде того, когда он вяпал поми-

дором по шее Квакера. (Квакер, кстати, с той поры ни разу не встретился ему.) Вдохновению этому, видимо, помогала Лорка. Ваня то и дело оборачивался к ней. Лорка весело носилась по двору, энергично путалась у всех в ногах и порой попадала растоптанной кроссовкой по мячу. Удары были слабоваты, однако все же Лорка вполне похожа была на десятилетнего мальчишку, который старательно добывает команде победу...

2

Так было и на утренней тренировке.

Команда получилась, конечно, не очень сыгранная, некоторые впервые видели друг друга, но часа за три «все-таки склепался подающий надежду коллектив» (так выразился Герман Ильич). А еще он высказал надежду, что и команда соперников — «не сборная России».

«Ихняя» команда называлась «Юпитер», и Федя Трубин предложил, что пусть «наша называется «Артемида». Никто не спорил. Про капитана Булатова большинство не слыхало, но рассудили, что имя — красивое и «древнемифическое», как у соседей...

Герман Ильич был прав: обе команды оказались одинаковые. В меру шумные, в меру бестолковые, но не драчливые и не обидчивые. Судью (физрука соседней школы) слушались, подножек нарочно не ставили, сильно не толкались... Таймы длились по полчаса. Никелю давали побегать пять минут в первом и втором таймах, а потом заменяли Лоркой. Он не обижался. А Лорка... в конце первого тайма она вдруг ловко увела мяч у толстощекого нерасторопного «юпитерца» и удачно пнула его Ване. А Ваня так же удачно издалека послал его

★ Феде, который пасся у ворот соперников. Тот вмиг вогнал мяч мимо растерявшегося вратаря.

— Ура-а!! — взлетело над школьной спортплощадкой.

— Вне игры! — вопили болельщики «Юпитера».

— Сам ты «вне игры»! Там их защитник торчал!

Так был открыт счет. Правда, почти сразу «Юпитер» вмазал «Артемиде» ответный гол, но было уже ясно — соперники не сильнее.

В перерыве Федя хлопнул Ваню по плечу:

— Иван, ты герой! Такую передачу мне засветил! После этого как не забить!

— Это Лорка герой! Прямо в ноги мне мяч подала...

— И Лорка, — великодушно согласился Федя. Та с тихой гордостью улыбалась. Ваня не удержался и растрепал пятерней ее новую, мальчишечью стрижку.

Во втором тайме каждая команда вкатила соперникам по два очка, все изрядно запыхались, и казалось, что будет результат под названием «Победила дружба». Но за минуту до свистка неудачливый игрок «Юпитера» (тот, которого обвела в прошлом тайме Лорка) вмазался в мяч рукой. Ну, и сразу у «Артемиды» разгорелась надежда. Шанс! Пенальти! Ситуация — как в каком-нибудь международном матче!

Бить надо было Никелю или Ване — оба одинаково меткие «бомбардиры». Но Никель только что «отбегал» свое, а Ваня весь был в азарте, в инерции схватки и, конечно, вдарил бы как надо... Но он посмотрел на Никеля. Тот на своей скамейке запасных сидел скромный такой, поглядывал исподлобья и колупал кроссовкой гравий.

— Ребята, я не попаду. Правда... — выговорил

Ваня. — Нога опять заболела. Это все еще от того ушиба книгой...

Все с пониманием приняли его неуклюжее вранье. Ваня старательно захромал, объявили замену, и Никель вышел на поле.

Щуплый такой, в похожем на Ванин костюмчике (впрочем, все были в похожих, только «юпитерцов «для отличия — красные повязки). Нерешительный.

— Ребята, я, наверно, промажу.

— Это будет катастрофа, — сказал Андрюшка Чикишев. — Земля сойдет с орбиты, и межпланетный кубок окажется на Венере... Бей, Ник, без оглядки.

И Ник ударил «без оглядки». И не промазал...

Неудачливый игрок «Юпитера», из-за которого назначили пенальти, всхлипывал. Его утешали. Свои и соперники. И Лорка... Потом она подбежала к Никелю, которого поздравляли друзья и оказавшийся рядом снисходительный Бруклин.

Никель тихо светился и говорил:

— Это я нечаянно... Сам не ожидал...

Лица налила для него в пластмассовый стакан минералку.

Подошел Герман Ильич.

— Что вы наделали, друзья! Теперь на меня взвалют должность организатора спортивной работы... Хорошо, что до отпуска неделя...

— Куда-нибудь поедете? — спросил Ник.

— Едва ли. Учительский оклад — не для туризма. Буду готовить холсты к осенней выставке... Кстати, любезная Анжелика, не могла бы ты заглянуть ко мне? Давно не была. Мне интересно твое

прямодушное, хотя порой излишне саркастическое мнение...

— Прямо сейчас?

— Ну... если можешь...

Тростик сразу ухватился за Ликин локоть.

— Ну, разумеется, разумеется, — сказал Герман Ильич. — Да пошли хотя бы всей компанией. У меня есть вполне съедобный клубничный джем...

Тимофей Бруклин тут же молча поклонился и отошел.

Федя сказал, что они с Андрюшкой обещали помощь Евдокии Леонидовне на грядках.

— А то она полотенцем...

— И я... — сказал Никель. — Хватит меня делать инвалидом.

Ване тоже следовало сказать «и я». Ведь его уже считали своим в этой компании. Но Лика опередила:

— Герман Ильич, пусть Ваня с нами пойдет! Он москвич. Ему здесь все интересно. И... как живут здешние художники...

Ваня решительно взял за локоть Лорку:

— Тогда и она...

— Ради бога!... Значит, москвич Ваня?.. А как зовут этого юношу? — Он перевел взгляд на Лорку.

Лика хихикнула:

— Это не совсем юноша... Она записалась, как Ларик, а на самом деле она Лорка... Лариса.

Герман Ильич пятернями взялся за щеки:

— Мамочки мои... Вы меня подведете под монастырь! Это же запрещено... Такие подставки...

— Мы будем молчать, как партизаны! — поклялся за всех Федя Трубников. Затем он, Андрюшка и Никель помахали руками и отправились «на огородную барщину». Ваня вслед им пообещал присоединиться позже. И Лорка...

Учитель и его гости тоже двинулись пешком. Пристанский район был не близко, но... и не так уж далеко. Автобусы же туда ходили «через пень-колоду». Герман Ильич на ходу все поглядывал на Лорку.

— Ты похожа на одного моего юного соседа. Правда, он уже вырос... Лет семь назад я писал его... на одном своем полотне. «Мальчик и Дон Кихот» называется...

— Я не видела такого, — вставила Лика.

— Ну, ты много еще не видела... Картина была в кладовке, я вытащил недавно... А Лорка... ну, действительно, Ларик. Носилась по полю, как истинный мальчишка. Уж не в твою ли честь команду назвали «Артемидой»? Резвая Артемида-охотница..

— Не-е... — смутилась Лорка. — Это корабль.

— Что за корабль? — спросил Герман Ильич. И будто споткнулся слегка.

Лорка испуганно глянула на Ваню: «Кажется, я выдала секрет?» И, чтобы не огорчать ее, Ваня быстро сказал:

— Тут закрутилась вокруг нас одна загадка. Столько всего в ней...

— Секретная загадка? — серьезно спросил Герман Ильич. — Мне знать не следует?

— Да не секретная! — Художник Ване нравился, чего было таиться!. — Вы случайно не слышали о речном капитане Булатове?

— М-м... подожди. Надо подумать... О речном?

— Да... Ну, может, и не только о речном. Говорят, он плавал и в океанах, но когда был не капитаном, а юнгой... Но это все так не точно. Запутанно...

— А можно подробнее?

— Можно. Только подробностей-то мало... Мне дед рассказывал...

— Ванин дед — профессор Евграфов, в университете, — вставила Лика.

— Ого! — сказал Герман Ильич. — Статья «Мальчик и бомбочка» — не его ли произведение?

— Да, его... А вы разве читали?

— Твое «разве» вполне объяснимо. Это, мол, для ученых написано, а не для всяких там художников. Но в кругах, так сказать, творческой интеллигенции данный текст тоже обсуждался. В основном сочувственно...

Ваня виновато засопел.

— Ну, а подробности-то? — напомнил художник. — Что поведал тебе Константин... Матвеевич, если не ошибаюсь?

— Матвеевич... — вздохнул Ваня. — А поведал вот что...

И стал рассказывать, что знал. Историю, где были Ремка Шадриков с картой Гваделупы и сама Гваделупа со страшным фортом Дельгре на склоне вулкана Матуба, и капитан «Охотницы», и Гриша Булатов на таинственной «Артемиде», и его маленький дружок-туземец, и...

— Все неизвестно, все непонятно, — признался Ваня. — И хочется разузнать... Хотя, может быть, ничего не было...

— Не бывает, чтобы совсем *ничего не было*, — как-то недовольно отозвался Герман Ильич. — Булатов наверняка был. Полковник Дельгре — тоже. И Гваделупа. И были мальчики Рем и Костик, тоже любившие тайны... И тайны эти, кстати, не рождаются на пустом месте... Ну вот, мы почти пришли...

Конечно, жилище художника Суконцева понравилось Ване. И картины понравились. Он же был сын своей мамы, которая имела дело с выставками

живописцев и графиков. И в искусстве кое-что (хотя бы чуть-чуть) понимал. Или, вернее, чувствовал.

Была картина с нагромождением бурых скал под кучевыми облаками, с зелеными, как стекло, волнами, которые рассыпали по всему полотну клочья прибоя. И был маяк на кромке скал, а рядом с ним — рыжая лошадь, которая оглядывалась и словно ждала кого-то. (Уж не Гваделупа ли это? Та, старая, времен Дельгре...) А рядом, на скамье, стоял холст с очень яркими плодами, отчаянно зеленой ботвой и гирляндами желтых луковиц. Из-за луковиц торчал узкогорлый белый кувшин, из которого выглядывала пластмассовая лысая кукла.

Красные плоды напомнили Ване *те самые* помидоры. Он смотрел, не зная, что сказать. А стоявшая рядом Лика сказала:

— Маяк и лошадь — это здорово. А натюрморт, извините уж, сплошной кич. Будто и не ваша работа.

— А она и не моя, — слегка злорадно отозвался Герман Ильич. — Соседа. Он принес, чтобы похвастаться... Я передам ему твое мнение. Только не советую потом с ним встречаться...

— Куклу жалко... — вполголоса произнес Тростик.

— Да? Значит, не все потеряно! Значит, какое-то эмоциональное воздействие холст оказывает! Это я тоже передам автору...

— А где мальчик и Дон Кихот? — тихо спросила Лорка.

— Сейчас... это здесь... — Герман Ильич помнил ребят и в кирпичном закутке напротив окна отдернул зеленую занавеску...

Рыцарь сидел на солнцепеке, скрестив длинные ноги в порванных чулках и стальных наколенниках. Ощущалось, что его мятый железный панцирь на-

грет солнцем. Рядом валялся такой же помятый шлем-тазик. Худое лицо было утомленным. Но... оно не было печальным. Рыцарь явно радовался отдыху. Он держал у подбородка надкусанную горбушку, а свободной рукой жестикулировал — что-то объяснял сидящему перед ним мальчику. Тонко-рукий мальчик в белой маечке и подвернутых джинсах слегка откинулся, упираясь сзади ладонями в песок. Слушал, подняв лицо. Видны были только щека и позолоченное солнцем ухо. И тем не менее Ване сразу представилось мальчишкино лицо (тот был явно похож на Лорку).

Мальчик слушал рыцаря с интересом. Даже не шевелился (это понятно было потому, что на пальце голый ступни сидела, не улетала красно-черная бабочка).

Ваня вдруг подумал, что под майкой у мальчика есть, наверно, такой же коричневый шрамик, что и у Лорки.

Был желтый песок, желтые камни, желтое от солнца небо. Неподалеку пасся худой Росинант, чуть подальше пилил по дороге бело-зеленый автобус, широко шагала к горизонту линия электропередачи. Отбрасывала разлапистую тень ветряная мельница.

Рыцарю и мальчику не было жарко на солнце. Не было страшно оттого, что перепутались эпохи. Им было хорошо друг с другом. Между ними царил *понимание*...

— Вот это да... — сказала Лика после молчаливой минуты. — А почему вы *это* прятали?

И Ваня сказал «вот это да», только молча. И, кажется, Лорка тоже. А Тростик заметил:

— Лошадь жалко. Отвели бы в тень под мельницей. — Он всегда про все судил по-своему.

— Лошадь скоро отойдет туда, — успокоил его Герман Ильич. И объяснил про картину: — Я ее...

не то чтобы прятал. Просто не выставлял, не показывал... Были причины. Возможно, даже какие-то суеверия. И сложные законы бытия... Вы, друзья мои, ведь тоже знаете, что такие законы есть. Ваня вот недавно рассказывал про закон магнитного стержня... Да?

Ваня кивнул. С тревожным непониманием...

— Пойдемте, кое-что покажу... — Герман Ильич задернул картину и поманил ребят обратно в большое помещение. Там в простенке между окон-бойниц стоял квадратный стол с перемазанными краской картонами, палитрами, листами помятого ватмана, рисунками... Художник начал перемещать эти напластования на пол, ребята кинулись помогать. Когда осталось лишь несколько картонов и листов, Герман Ильич положил на них ладонь.

— Подождите... Я купил *это* лет пятнадцать назад. В ту пору сносили немало деревянных кварталов. Хозяева, когда переезжали, понесли в антикварные магазины всякую старину. Журналы «Нива» и «Родина», фарфор с трещинами, древние фотографии, разлохмаченные атласы, гравюры... Да, «закон стержня»... Если бы не он, лежала бы эта вещь здесь еще неизвестно сколько времени. Не нужная никому...

Герман Ильич отбросил еще один лист. Под ним оказалась старая желтоватая бумага размером с газетный лист С похожей на большую бабочку гравированной фигурой. С буквами:

CARTE GENERALE
DE LA GUADELOUPE

И с бледной карандашной царапиной, перечеркнувшей перешеек. И со словом «Артемида» — полустертым, но различимым в упавших на карту лучах.

Ваня удивился тому, что почти не удивлен.

Да, что-то *такое* должно было случиться! В этом удивительном, похожем на старую крепость доме. Среди зеленых откосов и глинистых обрывов, нависших над заброшенными рельсовыми путями. В этом городе, где столько загадок и друзей (в городе, похожем на столицу острова Гваделорка)...

— А на той стороне? — шепотом спросил Ваня.

— На той — *то самое*... — Герман Ильич перевернул карту.

Витиеватое слово *Булатовъ* тоже было полустертым, но все же читалось разборчиво.

— Ладно, дома рассмотришь как следует, — сказал Герман Ильич. — С дедом рассмотрите. Передай эту вещь ему. Скажи — в подарок...

— Но... — Ваня смотрел смущенно и даже опасно. Он догадывался, каких денег стоит вот такой антиквариат...

— Ни слова более... — слегка торжественно возгласил хозяин карты. — Всякая вещь должна быть у того, кому она дорогá. Это один из законов разумного бытия...

Они шли по Капитанской улице, и Ваня прижимал карту к груди с эмблемой «Ivanhoe» (слегка поблекшей уже).

— Граф обалдеет от счастья, — говорил он. — Даже не поверит сперва. Столько про нее рассказывал...

— И пусть еще рассказывает, — велела Лика. — Может, выплывут новые подробности.

Они были счастливы — от победы в матче, от картины «Мальчик и Дон Кихот», от удивительного подарка, от густых листьев, желтых цветов и

солнца. От лета, которое еще больше, чем наполовину, впереди...

Мог ли Ваня ждать, что все это рухнет через полчаса...

Повилика

1

— Лариса Олеговна, Граф дома?

Он узнал, что, конечно же, Граф на работе (несмотря на отпуск!), у него заседание, которое неизвестно когда кончится, хотя профессор обещал прийти на обед час назад, и ей уже надоело разогревать кастрюли, и что Ваня с дедом два сапога пара — обещают появиться к половине второго и проваливаются неизвестно куда, и, если у Графа хотя бы отвечает телефон, то «у тебя он молчит, как деревяшка, и я хотела уже идти искать, потому что думала, будто случилось то же самое, что с племянником Софьи Андреевны, когда он...».

— Да просто аккумулятор сел! Я же не виноват, что его хватает на полдня! Сейчас подзаряжу... Мы выиграли у «Юпитера», Никель им такую банку вклепал — просто все вопили от восторга! Нам обещали грамоты дать, только позже, потому что сейчас нет бланков... А потом мы зашли к одному учителю, к художнику, и он...

Ваня поймал себя на том, что на радостях стал разговорчивым, как бабушка. Нет, про карту не стоит говорить, а то Лариса Олеговна выложит про нее Графу раньше срока...

Ваня пошел в свою комнату — просторную и полупустую, но с «персональным» телевизором, вытащил из-под кровати чемодан со своим имуществом, которого почти не касался уже две недели

★ (о джинсах и свитерах можно было думать лишь как об орудиях пытки). Разгладил на паркете карту, осторожно свернул ее вчетверо (складки все равно уже были) и уложил поверх одежды. Здесь же он увидел торчащую из-под вязаной безрукавки ручку ракетки для настольного тенниса. Вытащил ракетку — старенькую, с чуть отклеившейся накладкой из коричневой резины. Заодно вытащил и белый пластмассовый мячик. Ваня прихватил их из Москвы, чтобы иногда, вместо зарядки, стучать мячиком о стенку — нравилась ему такая забава. Но в Турени оказалось не до тенниса: Лариса Олеговна выгоняла внука из кровати и сразу — умываться, завтракать, пошли на рынок, поехали в магазин: «у тебя развалилась обувь, у тебя нет ни одной приличной майки...» А когда очухаешься — опять дела: или тянет бродить по улицам, или ждут друзья... А вот теперь пришла минута поразмяться.

Ваня постукал мячиком у себя в комнате, а потом подумал: Граф, наверно, захочет повесить карту у себя в кабинете. Но найдется ли там, среди книг, место? Надо посмотреть. И пошел в «логово» деда.

Логово было обширное, но место для карты — поди отыщи! Везде стеллажи. Только над электрокамином, над бронзовыми часами с крылатой девицей (кстати, вполне раздетой, поэтому Ваня не смотрел на часы при деде) найдется пространство, если чуть подвинуть настенный календарь с непонятными разноцветными схемами...

Ваня запустил несколько раз мячиком в это пространство, потом оглянулся: куда бы еще? По книгам — неинтересно, не будет отскакивать. К тому же перед книгами полки были уставлены сувенирами: пивными кружками, статуэтками, кубками, корабликами, шкатулками, фляжками, фигурками всяких заморских идолов... Все эти штучки дед при-

возил из заграничных командировок или получал в подарок от знакомых. Ну, музей, да и только! Ваня часто разглядывал диковинки, но рассмотреть и запомнить их все пока не сумел...

Стойки стеллажей были облицованы ореховыми накладками шириной в ладонь. Ваня подумал: попадет ли мячиком в такую? И два раза попал! На радостях запустил мячик выше, но тот решил, что хватит баловать мальчишку. Улетел на верхнюю полку. Ой-ей-ей! Может, не доставать? Но стало жаль мячик — такой давний, привычный. Получится, что бросил малыша.

Идти за стремянкой? Но сразу, «ах что случилось, ах, ты расшибешься», и новая история про племянника Софьи Андреевны...

Ваня подкатил к стеллажу кресло. Босыми ступнями встал на пушистое сиденье, потом на податливый широкий подлокотник. И наконец — на упругую, как диван, спинку. До верхнего ряда тяжелых книг все равно было не достать. Ваня потянулся, понимая заранее, что бесполезно, встал на цыпочки... Кресло на роликах поехало назад. Ваня правой рукой ухватился за стояк, левым локтем зацепил что-то на полке и под бряканье и звон очутился на прохладном паркете (Граф не терпел ковров). Он сел, раскинув ноги. «Цел?.. Кажется, цел... А что не цело?»

На желтых паркетинах между Ваниных ступней лежали фаянсовые осколки. То ли от какой-то вазочки, то ли от кубка. Синие с выпуклой стороны, белые — с изнанки. Крупные и мелкие...

«Ой-ей-ей... Откуда эта штука взялась? Кажется, я ее раньше не видел... Граф, наверно, расстроится... А может, не очень? У него вон сколько этого добра...»

Граф появился в кабинете, когда Ваня еще не

собрал вместе разбитые, как осколки, мысли. Граф встал над Ваней бесконечно длинный — голова под потолок, — с полуседыми волосами, встрепанными, как у Дон Кихота на картине Германа Ильича.

— Негодяй! — сказал он деревянным голосом. Стремительно согнулся, ухватил Ваню за шиворот, вздернул высоко над полом. В руках у деда оказалась ракетка. Этой ракеткой он огрел Ваню между лопатками — раз, другой, третий! Выволок его за дверь и толчком направил вдоль коридора.

Слезы были, как кипятки. Они разлетались брызгами, обжигали руки, ноги, сыпались на паркетины. Ваня снова сидел на полу, но уже в своей комнате. Ногами обнимал чемодан, прижимал к нему крышку и пытался задержать тугую молнию. Задержал! Встал! Через коридор и прихожую бросился из квартиры, к лифту. Сзади замирали крики Ларисы Олеговны. Лифт помчался вниз со скоростью падения...

Нет, Ваня не был наивным мальчиком и не собирался уйти в леса, чтобы построить там хижину и жить вдали от всех несправедливостей. И топать в Москву по шпалам тоже не собирался. И проникать зайцем на самолет или поезд не думал. Конечно же, он сделает все просто: сейчас пойдет к Трубачам и попросит у них на пять минут мобильник. (Свой-то он выложил в комнате, потому что это был не «свой», а профессора Евграфова, с которым Ваня Повилика не желал иметь никакого дела.) Ваня позвонит маме и потребует, чтобы та немедленно, сию минуту, ехала в аэропорт и садилась на первый же прямой рейс до Турени. Или послала отца. Раз они запихали сына сюда, к этому... этому

садисту... пусть и забирают немедленно! Он в проклятые профессорские хоромы не вернется, дождется мать или отца у ребят...

Да, все полетело, как от взрыва. Как в кино, когда едет по шоссе мирная машина, и вдруг — мина под колесом! И все теперь уходит, откатывается в другой мир: друзья, этот город, тайны «Артемиды». И Лорка, Лорка... Но как оставаться здесь, когда случилось *такое*! Это унижение, этот бешеный гнев старика, эти удары и хватка костлявой руки!.. Сам говорил: «Ты воистину внук профессора Евграфова», а потом вышвырнул из дома... Ну, не из дома, из кабинета, но какая разница!

Вот так, в один миг, ломается все хорошее и начинается... неизвестно что... Да, неизвестно, только понятно, что все впереди — безрадостно...

— Стоять... — услышал Ваня. Голос был не грозный, даже бархатисто-ласковый. Но безжалостный. — Руки за голову, ноги на ширину плеч. Вы имеете право не отвечать на вопросы и требовать адвоката. Но его все равно не будет. При попытке к бегству — выстрел в затылок. Гнилым помидором.

Перед Ваней стоял Квакер.

2

Квакер был не один, а с теми же двумя «ковбоями», что при первой встрече. Один — пухлощекый, другой — похожий на гусака. «Ковбои» ухмылялись, как мультяшные коты, загнавшие в угол мышонка. И Квакер улыбался, но не столь откровенно, интеллигентнее как-то.

— Сопротивление бесполезно, — сказал Квакер. Ваня и сам это понимал. Они на великах, а он пеший, не убежать. Ваня поставил к ноге свой небольшой чемодан и скрестил руки. Он ничуть не

боялся. Страшнее того, что случилось, быть уже не могло. Может быть, даже наоборот? «Чем хуже — тем лучше...»

Гусак потянулся к чемодану.

— Лапы долой, — сказал Квакер. В его «болотистых» глазах блестела азартная искорка. — Имущество осужденного неприкосновенно. Его вернут родственникам после исполнения приговора.

Ваня, как и в первый раз, подумал, что у Квакера неплохо подвешен язык. И снова ничего не сказал. Квакер глянул на него с каким-то новым интересом.

— Пойдешь сам... навстречу судьбе? Или будешь орать и сопротивляться? Но здесь все равно никого нет.

Они стояли у моста на Перекопской. По нему проскакивали машины, а прохожих не было. Видать, никому не хотелось топтать в середине дня по солнцепеку. Хоть лопни от крика. Да и зачем кричать? И стыдно...

— Ведите несчастного, — со вздохом велел Квакер. «Щекастый» и «Гусак» взяли Ваню за локти. Он слегка дернулся:

— Не хватайте, у вас лапы немытые...

— Да, я же велел: лапы долой, — подтвердил Квакер. — Московский мальчик Ваня разумен, он пойдет сам.

«Имя разведаль, скотина», — мелькнуло у Вани.

Они отцепились, Ваня взял чемодан и пошел, подчинившись кивку Квакера. Гусак и Щекастый двинулись по бокам, а Квакер чуть в сторонке и впереди. Оглядывался. Он был в чистых белых бриджах и немыслимо драной полосатой фуфайке на голое тело. Его помощники в блеклых джинсах и сизых ковбойках выглядели рядом с командиром тускло.

Через мост не пошли, а повернули вдоль лога,

мимо спортивной площадки и общежития. И вышли на улицу Герцена. Над крышами сахарно сверкала Михайло-Архангельская колокольня, привычная такая. Ваня посмотрел на нее, будто попрощался...

Сильно пахло нагретыми лопухами и досками заборов, а еще — теплой ржавчиной от ближней свалки в логу. Прошли полтора квартала, и Квакер толкнул калитку рядом с косыми воротами.

— Добро пожаловать в замок Иф, — произнес Квакер тоном светского злодея.

— Можно подумать, ты читал «Графа Монте-Кристо», — сказал Ваня.

— Конечно, нет! Толстые книжки — они для образованных мальчиков из московских колледжей. А для остальных — кино. Важнейшее искусство для тупого российского населения...

Ваню подтолкнули к длинному двухэтажному сараю в глубине двора. По сараю тянулась на уровне второго этажа галерея. Кривая, из точеных столбиков и перекладин. Под крышей кривился и обвисал полуразрушенный, но все равно красивый узорчатый карниз. Явная старина. «Кому приходило в голову так украшать конюшни и дровяники?» — мелькнуло у Вани. Мысль была секундная, равнодушная, разбавленная досадой, которую вызвало слово «Граф» при упоминании книги.

Поднялись по шатким ступеням, оказались в низком широком помещении — наверно, бывшем сеновале. По крайней мере, Ване почудился запах сенной трухи. Воздух был прорезан плоскими лучами из щелей в стенах и крыше. Светились два оконца без рам. У стены, под скосом крыши, стоял длинный верстак. Были еще несколько табуретов и среди них — как король среди бедных подданных — стул с резной спинкой и точеными ножками.

Этот стул Гусак деловито вытащил на середину. Спросил:

— Привязывать?

— Само собой, — сказал Квакер. И вдруг обратился к Ване: — Может, сводить тебя в туалет? Чтобы мальчик не описался от ужасов, которые его ждут.

— Потерплю, — буркнул Ваня. И вдруг подумал: «А чего я им подчиняюсь, как теленок?» Быстро оглянулся. У выхода на лестницу стояла облезлая метла с крепким черенком. Ваня метнулся, схватил метлу, замахнулся:

— Только подойдите! — И хотел выпрыгнуть на лестницу. Но его вмиг схватили, обезоружили, ловко усадили на стул. Толстый капроновый шнур взметнулся и обмотал пленника от плеч до лодыжек. Ваня даже не понял: почему так быстро это случилось? Видать, умелые ребята. Или он такой тюлень?.. А в общем-то, конечно, тюлень. Это другие ходят в секции карате, а он что видел? Фортепьяно и флейту да еще, в течение двух месяцев, хоккейную клюшку...

Гусак за спиной у Вани (судя по движениям) затянул узел. Щекастый потрогал шнур, врезавшийся в ногу под коленом.

— Слабовато. Развяжется, паразит...

— Да и хрен с ним, — сказал Квакер. — Все равно сейчас приведу зверя.

Он сбежал по лесенке и почти сразу вернулся с большущим серым псом. Беспородным, кудлатым и бородатым.

— Лежать!.. Видишь этого мальчика? Мы уйдем, а ты карауль. Если будет дергаться, можешь скушать его вместе с портретом Айвенго на рубашке...

«И это разглядел, гад...»

Пес послушно лег. Положил морду на лапы.

«Наверно, это Каштан, которого Квакер приютил год назад», — вспомнил Ваня рассказ Лорки.

— Вот собачка, — ласково сказал Квакер Ване. — Она любит пробовать на вкус московских мальчиков. Если будешь сидеть спокойно, она не тронет. А если... Как говорил майор Мак-Наббс, «джентльмены не должны иметь претензий, я предупреждал...».

«Кино «В поисках капитана Гранта», — вспомнил Ваня.

Квакер продолжал:

— Мы сходим на часок, попьем чайку и обсудим твою участь. Потерпи. Утешай себя, что пока тебе гораздо лучше, чем будет потом...

И они скатились по лестнице. Слышно было, как похохатывают.

Что это всё? Игра? Или сперва игра, а потом... В Интернете и по телику не раз появлялись сообщения: «Подростки замучили своего сверстника в подвале... Группа школьников забила одноклассника на пустыре за гаражами...» А зачем они так? Что за радость мучить людей? Зачем? Ваня вздрогнул. Это был вопрос его и Графа... Они тогда так хорошо говорили друг с другом. А теперь Граф... ЗАЧЕМ он так?

Из-за какой-то стекляшки... Ну пусть даже не стекляшки, а драгоценности. Ну, разбилась... А теперь всё разбилось...

Ваня всхлипнул. Неожиданно для себя. Пес поднял голову. Они встретились глазами. Глаза у пса были желтые, как янтарь.

— Каштан, — сказал Ваня.

Пес шевельнул ухом.

— Ты ведь Каштан, да? Тебя Квакер подобрал на улице... Значит, он не совсем гад? Каштан...

Тот больше не реагировал на имя. То ли позабыл его, то ли это был другой пес...

Ваня огляделся. На краю верстака была закреплена железная полоса с зубчиками. Наверно, пила, чтобы делать разметки на досках. Если подобраться, то перепилить веревку — раз плюнуть.

Ваня заерзал на стуле. Каштан (или не Каштан) чуть вздыбил затылок и приподнял губу. Клыки под ней были — ого-го...

— Дурак ты... — вздохнул Ваня. — Хотя нет, не дурак. Наоборот. Делаешь, что велит хозяин, потому что любишь его... Молодец... Вот если бы меня кто-нибудь так любил...

Пес перестал скалиться. Кажется, даже глянул сочувственно.

— Я ведь не хотел его обижать, — объяснил Ваня. — Он же сам был виноват... А тебе я вообще ничего плохого не сделал. Давай так: ты подремли, а я подвинусь.

Но пес не был на это согласен. Только Ваня двинулся со стулом, как собачья губа снова поднялась и раздался тихий рык.

— Нет, все-таки ты балда, — сказал Ваня. — Ну, подумай. Я же не вор, не бандит. Я здесь ничего не трогаю. Только хочу уйти. Меня же сюда притащили насильно...

— Хр-рл-р... — отозвался пес. Но не со злостью, а как-то вопросительно. Ваня двинулся еще. Пес рыкнул уверенней и приподнялся.

Ваня стал вспоминать, какие специальные команды применяют воспитатели собак, чтобы те слушались. Толком ничего он не знал, дома никогда не водилось даже крошечной болонки. Помнил только что-то из кино. Кажется, «пиль»? Или «фас»? Ой, нет, «фас» — это, вроде бы, «нападай!»... А еще? Шевельнулась в голове команда

«тубо!» (тоже из какого-то кино). Похоже, что означает «нельзя!».

— Тубо... — сказал Ваня. Негромко и ласково. Мы же, мол, понимаем друг друга. И клыки снова исчезли. Пес мигнул и наклонил набок голову.

— Вот видишь. Ты славный... Нам же незачем ссориться, да?.. Ту-убо... — Ваня снова двинулся со стулом к верстаку. Пес больше не рычал. Но и не садился. Глядел будто бы с интересом: что, мол, еще надумаешь?

— Ту-убо...

Пес... он вдруг шевельнул хвостом. Подошел к Ване, поднял морду. Словно спрашивал о чем-то. В янтарных глазах не было никакой сердитости.

У Вани внутри мелко дрожала боязливость, но большого страха не было.

— Умница... Ты же хорошая собака. Просто замечательная... Мы с тобой вполне могли бы подружиться... — Ваня говорил тем же тоном, что со знакомым ньюфаундлендом Плутоном. Плутон жил у Владика Савицкого, Ваниного одноклассника. Ваня иногда заходил к Владику и любил пообщаться с громадным добродушнейшим псом... — Ты ведь не злой, только притворяешься... Ту-убо...

Пес вдруг провел теплым языком по Ваниной щиколотке с засохшей ссадиной. Потом лизнул ему колено. И снова посмотрел мальчишке в лицо.

— Хороший... Тубо... — Ваня привстал со стулом и семенящими шажками подобрался к верстаку. Сел боком к полоске с зубчиками (ну, будто специально она здесь!). Завозил по зубчикам капроновым шнуром, притянувшим к стулу кисть правой руки... Шнур был прочный, но зубчики — острые. Через минуту веревка упала на пол. Пес все это время смотрел на Ванины действия с любо-

пытством и, встречаясь глазами, помахивал хвостом. Похоже, что он одобрял Ваню...

— Спасибо... Эх, если бы у меня была такая собака... — Ваня смотал шнур в аккуратное кольцо и положил на верстак. Словно сказал Квакеру: «Спасибо, попользовался...» Потом встал.

— Ну, я пойду, ладно?

Пес не возражал. Хотя в глазах появилась мысль: «Жаль, что уходишь...»

Ване и самому было как-то жаль. Тем более что впереди не светило ничего хорошего. Но не сидеть же здесь, не ждать Квакера с дружками...

Ваня осторожно погладил пса между ушами и пошел к выходу. Пес двинулся следом, стуча когтями по доскам. Потом обогнал Ваню и снова глянул ему в лицо: «Только подружились, и уже расстаемся?»

Ваня сел на оказавшийся рядом табурет.

— Иди сюда...

Пес подошел и положил морду со щетинистой бородкой Ване на колени. Тот запустил ему руку в густую шерсть загривка. Совсем как Плутону...

Быстро застонали ступени, и в дверном проеме возник слегка запыхавшийся Квакер. Пес махнул хвостом, но морду с Ваниных коленей не убрал. А Ваня вообще не двинулся. И совершенно не знал, что будет дальше.

Квакер взялся разведенными руками за косяки. Растянул улыбку.

— Ну да... Я ждал чего-то похожего... — И крикнул назад, через плечо: — Гоша, Лёничик, гуляйте!.. Ну, гуляйте я сказал, сам тут разберусь!.. Да все в порядке, не трепыхайтесь!.. Рубику скажите, что никуда не пойду сегодня!.. Вот так и не пойду, у ме-

ня переекзаменовка по нюркамату, заниматься буду... Ну, ладно, свободны, я сказал...

Он прошел мимо Вани к верстаку, сел там на «тот самый» старинный стул, глянул оттуда уже без улыбки и с любопытством. Спросил деловито:

— А чего не сбежал-то?

— Побоялся, — вздохнул Ваня.

— Правильно, — кивнул Квакер. — Все равно поймали бы...

— Я не за себя. Я за него испугался.... Думал, ты прибьешь его за то, что плохо караулил... — Ваня опять потрепал псу загривок.

— Да не-е... — дружелюбно разъяснил Квакер. — Чего это я буду обижать любимого зверя?.. Зверь, иди сюда...

Зверь оставил Ваню и пошел к хозяину. Теперь положил голову на колени ему.

— Хороший... — шепотом сказал ему Квакер. — Только слишком добрый... — Потом опять глянул на Ваню. — А как ты... это... вошел с ним в контакт?

Было уже ясно: не ожидается ни драки, ни «мучений». Видимо, правду говорила Лорка: Квакер «знал закон».

Ваня пожал плечами:

— Ну, как... стал говорить по-человечески. Он стал слушать... Он, видать, вспомнил, как его в беспризорные времена кормили разные люди. Это ведь Каштан, да?..

— Это *бывший* Каштан, — сказал Квакер назидательно и потрепал пса по ушам. — Теперь он забыл свое старое имя. И теперь кормлю его только я...

— Понятно... — кивнул Ваня.

Квакер вдруг спросил:

— А что, в Москве, наверно, нет таких собак? Небось, только всякие породы с дипломами?

— Есть и такие. Только все больше бродячие.

В парках и на пустырях. Их стараются ловить, да всех не переловишь...

— Бродячие тоже хотят жить. Имеют право.

— Да... Старушки их жалеют, подкармливают... — И вырвалось: — Не помидорами, конечно...

Квакер хмыкнул и потер шею:

— Помидор был скользкий и холодный. Где ты взял такой?

Ваня тоже хмыкнул:

— Я не выбирал. Какой попал под руку...

— Метко бросаешь...

— Это не всегда, — признался Ваня. — В редкие моменты. Бывает, что накатит такое...

— А с чего накатило? За Лорку решил отплатить?

— Я тогда еще не знал Лорку, — сипловато объяснил Ваня (как вспомнил ее, зацарапало в горле).

— Лорку тут все знают... — задумчиво проговорил Квакер. — Это человек... Я не думал, что та тетка — ее бабушка...

— А если бы не ее? Можно пиратничать?

— Я нарочно, что ли? Так вышло... А извиняться не обучен, не столичное воспитание...

— В столице тоже не все обучены, — утешил Квакера Ваня.

— А я думал, там все такие тимуровцы... — ехидно заметил Квакер.

— Нет, что ты! — тем же тоном отозвался Ваня. — Квакиных тоже полно... — И охнул про себя: переключка имен получилась не нарочно.

Квакер будто не заметил. Поднялся, зевнул:

— Ладно, гуляй, Ваня. Больше никто не тронет, пока ты тут... Долго еще будешь гостить в наших краях?

И сразу все, что случилось, опять навалилось на Ваню.

— Недолго, — переглотнув, проговорил Ваня. — До завтра или послезавтра...

— Что? Не понравилось в нашей деревне?

— Наоборот... — честно сказал Ваня. — Еще как понравилось... Только... так получилось...

— Понятно. Столица зовет... А я вот ни разу не был в Москве... Вообще не был нигде на западе дальше Екатеринбурга...

— Успеешь еще, — утешил Ваня.

— А что, интересно жить в Москве?

Ване не хотелось уходить. Потому что ничего хорошего впереди его не ждало. И он не стал обрывать разговор.

— В Москве-то? Я не знаю...

Квакер возвел брови: этакая смесь насмешки и любопытства.

— Как это не знаешь? Там живешь и...

— Но Москва же не город!.. Что такое *город*, я только здесь и понял впервые. Когда чувствуешь границы. Когда... все одно к одному... А там... ну, это как страна или материк. Неизвестно, где край, где какие районы, никогда там не бывал... будто в Питере или Одессе... А живешь на своей улице, знаешь только школу да ближний магазин...

— А ты где там живешь?

— В Воронцове, на улице Пилюгина... Рядом парк есть, можно покататься на лыжах, на самокате. Ну и все... До ближнего метро надо на автобусе. А оттуда, если в центр, еще целый час... Да одного и не пустят. «Ах, в метро люди на рельсы падают... Ах, опять были сообщения о маньяках, они крадут детей...» Будто под каждым деревом сидят по два маньяка, только и ждут...

— Здесь про них тоже были слухи, — хмыкнул Квакер. — Одного поймали даже. Но оказалось, что просто пьяница...

— Даже когда в школе, и то звонки: «Ванечка, не ходи домой пешком, папа или я заедем...» А идти-то четыре квартала...

Ваня говорил, и пространство словно заполнялось беспросветным серым веществом, которое должно было возникнуть из-за опытов на Большом адронном коллайдере... «Ну и пусть возникает, черт с ним!»

— А в Лужниках был? — спросил Квакер.

— Ни разу. Там все равно сплошная ярмарка. А если матч какой-нибудь, то не попадешь... Некоторые думают, что москвичи только и делают, будто каждый день ходят то в Третьяковку, то в Большой театр. Или гуляют по Красной площади. А я в Третьяковке был все два раза. Один раз с экскурсией, а другой — на выставке, которую мать там устраивала... А в Большом театре — один раз. Отец провел. Просто так туда тоже билет не купишь, не кино... Да и когда? Большинство людей только и знает: работа да дорога туда и обратно...

Квакер молчал (с сочувствием, кажется). И Ваня замолчал наконец. Поднял чемодан.

— Ладно, пошел я... — И посмотрел на оглянувшегося пса. Сказал неожиданно для себя: — Пока, «бывший» Каштан... Ту-убо...

Пес толчком встал. Махнул хвостом. А Квакер изрядно удивился:

— Ты... это что за слово?

— Команда такая. Вроде как «нельзя». Я вспомнил, сказал ему, он и не стал рычать. А потом совсем... как свой...

— Тогда понятно...

— Что понятно? — Ваня опять поставил чемодан.

— У него имя похожее... Матуба...

Бывший Каштан снова махнул хвостом. Раз,

другой. Посмотрел на Ваню так, словно хотел сказать: «Понял теперь, в чем дело?» А Ваня... он ничего не понял, но ощутил, будто рядом опять шевельнулся «магнитный стерженек». Тот самый...

— Почему... Матуба?

— Семейный обычай, — охотно объяснил Кваркер. — Был в роду у нас, у Григорьевых, давний предок. Сразу и не подсчитаешь какой. Вроде как прадед моего деда. С причудами мужик. Было у него любимое ругательство: «У, Матуба чертова!» В старости нашел он на улице черного бродячего кота, вредного, кусачего, и приручил. И назвал Матубой... Говорят, померли в один день... А потом в родне повелось называть Матубой то кошек, то собак...

Динькнула в душе у Вани мелодия...

Два дня назад бродили с Лоркой по Центральному бульвару, лизали мороженки, говорили про детей капитана Гранта. Ваня, когда узнал, что она не читала эту книжку, почти обиделся: «Столько всего читала, а эту... Она у Жюль Верна самая знаменитая!» — «Я кино смотрела, много серий...» — «Сравнила! Кино и книга!» — «Вань... ну, я не успела. Мне же всего десять с половиной лет...» Его щипнула совесть. «Лорка, да ты не горюй. Кино тоже интересное. Там начало, как в книге. Тоже про бутылку с письмом...» А она вдруг тихонько засмеялась. «Ты чего?» — сказал Ваня. «Песенка снова придумалась...» — «Небось, про волосок?» — понял он. «Да... вот...» — И пропела тихонько:

Тронет пружинку стальной волосок,
Бросит бутылку волна на песок.
Чей там листок?
Сколько там строк?

Ваня...

«Чё?» — сказал он не по-московски, а по-здешнему. От неожиданной неловкости.

«Ты, когда приедешь в Москву, напиши письмо сразу...»

«Я ведь уже обещал...»

«Ты не по электронке, а рукой. Своим почерком...»

«Ладно...» — И сразу защемило от того, что «ведь когда-то и правда я уеду». Но сразу утешил себя: «Еще не скоро...»

А вот теперь оказалось, что скоро. Почти сейчас... Конечно, он успеет попрощаться. А дальше что?

Серое вещество...

Но в мелодии, которая вспомнилась, была не только тоска. Было напоминание. Про бриг «Артемиду».

— На острове Гваделупа есть вулкан Матуба, — сказал Ваня, переглотнув соленый комок. Он готов был объяснить, что это за остров и какая ниточка связала Гваделупу с Туренью. Пусть только Квакер спросит...

Но Квакер сказал без удивленья:

— Вот оно что. Может, и правда...

— Что правда?

— Пра-пра-прадед этот... Павел Кондратьевич Григорьев... вроде бы любил рассказывать, что родом он из каких-то южных краев. Чуть ли не с экватора. Вроде бы его совсем маленьким привезли в Россию какие-то моряки. Ну, никто не верил, конечно. Мол, с фантазиями мастер...

«Неужели...» — словно сказал кто-то рядом с Ваней. И застучало сердце.

— А... по чему он мастер?

— Был он резчик по дереву, дома украшал. Он и этот сарай строил, его узоры на нем. Видел, небось, сколько тут всякой резьбы на старых домах? Но это уже остатки. Почти все рассыпалось, или строители поносили под новые дома... Музейные работнички подбирают обломки, где сумеют... Мы с моим дедом тоже, пока жив был... Вот, погляди, если охота... — Квакер пошел в дальний полутемный угол. Ваня подумал — и за ним... Квакер отодвинул лист фанеры. За этой загородкой оказались прислоненные к стене доски и просто куски дерева. Черные от старости. Все — покрытые глубокой резьбой. Сплетение цветов, солнечных дисков, кистей винограда, листьев и птичьих голов с гребешками...

— Но это все уже не его, — насупленно сказал Квакер. — Это его учеников или... так, других мастеров. А от Павла Кондратьича остался только этот сарай, да еще вот... — Квакер с натугой раздвинул два узорчатых карниза и вытащил на свет столб. Ростом с себя, диаметром с трубу для чертежей. Тоже черный, щелястый. Вокруг столба вьюнком обвивался вырезанный из того же дерева стебель с цветами-колокольчиками. Снизу доверху. Лишь кое-где колокольчики оказались обломаны.

Была в этом стебле, в этих цветках удивительная живость, словно мастер не вырезал их, а вырастил в саду и оплел древесный ствол...

— Еле спасли с дедом, — хмуро сказал Квакер. — Отобрали у тех, кто ломал неподалеку дом купцов Максаровых. Даже не дом, а беседку в саду... Такая резьба сохранилась только в одном-еще месте, на музее городского быта, два столбика у крыльца. Но там тоже не Павла Кондратьича, а тех, кто повторял его работы... А это его собственная. Сперва это была здесь у меня подпорка для

крыши, а потом я убрал, чтобы не намокала от дождя, потому что щели вверху...

— Это, наверно, в музей надо... — осторожно сказал Ваня.

— А вот фиг им! У них там места нет. Засунут куда-нибудь в подвал... А этот рисунок резьбы у мастера был самый любимый. Называется «Повилика»...

— Как?! — тонко спросил Ваня.

— Повилика... Цветок такой. Не слышал?

Ваня ладонью осторожненько провел по деревянным колокольчикам. Потом тронул колючий лепесток щекой. Пуганица мыслей, загадок и догадок снова смешалась с мотивом «Стальной волосок». «И надо уезжать, да?..» Он глянул на удивленного Квакера, сказал виновато:

— Будто родственника встретил... У меня фамилия такая: Повилика...

Он не успел больше ничего сказать. А Квакер, видимо, не успел удивиться. Матуба прыгнул к верстаку и поставил на него передние лапы. Над ним, в крыше, разошлись доски. В широкую щель увесисто упал на верстак Тростик.

Снова Повилика

1

Он упал и, не вставая, обнял пса за шею.

— Матубушка, не рычи! Они все — свои!..

«Свои» падали через щель следом за Тростиком. Первой — Лорка во вздувшемся, как пестрый парашют, сарафанчике. Затем — с деловитостью бывалых десантников — Федя, Андрюшка и Никель. Потом, изящно свесив ноги в дырявых кроссовках, — Лика. И... наконец — Тимофей Бруклин

в камуфляжных штанах до колен и белой рубашечке концертного фасона. Прыгая с верстака на пол, он светски подал руку Анжелике (та хлопнула его по пальцам).

Остальные тоже прыгали на пол. И вставали по сторонам от Вани. Только Тростик продолжал сидеть и обнимать Матубу. Матуба не пытался освободиться, махал хвостом. Он не удивлялся вторжению. Видимо, потому, что не удивлялся Квакер. Стоял, скрестив руки, и наблюдал за налетчиками со своей лягушачьей улыбкой. Потом сказал:

— Но комбатант...

— Чего? — удивился Федя.

— Говорит, что он — невоюющая личность, — разъяснил Тимофей Бруклин.

— Да, мы помирились, — сказал Ваня.

— Как «после пушки»? — понятиливо спросил Тростик и наконец отпустил Матубу.

— Нет, насовсем, — сказал Ваня с горькой ноткой. Потому что сколько этого «насовсем» еще оставалось у него?

Лорка оказалась с ним рядом. Взяла за рукав, встала на цыпочки, щекочуще шепнула в щеку:

— Вань, ты, что ли, правда решил уехать?

«Господи, а что делать-то?»

— А что делать-то? — сказал он, кашляя, чтобы не разреветься.

Что делать — лучше всех знала Лика. Протянула Ване свой мобильник и велела вполголоса:

— Позвони Ларисе Олеговне... балда.

— Зачем?

— Еще раз балда. Если ты поругался с неродным дедом, зачем доводить до инфаркта родную бабушку? Она обзванивает всех мальчишек и девчонок: куда сбежал любимый внук? Ты знаешь, что у нее повышенное давление?

Ваня про это знал, но не помнил. Зато сразу вспомнил: у Ларисы Олеговны, конечно же, есть номера всех его знакомых ребят. И понятно, какой она подняла тарарам. И понятно, как поднялись друзья по тревоге!

— А как вы узнали, что я здесь...

— Это нетрудно, — разъяснил Никель. — Малыши на Герцена видели, куда тебя... куда ты пошел...

— Звони немедленно, — повторила Лика. — Она ждет...

Голос Ларисы Олеговны был необычайно сух. А речь — на удивление лаконична.

— Иван! Если ты решил покинуть наш дом, надо вести себя разумно. Дождаться кого-то из Москвы, никуда не убегая и не устраивая драм, как в киносериале...

— Я не устраивал... — буркнул Ваня. — Я поживу у ребят, пока не приедет мама... Не хочу я с ним...

— Дело твое... А может быть, вы все-таки попробуете объясниться?

— Как? Опять с помощью ракетки?.. Меня сроду никто пальцем не трогал! А он... размахался... из-за какой-то паршивой стекляшки...

— Не из-за какой-то... Впрочем, не в этом дело. Граф старый человек, и можно было бы пощадить его нервы...

— Вот я и решил пощадить. Не буду больше мозолить глаза...

— Ты безжалостное существо, — твердым голосом известила внука Лариса Олеговна.

— Да? А он «жалостное»?.. А руку подымать на того, кто слабее, это «жалостно»? А унижать человеческую личность?..

Ваня вдруг ощутил, что говорит не то. Вернее — не так. Без настоящей убедительности. Буд-

то на переменке в перепалке с одноклассниками. А Лариса Олеговна сообщила:

— Вы с дедом — два сапога пара. Он куда-то ушел, а перед уходом сказал... знаешь что?

— Что? — вырвалось у Вани, хотя следовало ответить: «Мне это неинтересно».

— Он сказал, что идет на помойку, к мусорным контейнерам. Туда выбрасывают золу из каминов. А зола — это пепел. И он сказал, что будет пеплом посыпать себе голову...

— Еще и издевается!

— Ничуть не издевается. Иногда под горькой шуткой прячется печаль и виноватость... Как, например, у моего знакомого, это дядя Софьи Андреевны, у которой племянник недавно поехал в Сочи и...

— О-о-о... я приду! — сказал Ваня.

Разговор слышали все — Ликин мобильник был известен своей горластостью. Лорка все держала Ваню за рукав. И теперь улыбнулась:

— Не уедешь, да?

— Не знаю... Раз уж пепел... — И повернулся к вежливо молчащему Квакеру: — Можно, я еще к тебе приду? Надо кое-что спросить...

— Сэр, — отозвался Квакер. — Мой замок всегда готов принять вас... — Он обвел глазами остальных. — Как и вас, господа. Только... лучше через дверь, а не там... — Он поднял глаза к раздвинутым доскам. — Хотя, если нравится, можно и там... пока не починил крышу.

Все, кроме Квакера и Матубы, проводили Ваню к дому. Лорка так и держала его за коротенький рукав у плеча.

— Я не понял, — сказал прямолинейный Федя Трубников. — Дед тебя отлупил, что ли?

— Ну... — буркнул Ваня. — Распустил руки...

— Подумаешь, — утешил его Андрюшка. — Дело семейное. Нас бабушка то и дело мешком охаживает...

— Дрюша, это не то, — мягко возразил Никель. — Это же не обидно. Как игра...

— Когда игра, а когда как вмажет по затылку...

— Все равно... — усмехнулся Никель.

— А почему вы через крышу прорвались, а не в дверь? — спросил сразу у всех Ваня.

— Это Тростик... — объяснила Лорка. — Мы забрались, чтобы посмотреть в щель, что с тобой. На разведку. А он вдруг говорит: «Доски еле держатся». Двинул одну, вторую — и вниз. Нам куда деваться-то?..

— Герой, — сказал Тимка Бруклин.

— Вот когда надо было взгреть, — вмешалась Лика. — За лишнее геройство. Только и показывает, что ничего не боится...

— Кроме гусей, — сказал Андрюшка.

— Зато все окрестные собаки у него в друзьях, — заметил Федя. — Не только Матуба...

Остановились у шлагбаума, который загораживал въезд в «профессорский» двор. Никто не давал Ване советов. Считали, видимо, что все у него утряслось. «А на самом деле?..»

— Я тебе позвоню, — шепотом сказал он Лорке. А остальным просто помахал рукой. И пошел к подъезду. И поднялся на лифте на пятый этаж. И позвонил. Потому что свои ключи оставил в этой квартире вместе с мобильником.

Лариса Олеговна — прямая и с припухшими глазами — растворила дверь.

— Входи...

Он вошел. Встал посреди коридора.

И что теперь?

И правда — что теперь?

Помолчали.

— Ты нас чуть не свел с ума, — сообщила наконец Лариса Олеговна. И стало легче.

— А где... Константин Матвеевич?

— Если бы я знала, где...

«Может, правда на помойке?» — мелькнула дурацкая мысль. В это время в коридоре опять зашумел лифт: кабина уехала вниз, лязгнула там дверью и полезла обратно. Ваня быстро прошел в свою комнату, сел на кровать (купленную специально для него, широкую, в стиле «ретро»). Уперся локтями в колени. Стал смотреть перед собой.

Дед бесшумно появился на пороге. Взялся за косяки (как недавно Квакер). Ваня на него не смотрел.

— Ну?.. — сказал профессор Евграфов.

— Чего «ну»? — сказал Ваня, глядя на широченный календарь с видом города Праги.

— Значит, решил уезжать? — спросил профессор.

— А что еще делать? — спросил Ваня.

— Ну... есть другой вариант...

— Какой? — глядя на башни города Праги, сказал Ваня.

— Простой. Не уезжать...

— Ага! Чтобы ты воспитывал меня ракеткой? — Ваня наконец искоса глянул на Графа.

Профессор взял себя за плечи. Покачался.

— Однако, друг мой, ты проявляешь изрядное недомыслие. Разве это был воспитательный момент? Считай, что мы просто подрались. Ну... или почти подрались. Я сгоряча стукнул тебя тем, что попало под руку. А ты по благородству характера

не стал отвечать старому больному человеку и гордо хлопнул дверью... оставив меня и родную бабушку в горестной неизвестности...

— Ага, в горестной... — Ваня глянул повнимательней, и тут его дернул за язык насмешливый бес: — А где пепел?

Граф не стал притворяться, будто не понял. Ответил сразу:

— Посыпать голову можно и на помойке. Зачем таскать мусор в дом?

Бес опять насмешливо дернулся, но Ваня успел ухватить его за хвост. Прогнал пинком. И не спросил: «А там ты ее посыпал, голову-то?» Вместо этого сказал:

— Никакой ты не старый и не больной. Вон как вздернул за шиворот!.. Думаешь, не обидно?

— А мне, думаешь, не обидно?! — взвинтился дед. Шумно, почти обрадованно. — Ты хоть понял, что ты разбил? Пойдем, пойдем!..

Ване что делать-то? Пошел за дедом в кабинет.

Осколки разбитой вещицы лежали на широком столе, рядом с монитором. Словно куски расколотого кокоса, только блестяще-синие снаружи и матово-белые внутри. А еще какая-то медная палочка с кружком на конце. Граф оглянулся на хмурого Ваню.

— Это голландский глобус восемнадцатого века... был... Да фиг с ним, что голландский и что восемнадцатый век. Но это память о Реме Шадрикове! Вчера его жена... вдова то есть... Валентина позвонила и сказала: «Приходи, хочу тебе кое-что передать, пока не померла». И отдала вот это. Говорит, что глобус Рем раздобыл где-то года три назад. Будто обещал: «Вот приедет Граф, буду хвастаться перед ним...» Мол, эта штука имеет отношение к капитану Булатову... Вот и отдала... А ты...

— А что я?! — старательно вознегодовал Ваня (Господи, хорошо-то как! Не надо уезжать!). — Что я?! Разве я нарочно?! Я его даже и не заметил! Зацепил нечаянно, когда полетел с кресла... А ты ворвался сразу...

— И не так уж сразу! — возразил Граф тем же тоном. — У тебя хватило времени поразмышлять и поразглядывать осколки. Хладнокровно и даже с некоторым цинизмом.

— С чем?! С чем я их разглядывал?..

— С цинизмом. Ибо как иначе назвать мироощущение, с которым человек берет разбитую ценную вещь и оставляет на ней свой автограф?.. Тоже мне Герострат...

— Кто?! Что оставляет?! — завопил Ваня с новой обидой.

— А это что? Не твоя роспись? — дед взял крупный осколок. На белой изнанке виднелся бледный, но различимый след грифеля:

Повилика

Ваня с полминуты смотрел на витиеватую надпись. Потом взглянул на деда. Снова на карандашный след. Снова на деда.

— Граф, — с чувством сказал Ваня. — Вот провалиться мне... в черную дыру Коллайдера. Не писал я этого. И даже не видел... И где бы я взял в ту минуту карандаш? Да и ЗАЧЕМ?

Граф узловатыми пальцами вцепился в подбородок.

— Но в таком случае... откуда?

— Ты взгляни! Это и почерк не мой! С завитушками! Сейчас так даже и не пишут!.. — И тут же вспомнилось карандашное слово «Булатовъ» на обороте карты!.. Он же совсем забыл про нее в нынешней круговерти!

— Граф! Я сейчас! Тебе... Ты завоешь от радости! — Ваня метнулся в коридор, дернул крышку чемодана, выхватил карту. Двумя скачками вернулся в кабинет. — Вот! Смотри! — И развернул перед дедом.

Тот не сразу взял карту. Сначала просто нагнулся и смотрел. И, кажется, не дышал. Потом ухватил обтрепанный край бумаги кончиками пальцев, повернул карту к свету, к окну...

— Глазам не верю... то есть верю, но... столько всего сразу. Это провидение...

— Или магнитный стержень...

— Не все ли равно... — Дед покачал карту перед собой, посмотрел на обратную сторону, опять перевернул. И спросил наконец: — Где взял-то?

И Ваня стал рассказывать.

После всех переживаний слова рвались из Вани потоком. Как из Ларисы Олеговны. Чтобы все было понятно, он рассказал и про купанье у баржи (где Никель вспоминал Гваделупу), и про звонок Германа Ильича, и про футбольный матч, и про таинственное жилище художника. И только после этого — про карту. Дед понимающе кивал, не перебивал. И лишь когда Ваня выдохся, дед спросил:

— У тебя есть номер Германа Ильича?

— Что?.. Ой, нету. У Лики есть! Сейчас спрошу. Дай твой телефон, мой не заряжен... Ага... Лика! Это я... Да все в порядке!.. Да мы и не ссорились, а просто подрались чуть-чуть... — Хихикнув, он мельком глянул на Графа. — Лика, дай номер Германа Ильича, дед хочет позвонить!.. — Ваня пощелкал пальцами, Граф подsunул ему ручку и лист из принтера. — Да пишу... Спасибо... Что? У тебя? Позови, я как раз хотел ей звонить! — Это Ваня

соврал с уколом совести, потому что про Лорку в тот момент не помнил. — Лор, давай завтра утром! Да, приеду!.. Я тебе столько всего расскажу!.. Да нет, не секрет, потом расскажу всем. А тебе — первой... Да!..

Потом звонил Граф:

— Добрый день. Могу я поговорить с Германом Ильичом?.. Добрый день еще раз... хотя скорее уже вечер... Это профессор Евграфов... Герман Ильич, ну что я могу сказать? Слов нет... Это не просто «спасибо», это... всем сердцем... Вернулся в сказку детства. Я вообще-то несентиментален, однако сейчас... Хотелось бы увидеться. Можно?.. Я найду... Господи, не надо мне объяснять, кто такой художник Суконцев! Ваше полотно «Город на острове» висит в университетском холле рядом с моим кабинетом... Спасибо еще раз, до встречи...

Дед сидел у стола, подперев кулаком острый подбородок. На щеках — длинные вертикальные морщины. Он казался печальным. Снова вспомнил, наверно, разбитый глобус. Карта картой, а как взглянешь на осколки...

— Граф, — мягко сказал Ваня. — Ну, чего такого-то? Осколки никуда не девались, можно склеить. Клей «Момент» схватывает намертво и быстро... Ну, может, останутся щелочки, но чуть заметные. Все равно глобус опять будет целый... Только ты купи клей сам, а то ребятам не продают. У нас в классе есть два изобретателя, они однажды пошли за клеем, чтобы собрать корпус робота, а их в магазине продавщицы ухватили за шиворот: «Токсикоманы!.. Милиция!»

— Дитя мое, — вздохнул дед. — Ты стал разговорчив, как твоя бабушка...

— Я не всегда разговорчива, — откликнулась Лариса Олеговна. Она, оказывается, стояла в две-

рях. — Я бываю, когда нужно, деловита и молчалива. И докажу это, когда склею ваш глобус. У меня есть «Момент», и мне не привыкать. Я склеила как-то вазочку и две розетки от нашего сервиза, а когда у Софьи Андреевны... Тьфу! Глупый смех... Давайте ваши осколки...

3

Они провели над картой несколько часов.

— Станный остров, — говорил профессор, словно слегка обижаясь на Гваделупу. — Все задом наперед... Мы с Ремкой еще в школьные годы специально купили французский словарь (в классе-то учили английский) и кое-как разбирали надписи. Удивлялись. Правая часть острова называется Гранд-Тер, то есть «высокая земля», хотя там низины. А горная часть с вершинами и хребтами именуется Бас-Тер, то есть «Низменная земля»...

— Граф, а почему так?

— Кто их знает, островитян... Может, чтобы сбить с толку злых духов?.. Сперва-то остров назывался Карукера. То есть Остров прекрасных вод. Это его столь поэтически наименовали индейцы-караибы, когда выгнали оттуда коренных жителей, тоже индейцев, не помню как их звали... Воды там, говорят, и в самом деле прекрасные, только крови было гораздо больше, чем воды. Я на работе недавно полистал Википедию...

Ване говорить о крови не хотелось. Он спросил:

— А почему — «Гваделупа»?

— Колумб открыл ее в конце пятнадцатого века. И назвал Санта-Мария Гваделупская Эстремадурская. В честь испанского монастыря. А потом название укоротили...

— Ну а что такое именно «Гваделупа»?

— Я не знаю. В романских языках весьма слаб... Постараюсь выяснить...

— А почему посреди Бас-Тера такое белое пятно? Будто лагуна... И надпись длинная...

— Не лагуна это, о пыливый отрок, — возвестил профессор Евграфов голосом старика Хоттабыча, — а покрытая непроходимыми лесами горная область. В ту пору совершенно неисследованная. Да и сейчас не очень... Вроде как «Затерянный мир» Конан Дойла...

— Почему Конан Дойла? Жюль Верна!

— О, дремучесть нынешнего юношества! Стыдись!.. Смешать двух таких писателей!

— Ой, да! Я перепутал... Но у Жюль Верна тоже есть про такое, похожее...

— А надпись... Мы с Ремкой пытались перевести когда-то, и получилось примерно такое: «Ядро острова, или Недоступные горы, покрытые деревом»...

— Туда уходили повстанцы, которые воевали с французами, Никель рассказывал... А почему нет форта Дельгре? И вулкана Матубы? Это ведь рядом с городом Бас-Тер!

— Ну, мало ли чего здесь нет. Это же генеральная карта, то есть общая. Она не морская, а из какого-то исторического атласа. Наверняка там были и более подробные карты, отдельных мест...

— А если не морская, как оказалась на бриге «Артемида»?

— Н-ну... а что мы знаем об этом бриге? Был ли он? И тем более — что знаем о людях и событиях? Вы с друзьями начали сочинять историю в духе Жюль Верна, только ведь фактов-то кот наплакал...

— Граф! Вы с Ремкой... с Ремом... тоже сочиняли историю!

— Ну да, я не спорю... Фантазировать не греш-

но. Мы уже тогда понимали — карта не морская, и решили, что она попала в плавание с каким-нибудь ученым...

— С каким? — напряженно сказал Ваня.

— Ну... ты не хуже меня знаешь из Жюль Верна, что на парусниках часто оказывались всякие ученые чудаки. Паганель, кузен Бенедикт, доктор Клоубонни... Вот Ремке и пришло в голову, что на «Артемиде» мог отправиться в экспедицию такой доктор. Может, думал побывать на Гваделупе и прихватил карту. На всякий случай...

— Доктор Повилика... — вполголоса сказал Ваня.

— Что?.. Кто?

— Доктор Повилика... Такой вот ученый... Если придумывать, то почему бы и не так? — Ваня смотрел с вызовом. Он готов был отстаивать идею, которая вырастала стройно и убедительно.

— Да, но почему Повилика?

— А кто, по-твоему, написал в глобусе эту фамилию?

— Но как? Засунул карандаш в дырку у подставки?!

— Загнал в глобус нанороботов, — улыбнулся Ваня. — Да нет же, конечно! Наверно, глобус раскрывался на две половинки, ты просто этого не разглядел. Надо спросить у Ларисы Олеговны...

— Лариса-а! — заголосил Константин Матвеевич. Но профессорский зов угас в недрах необъятной квартиры: кухня была в дальнем конце изогнутого коридора. Пришлось идти туда самим.

Лариса Олеговна колдовала над осколками, включив настольную лампу, хотя за окнами не гасло солнце. Она сказала, что да, глобус, безусловно, раскладывался на два полушария. Отвинчивалась головка на макушке, вынимался стержень с подставкой, и...

— Но похоже, что его не раскрывали очень дол-

го. Вот, кусочек одной половинки присох к выступу другой, я еле его отсоединила... Это как фаянсовый абажур у нас в конторе, он однажды грохнулся на пол, и наш заведующий начал подбирать кусочки, а Софья Андреевна...

— Ларочка, мы тебе очень благодарны, — зашепшил Граф. — Не будем мешать, у тебя еще много работы. А мы пойдем дальше копать в карте...

И они продолжили «копанье».

Дед вытащил через «Гугл» на монитор современные карты острова, где были и форт, и Матуба, а над ними — высочайший вулкан Гваделупы — Суффриер. На снимках было видно, что он дымит и в наши дни. Стали сравнивать старину с нынешними днями... Сейчас Гваделупа представлял собой не очень знаменитый, но благоустроенный курорт — с пляжами, яхтами, прогулками к вершине вулкана и в лесные джунгли, с посещением разрушенного форта и музеев... Понятно, что нигде в музеях не найдется упоминания, как однажды смелый русский бриг прошел по проливу Ривьер-Сале перешеек между Бас-Тером и Гранд-Тером... Но Ваня твердо верил, что это было. И Граф, видимо, верил тоже.

Граф сомневался в другом:

— Но с чего ты взял, что глобус, как и карта, был на судне? У этого... твоего предка?

— Я не говорю, что он предок! Может, однофамилец! Но глобус там точно был!

— Докажи! — профессор Евграфов, кажется, впал в полемический азарт, как в споре с коллегами об искусственном интеллекте.

— А вот смотри! Был на бриге Гриша Булатов. Потом появился у него друг, с Гваделупы. Везти на

паруснике двух мальчишек в какие-то дальние края капитан не решился. Одного еще туда-сюда, потому что родственник, а тут целый детский сад... Да и война не стихала. Вот капитан и решил отправить их в Россию. А в спутники дал доктора Повилику...

— Гм...

— Ну и что же, что «гм»?! А разве так не могло быть?.. И когда расставались, уже в России, Грише доктор подарил карту, а второму мальчику, который с острова, тоже надо было что-то подарить, верно ведь? Вот он и отдал глобус...

— Непонятно, однако, — сказал дед, — с чего вдруг таинственный доктор Повилика решил оставить свою подпись внутри глобуса...

— Может, на память тому мальчику. Когда вздумал сделать подарок...

— Но тогда логично было бы ожидать, что он распишется и на карте. На память Грише Булатову... А расписался на ней сам Гриша...

— Ну, Граф... — умудренно вздохнул Ваня. — Что мы можем знать, как они рассуждали тогда? Доктор и те ребята... Вдруг доктор подумал: на бумаге буквы сотрутся, а внутри шарика останутся на много лет... Может быть, он и не для того мальчика писал...

— А для кого?

— Ну, вообще. Может быть, для нас... — И прошел по Ване этаким холодок. Будто морской ветерок из девятнадцатого века...

Профессор Евграфов кивнул:

— Ну да... Чтобы мы сейчас ломали головы... Ну а что, по-твоему, дальше случилось с глобусом? Почему он сразу не оказался у Гриши? Ведь малыш-то... его очень рано не стало в живых...

— А может, «стало», — сказал Ваня.

— То есть?..

— Ремкина тетушка могла и ошибиться! С чего она взяла, что Гришин друг умер? Это же были просто слухи!

— Но, кроме слухов, у нас ничего и нет. Никаких фактов.

— А вот и есть, — с пружинистым торжеством заявил Ваня. — Слушай...

4

Он помнил о сегодняшнем главном открытии все время, но ждал самой подходящей минуты, чтобы выложить его. И эта минута пришла.

— Граф, представь себе! Вот есть туренское семейство, в котором помнят одного пра-пра-пра... какого-то пра-деда. Странного такого. Он рассказывал внукам, будто родом не отсюда, а с дальнего острова. Привезли его совсем маленьким. И он любил ругаться непонятным словом «Матуба»... Подожди... И он был резчиком по дереву, украшал дома. Один кусок такого украшения даже сохранился, и узор на нем называется «повилика». Это был любимый узор того мастера... Граф, почему? Просто по имени цветка? Или еще в память о ком-то? Может, о докторе, с которым они дружили?.. А?..

Дед потискал подбородок и потребовал:

— Излагай подробно.

И Ваня стал излагать: как повстречался с Квакером и что увидел и узнал у него...

Дед слушал, не перебивал. Кивал только (и кивала его тень на оранжевой от закатного солнца стене). Наконец он сказал:

— Тебе могут сказать, что ты — несовременный ребенок. И вся ваша братия — такая же...

— Почему это мы несовременные?! — слегка

обиделся Ваня. — Мы что, информатику не изучаем? Или... — (он хихикнул), — не знаем про коллайдер?

— Нет, вы, конечно, дети нынешних дней, — усмехнулся Граф, — кто спорит... Но в то же время вы будто городищенские пацаны из середины прошлого века. Из времени, когда мы гоняли латаные мячи, махали сосновыми шпагами, запускали с крыш газетных змеев и откапывали на речных обрывах старинные монеты и наконечники стрел... Мы были счастливы, потому что все делали своими руками. И думали, что открываем белый свет... Может, это и есть связь поколений?.. Жаль, что староват, а то записался бы в вашу компанию. Но поздно уже. А Ремке — тем более...

«Граф, ты и так в нашей компании. И Ремка...» — подумал Ваня. И чуть не сказал это, но постеснялся. А когда почти решился, появилась Лариса Олеговна. Она несла на ладонях, как две маленькие чаши, склеенные половинки глобуса.

— Ура... — выдохнул Ваня. — Все готово? — И взял со стола подставку. Медный стерженек на круглом диске, украшенном по краям орнаментом из листьев.

— Подождите, еще не все, — остановила его Лариса Олеговна. — Не хватает кусочка. Надо поискать...

В самом деле, у края одной «чаши» темнела треугольная пробоина. Ваня из кресла бухнулся на паркет, деревянно стукнув коленками. По-пластунски скользнул к стеллажу, зашарил под нижней полкой. Она была низко от пола, но все же руки доставали до плинтуса. Ваня ошупал метр, второй, третий... Наконец под пальцы попал острый кусочек...

Ваня «кормой вперед» выбрался на свет.

— Вот... Кажется, этот...

— Изумительно! — восхитился дед. — Ларочка, клей, будь умницей...

А Ваня снова плюхнулся на живот.

— Подождите, там еще что-то есть!. Мягкое, шерстяное...

— Скорей всего, зимний носок Графа. У него привычка раскидывать рваные носки по всему дому...

— Нет... Это вот... — И Ваня вытащил сплетенную из веревочек фигурку.

Круглая головка размером с грецкий орех, глаза-бусинки, мягкое туловище размером с Ванин мизинец, крученые ручки-ножки, ступни и ладошки то ли из дерева, то ли из твердой смолы. Улыбчивый рот из красных шерстяных ниток...

— Дед, это что? — Ваня думал, что нашел один из сувениров, которых великое множество на стеллажах.

— М-м... понятия не имею...

— Да ладно тебе, — усмехнулась Лариса Олеговна. — Небось, подарок от какой-нибудь преданной студентки. Ты ее засунул в дальний угол, а потом уронил и не заметил...

— Студентку? — простодушно спросил Граф.

— Эту куклу, Константин-н Матвеевич-ч!

— *Этой куклы* у меня никогда не было, — размеренно сообщил профессор. — Все свои вещи на полках я знаю наперечет. Помню — какая откуда. *Эта игрушка* — не моя... Ваня, может быть, ты ее притащил?

— Ага! И ломаю комедию, — слегка обиделся Ваня.

— Ну, я так... теоретически... Остается предположить: мой старый носок трансформировался в это существо...

Лариса Олеговна спросила с легким стоном:

— Костя, когда ты перестанешь быть мальчишкой?

— Этот день совпадет с датой моей кончины.

— Не надо, — суеверно сказал Ваня. И, чтобы уйти от вопроса о кончине, дурашливо спросил: — А вдруг это пришелец?.. Правда! Прилетел с альфы Центавра, заблудился, спрятался и притворился игрушкой... Смотрите, какие у него глаза! Умные...

— Давайте так и окрестим его: Пришелец, — усмехнулся Граф.

— Да! Давайте! — обрадовался Ваня.

Граф пригляделся к найденышу в руках у Вани.

— А глаза... во-первых, и правда осмысленные. А во-вторых... странные бусинки. Похоже, что искусственный жемчуг ручной выделки. Не нынешняя работа. И...

— Что? — часто задышал Ваня.

— Вижу, ты уже догадался. Малыш сидел внутри глобуса. И вылетел, когда ты... когда шар нечаянно раскололся...

— Значит, он... *оттуда*? С «Артемиды»?

— Почему бы и нет? Я читал то ли у Конрада, то ли у Мелвилла, что матросы на парусниках плели такие сувениры из пеньковых шнурков. А здесь явная пенька... Друг мой Иван!

— Что? — вздрогнул Ваня.

— Я должен был бы подарить глобус тебе. Поскольку там автограф твоего предка... ну, ладно, пусть однофамильца. Но это выше моих сил: глобус-то от Рема... Ты получишь его потом, в наследство...

— Опять ты об этом! — вознегодовал Ваня.

— Ты получишь его в наследство... через семьдесят лет. А Пришельца забирай сразу. Это твой законный трофей...

Ваня счастливо выдохнул «спасибо» и погладил Пришельца по плетеной макушке. «И никакой ты не трофей. Живых трофеев не бывает, а ты — живой... И ты даже не мой. То есть мой только сегодня. А завтра...»

Ваня знал, кому подарит Пришельца завтра...

Лариса Олеговна ушла заделывать «пробоину», Ваня посадил Пришельца на колено и взял со стола подставку глобуса.

— Граф, а на это ты обратил внимание?

— Ну... обрывок проволоочки. Наверно, раньше она вся обвивала подставку. Не сохранилась...

— А на проволочке...

— Похоже, что колючки...

— Колючая проволока на старинной вещи? Скажешь тоже! Ты приглядишься...

Граф ухватил со стола очки...

— Ух ты... А я раньше и не заметил...

— Дед, это не просто цветы. Это *повилика*...

— Открытие за открытием... Теперь ваша братия получит пищу для новых фантазий. В то время, как нормальные дети киснут над компьютерными играми или греют животы на пляжах, вы будете сочинять истории в духе твоего любимого писателя из Нанта...

— Да! Только нам нужны копии карты! Граф, ты можешь напечатать для каждого?

— На мой сканер не влезет...

— А на работе?

— Но это только завтра.

— До завтра можно потерпеть, — великодушно согласился Ваня. — Кажется, сейчас я уже сплю... — И калачиком свернулся в обширном кресле.

Константин Матвеевич хмыкнул, ухватил Ваню на руки и коридорами понес к постели.

Золотистый брод

1

Кондиционеров ни в одной комнате не было. Дед оправдывался, что некогда возиться с установкой. Днем стояла жара. К ночи становилось прохладнее (Ване казалось, что прохладу наколдovывает узенький месяц, который проклевывается в лучах заката). Чтобы прохлады стало побольше, во всей квартире открывали окна. И в Ваниной комнате.

— Ванечка, ты не боишься сквозняков? — в сотый раз спрашивала Лариса Олеговна.

Ванечка не боялся сквозняков. Он в одних трусиках дрыхнул поверх одеяла и простыней на своей старомодной кровати. В окно врвался треск сумасшедших ночных автомобилистов — они гоняли по улице Ленина, где мостовая после полуночи делалась почти свободной от машин, однако Ваня спал как убитый. И утром не хотел просыпаться.

У Ларисы Олеговны был увлажнитель воздуха — такая пластмассовая колба с рычажком. Нажмешь — и бьет наружу струя густых брызг.

— Ты собираешься встать?

— М-м...

— Ты обещал сходить со мной на рынок...

— Какой рынок... весь город еще спит...

— Уже восемь часов. Надо спешить, пока не жарко...

— М... не надо...

— Я считаю до трех... Раз... Два... Три!

— А-а-а!!

Но в этом «а-а-а» было больше удовольствия, чем досады. Ваня кубарем летел с кровати и бежал в ванную, чтобы сунуть голову и плечи под струи — более мощные, чем бабушкина брызгалка.

Так было и в этот раз. Только нынче Ваня сказал, что на рынок идти не может: он с Графом собрался с утра в университет — делать ксерокопии с «карты женераль де ля Гваделупа».

Лариса Олеговна возразила, что «карта женераль» никуда не денется, а Граф будет спать до полудня, потому что всю ночь сидел за компьютером.

— Одевайся, лентяй...

Потом она медленно, как-то по-новому, оглядела внука. От макушки до пяток.

— Весь костюм уже истрепал и сжег на солнце...

— Ну, не весь еще. До сентября дотянет...

— И тощий до чего...

— Ага... — с удовольствием сказал Ваня. Он всю жизнь боялся потолстеть.

— Елена решит, что я тебя совсем не кормила...

Елена была Ванина мама.

— Ничего она не решит. Она сама бережет свою талию... — Ваня слегка поскущел. Весь этот разговор напомнил ему, что когда-нибудь придет осень.

Ну да еще не скоро придет! Пока что стояла первая декада июля...

Лариса Олеговна снова медленно посмотрела на внука. И вдруг спросила:

— А чего ты меня по имени-отчеству величаешь?

— Но вы же сами сказали, что «бабушка» не надо!

— Можно «тетя Лара». Деликатно и по-семейному...

— Ладно! — обрадовался Ваня. — Где телега для картошки?

Марго не раз говорила, что могла бы привезти на машине целый мешок картофеля. Или два. Из магазина или с овощного склада. Но Лариса Оле-

говна сухо отклоняла эти предложения. Она считала заботу о продуктах своим личным делом.

Рынок был в четырех автобусных остановках. Туда — доехали, обратно двинулись пешком, чтобы не толкаться в автобусе с тележкой. Ваня мужественно загрузил в нее два ведра свежих розовых клубней. Лариса Олеговна (то есть тетя Лара) жаловалась, что цена совершенно непомерная, но не кормить же внука и профессора прошлогодним гнильем...

Полпути шагали бульваром, который тянулся от рынка до цирка. Ваня бодро толкал тележку, слушал вполуха рассказ тети Лары о какой-то Алине Гавриловне (которая работает в магазине «Белый свет») и мурлыкал мелодию. Это была песенка про «стальной волосок». Только не в медленной вальсовой тональности, а в ритме марша:

Страус уткнулся башкою в песок,
Выставил кверху он зада кусок:
«Весь я в норе —
В черной дыре...

Слова эти придумал недавно Андрюшка Чикишев — после очередного разговора о коллаидере. Правда, там не было слово «зада», а имелся более точный термин, за который Андрюшка был слегка побит Лоркой и Ликой. Но Ваня сейчас напевал «цензурный» вариант: у тети Лары был тонкий слух...

На бульваре добросовестно мотались разноцветные качели, вертелись карусели. Правда, почти пустые — «нормальные дети» отдыхали за городом. Только отдельные неприкаянные малыши с бабушками сидели на размалеванных лошадках. Лишь один аттракцион осаждала публика — в основном «тинейджеры» и взрослые. Это была решетчатая

мачта немалой высоты. К верхушке подтягивали капсулу с пассажирами и отпускали. Кабина две трети пути летела в свободном падении и лишь потом включала тормоза. Пассажиры вопили...

— Хочешь прокатиться? — спросила тетя Лара, думая, что Ваня загляделся на это дело с удовольствием.

Ваня ответил, что «хочу, конечно, только надо спешить». А на самом деле он как-то попробовал разок (Трубачи уговорили) и больше не стремился. Жуть такая. Мальчишки деликатно не настаивали.

А вот кто совсем не боялся жути, так это Тростик. Бывало, что ему специально наскребали на билет, и он с восторгом мчался «испытывать невесомость».

А Лорка — та и думать боялась о «невесомости». Говорила: «Я иногда во сне падаю, и это такой страх...»

И все равно она была бесстрашная! Вон как вовалась в сарай Квакера! Почти самая первая!..

Дома Ваня сказал:

— Граф, давай возьмем с собой Лорку.

— Куда? — было заметно, что профессор не выпался.

— Как куда? Делать копии карты! Ну, ты же обещал!...

Дед поморгал и проворчал что-то вроде «назвался груздем...».

— А Лорка...

— Да хоть десять Лорок... Надеюсь, она не такая зануда, как ее бабушка...

Дело в том, что Граф недавно все же побывал в Клубе школьных ветеранов и вернулся недовольным. Люди там оказались не очень знакомые («не из нашего класса»), а разговоры велись скучные... Но это их проблемы, «ветеранские»!

Ваня позвонил Лорке. Та примчалась через десять минут. Легонькая такая, будто сорванная с газона ромашка. В белой юбочке и желтом топике. Ваня украдкой залюбовался. Тетя Лара сказала:

— Посмотри на Лорочку... А ты? Переоделся бы...

— Нет! — Ваня суеверно боялся, что, если расстанется с нынешней невесомой одежкой, лето побежит быстрее.

2

Главный корпус университета стоял неподалеку, на тенистой улице Володарского — в квартале от речных обрывов, из которых торчали остатки срубов деревянной крепости. И в самом, пахнувшем тополями воздухе витала старина. Рядом возвышался Знаменский собор с острыми бело-васильковыми башнями. Он казался Ване семейством великанских рождественских елок, украшенных золотыми шарами. А кирпичное здание университета высотой в два с половиной этажа вполне могло бы называться академией.

До революции здесь была женская гимназия («Жаль, что не мужская», — иногда думалось Ване). На чугунных лестницах и в сводчатых коридорах висела постоянная музейная прохлада — пушистыми крыльями обмахивала голые руки и ноги. Таинственно светились высоченные цветные витражи...

Поднялись на второй этаж, здесь был кабинет профессора Евграфова.

— Посидите у меня, я пойду в копицентр...

— Мы лучше погуляем. Я покажу Лорке картины...

И они пошли по коридорам. Почти пустым, потому что сессия уже кончилась.

Картин было множество. Прежде всего — про Пушкина. «Пушкин и Наталья Гончарова», «Пушкин и няня», «Пушкин и царь»... Ване картины нравились. Местный знаменитый живописец постарался для родного университета.

Лишь картина «Пушкин и царь» Ване была не по душе. Николай Первый в тугом мундире нависал над поэтом, как глыба, и гневно тискал за спиной снятые перчатки. А Пушкин — маленький, верткий какой-то — небрежно привалился к столу и, вскинув лицо, насмешливо смотрел на самодержца. Здесь ощущалась неправда. Пушкин был, конечно, ироничен и смел, но едва ли он позволил бы себе так стоять перед императором. Это была уже не смелость, а... «полная невоспитанность», как выражалась иногда мама (правда, не о Пушкине).

И Лорка понятно сказала:

— Какой-то он тут... не такой... А здесь — хороший! Только жаль его... — Это она про другое полотно, «Перед Черной речкой». Пушкин в своей комнате на Мойке, одетый уже в шубу, с цилиндром в руке, стоял у окна и смотрел в синее утро. Голова его виделась силуэтом, но все равно было понятно, как поэту тоскливо. Будто все уже знал наперед...

Ване думать о печальном не хотелось, и он потянул Лорку дальше.

Были в освещенном коридоре картины и других мастеров. «Тобольский кремль», «Свято-Троицкий монастырь в Турени» (тоже как кремль), «Яблоневый сад весной», «Первые пароходы у Туренской пристани»... А еще — неожиданный сюжет: «Царевич Алексей и Федор Шаляпин». Артист в оперном костюме Бориса Годунова осторожно принимал рукопожатие десятилетнего наследника... Шаляпин был хорош, а царевич — какой-то кукольный, с фарфоровой улыбкой. Ненастоящий.

Царевич был разве такой? Он был настоящий мальчишка, с веселым характером, храбрый, даже ездил с отцом на фронт, на передовую линию...

А на картину не хотелось смотреть еще и потому, что Ваня помнил о судьбе наследника. «За что они его, сволочи? Ведь уж он-то совсем ни в чем не был виноват...»

Лорка рядом понятиливо молчала.

Они пошли обратно, к двери с табличкой «Руководитель научной группы НКТ-101 профессор К.М. Евграфов».

— А теперь смотри... — Ваня мягко взял Лорку за птичьи плечики и повернул к картине, висевшей наискосок от двери. — Я, когда прихожу к деду, обязательно стою перед ней. Только раньше я не знал, что это работа Германа Ильича...

Утреннее солнце врывалось в торцовое окно коридора и косо высвечивало большой горизонтальный холст. На холсте был остров... Нет, не Гваделупа! Совсем другой! Скорее уж он походил на кита и из «Конька-Горбунка». Этакая длинная вспученность коричневых скал с проплешинами зелени, которая кусками спускалась к бирюзовому, с кудрявым прибоем, морю. С обрывов летели в прибой водопады. А выше — среди холмов и деревьев — взлетал башнями к небу невесомый город. Город... ни на что не похожий и похожий на все чудесные города. На город, где жили сказки Андерсена, на Прагу, на Лисс Александра Грина, на Севастополь (где Ваня побывал однажды) и... да, на Турень. Ваня уже не раз думал об этом. Потому что по некоторым склонам разбегались деревянные улочки, а над ними белели знакомые колокольни. И розовая пена «марсианских» зарослей местами укрывала откосы оврагов...

Каменный кит лежал не прямо, а свернулся поч-

ти в кольцо. Между «головой» и вздыбленными скалами «хвоста» виднелся пролив — он вел во внутреннюю бухту. Что в этой бухте — ~~там~~ угадай! Может, приткнулись к причалам всякие корабли. Может, с этих же причалов удят рыбу местные загорелые мальчишки и девчонки в белых широченных шляпах. Может, они ныряют с каменных выступов и бултыхаются в бирюзовой воде, вздымая радужные всплески... И, наверно, есть в бухте мелкие островки, на которых полно развалившихся замков с дурашливыми привидениями и лабиринтами... и укрытых зарослями скамеек, на которых можно сидеть с кем-нибудь вдвоем и рассказывать друг дружке истории про загадки нездешних пространств...

— Нравится? — шепнул Ваня.

— Еще бы... — выдохнула Лорка.

«Я могу подарить этот город тебе, — хотелось сказать Ване. — Пусть он будет твой навсегда. И мой... Наш... Где бы мы ни оказались, все равно мы будем в нем...»

И конечно, Лорка шепнет «да»... Но потом она спросит:

«А как называется этот город?»

«Гваделорка»...

«А что это значит?»

Ваня не знал. То есть знал, что «Лорка» — это от «лоро». «Золотистый колосок». А «гваде»? Все не было времени выяснить...

Подошел Константин Матвеевич. Насупленный.

— Летом всегда полный кавардак. Заведующая копицентром укатила в отпуск, а заместительница неизвестно где. Сказал бы где, но не при детях... Ну, ладно. Я позвонил Марго, она знает на краю города какую-то фирму, где можно делать оттиски размером со стадион...

— Ура! Прокатимся!

— Кому катанье, а у меня летят тезисы доклада...

— Дед, но они у тебя который день «летят»!

— В том-то и дело... Ладно, идем.

— Дед, я вспомнил! Ты обещал узнать перевод. Что такое «Гваделупа»?

— Я помню, что обещал. Вчера смотрел в онлайн-словарях. И — ничего. Что такое «гуа́дэ» и что такое «лоу́пэ»? Ни в испанском, ни во французском, ни в латинском. Интернет забит мусором, а нужную вещь не сыщешь.

— А может, есть в университетской библиотеке? Какой-нибудь самый полный словарь?

— Тебе, пытливое дитя, нужны карты или это бестолковое название?

— И то, и другое...

— Ты много требуешь от жизни... Подожди!.. Коллега Васютин! Не откажите в любезности, подойдите ко мне!

Это профессор окликнул тощего лохматого парня в растерзанных джинсах и оранжевой футболке. Коллега Васютин, который явно хотел перед этим улизнуть на лестницу, понуро подошел.

— Здравствуйте, Константин Матвеевич.

— И вам того же... Вы, надеюсь, помните, Васютин, что у вас передо мной должок?

— Я сдам, профессор! На днях, честное слово! Просто у меня еще задолженность по английскому, а Зинаида Борисовна вот-вот уйдет в отпуск...

— А я, сударь, по-вашему, буду сидеть и терпеливо ждать вашего визита?

— Но я...

— Васютин, хотите «автомат»? — в упор глядя на беднягу, спросил Граф.

— Что? — заморгал тот.

— Вы не знаете, что такое «автомат»?

— Автомат Калашникова, который мне вручат в казарме, когда я вылеку из университета? Но, Константин Матвеич, я же...

— Васютин, я не столь коварен, как вы полагаете. Я предлагаю вам автоматический зачет.

— А... да? Но... — студент изумленно мигал.

— Но — услуга за услугу, — сказал профессор. — Вы сейчас пойдете в библиотеку, перетряхнете книжные и электронные словари романских языков и узнаете, что в точном переводе означает название острова «Гваделупа». Это нужно мне для работы. Причем что означает это слово в целом, а также, что значат обе половинки слова в отдельности. Особенно «гваде». Столько имен с этим «гваде»: «Гвадалахара», «Гвадерама» и так далее, а перевода нет. И времени у меня нет... Я понимаю, сколь далек этот вопрос от тематики вашего зачета, но...

Васютин помигал еще и встрепенулся:

— Профессор, я... Я сейчас! Я узнаю и позвоню!

— Запишите мой номер...

— Он у меня есть! Я сейчас... — И получивший надежду Васютин умчался в конец коридора.

Ваня с сомнением глянул на деда: мол, хорошо ли это — зачет в обмен на личные услуги?

— Он все равно сдал бы, только позже, — усмехнулся дед. — А тут еще какая-то польза... — И вынул из футляра мобильник. — Марго! Радость моя, поедem в ту фирму, которую ты расхваливала недавно. С крупноформатной печатью...

И они поехали. На пыльно-табачной «Волге», которая подкатила к университетскому крыльцу. Граф устроился впереди, рядом с величественной Марго, а Ваня и Лорка на заднем пружинистом си-

денье (от рывка машины оба завалились назад и задрали колени).

Многие улицы все еще были для Вани в новинку.

— Это новый театр, — говорила Лорка. — Самый большой в России... Это Нефтяной институт... Это фонтан «Вокруг света...».

Фонтан был с большущим каменным глобусом, и Ваня сразу вспомнил вчерашнее. И начал торопливо рассказывать о разбитом фаянсовом глобусе, о надписи на осколке и о своих догадках про доктора Повилику. И про резчика Павла Кондратьича, который был предком Квакера и ругался словом «Матуба». Ведь вчера-то он рассказать это ни Лорке, ни другим ребятам не успел!

Лорка хлопала белесыми ресницами, и на лице ее читалось: «Вот это да!» Ваня был счастлив, потому что этого и хотел — радостного Лоркиного удивления. Но про Пришельца Ваня рассказывать не стал. Решил, что еще не время.

У деда заверещал телефон.

— Да... — сказал Граф. — А! Ну и что?.. С вероятностью девять и девять десятых? Достаточная вероятность... Так... Хорошо, коллега. Можете считать, автомат у вас... Да нет, не «АКМ», а зачет. Однако все же пройдитесь еще по этой теме, в будущем пригодится...

Он, расшатывая спинку сиденья, извернулся к ребятам.

— В словарях Васютин преуспел больше, чем в общей теории полей. «Гваде» означает «брод на реке». А «лупе» — это, скорее всего, старое романское название волка. Выходит, «Гваделупа» — это «Волчий брод». Видимо, старый испанский монастырь стоял у реки, где имелся брод с таким названием. А потом уж имя перешло к острову...

— Граф, спасибо! — возликовал Ваня.

— Васютину спасибо, — восстановил справедливость профессор Евграфов. — Хотя он и лодырь...

— И ему!

Подкатили к старинному деревянному зданию с чешуйчатым куполом и башенками. И с желто-красной вывеской «Полиграф-плюс».

— Раньше здесь была контора Туренского пароходства, — шепнула Лорка.

Выбрались наружу. Слева, за бывшей конторой, подымался новый квартал (тоже с башенками), справа, за чугунной решеткой, темнел густой сад. Впереди был обрыв, а дальше — заречные дали.

— Погуляйте пока, — посоветовала Марго. — Чего вам торчать в душной конторе.

— Да, мы погуляем! — Ваня этого и хотел.

— Только недалеко, — сказал дед тоном Ларисы Олеговны.

В решетке был пролом, Лорка сразу потянула Ваню в сад. От пролома вела через цветущий иванчай тропинка. К самому берегу. Под берегом была болотистая низина с мостками и какими-то будками, и лишь дальше блестела речная гладь. Широкая, с катерами, с белым прогулочным теплоходом. За рекой сверкали стеклами белые многоэтажные кварталы, а за ними курчавились рощи. А в одном месте раскинулась посреди садов нетронутая временем деревенька — с избами, огородами и белой колокольной... И над всем этим висела безоблачная синева — она обещала долгое жаркое лето.

Но Лорка не дала Ване любоваться просторами. Потянула за руку опять.

— Пойдем, что-то покажу...

За кустами цветущего шиповника оказалась травянистая площадка с двумя каменными скамейками. Одна скамейка — пустая, а на другой сидели девочка и мальчик.

Почти как живые!

«Почти» — потому что на самом деле они были из темной бронзы.

Мальчик — босой, в подвернутых до колен штанах, просторной майке и мятой кепке с надломанным козырьком. Такие носили, если верить фотографиям, не очень аккуратные пацаны в середине прошлого века. Костик Евграфов и Ремка Шадриков, наверно, бегали в таких... А девочка была в куце платице, венке из одуванчиков и тоже босиком. Но рядом стояли на скамейке сандалетки.

Мальчик и девочка сидели, сдвинувшись плечами, и смотрели на заречный горизонт. И слегка улыбались.

Ваня обрадованно засмеялся. Тихонько так и с каким-то «пушистым» чувством: словно его щекотнули по лицу одуванчиками. «Как ты и я», — чуть не выскочили из него слова. Но он промолчал. Только взял притихшую Лорку за плечо и... дунул ей в редкие белобрысые завитки на шее. Лорка тоже засмеялась. Так же тихо. Потом шагнула к девочке и мальчику поближе, оглянулась:

— Ваня, знаешь, их в прошлом году украли. Чтобы переплавить на металл. Но не успели, милиция нашла... Усадили на старое место... Давай тоже сядем...

И они сели на соседнюю скамейку. С реки тянул влажный ветерок, пахло травой и песком.

Ваня наконец сказал:

— Лорка, я тебе хочу подарить...

— Ой... что?

— То, что придумал... Помнишь, картину Германа Ильича, ту в университете?

— Конечно!

— Остров и город... и кругом нас тоже город. И за рекой, и там, где мы живем. И в разных мес-

тах на Земле. И... вообще... Такой Город, в котором должны случаться чудеса... Лорка, пусть он будет твой...

Лорка не стала удивляться и переспрашивать. Сказала шепотом:

— И твой...

— Да... хорошо... Но прежде всего он твой. Знаешь, почему?

Она смотрела вниз и царапала ноготком скамейку. Шепнула:

— Почему?

— Потому что называется *Гваделорка*...

— Ой...

— Да. Это означает «Золотистый брод»... Ты идешь к острову с этим городом по мелкой воде, а кругом солнечные зайчики. Рябь такая. Будто золотистые колоски под солнцем. Ты их раздвигаешь ногами, а они щекочут... А впереди, у входа в бухту, высоченные стеклянные ворота. Как прозрачный узор. Его почти не видеть, но ворота никого не пропустят без нас, потому что надо знать пароль...

— Какой?

— Да все тот же! Гваде-лорка...

— Ой, да!.. А еще можно придумать ключ. Ключи... для тебя и для меня. Чтобы отпирать эти ворота. И они будут звенеть, — сказала понятливая Лорка.

— Мы придумаем, — пообещал Ваня.

Рассказав эту сказку и увидев, что Лорке нравится подарок, Ваня вздохнул с облегчением. Теперь остров Гваделорка и город Гваделорка стали *существующими*, и Ваня ощутил себя строителем, завершившим работу. Ему захотелось откинуться на спинку скамьи. Но спинки не было, и он просто пошевелил лопатками.

★ Лорка была, конечно, рада подарку. Но она не забывала и о реальности. И в этой реальности была у Лорки спрятанная, но всегдашняя тревога за Ваню: не случилась бы с ним чего-нибудь плохого. И сейчас Лорка забеспокоилась:

— Ты чего вертишь спиной? Что-то болит?

— Да ничего не болит!

— Я еще в машине заметила: ты все время шевелил лопатками...

Ваня прислушался к себе. И наконец понял:

— Под левой лопаткой что-то чешется...

— Ой! А вдруг клещ?

— От клещей не чешется...

— Это когда как...

На острове Гваделорка, конечно, нет никаких опасных насекомых, а в обычной жизни все же следовало проявлять осторожность.

— Дай я посмотрю.

Ваня послушно сел боком, нагнулся. Лорка подняла у него на спине рубашку.

— Ой... У тебя тут кровинка запеклась. Будто зацепился за острое... Ваня, неужели это дед тебя так огрел вчера?

— Да ты что! Плоской ракеткой... Да и не было ничего еще утром. Тетя Лара сразу увидела бы, когда сгоняла с кровати...

— Тогда где?

— Не знаю... Не в машине же, там мягко... Может, о шиповник?

— На рубашке нет ни дырки, ни следа...

— А сильно расцарапано?

— Посмотри сам...

Из кармашка на юбочке Лорка вынула круглое зеркальце. Поднесла к Ване сзади. Он изо всех сил вывернул шею. И увидел в зеркальце на загорелой

коже запекшийся, похожий на крохотную подковку шрамик.

— Ерунда какая! Не о чем говорить! — Но тут же понял, что говорить *есть* о чем! — Ой, Лорка, подожди! Это же... как у тебя! Тоже под лопаткой...

— Но я-то знаю, откуда у меня, — смущенно выговорила она. — От гвоздика...

— А я про себя тоже знаю, — обрадованно сказал Ваня. — Это... от тебя.

Она виновато засопела:

— Почему... от меня? — И быстро спрятала зеркальце.

— Потому что есть такая теория. Про Всеобщее информационное поле... Дед рассказывал... Ну, во вселенной много всяких полей — электрических, магнитных, и... этих, гра-ви-та-ци-онных. И еще разных. И некоторые ученые считают, что есть всеобщее информационное поле. ВИП... И бывает, что если где-нибудь в Австралии мальчишка занозит пятку, то у другого мальчишки, в Гренландии или в Монголии, тоже начинает болеть пятка. Такой пример... Или в одной галактике шестипалый динозавр обрадуется неизвестному цветку, а в другой какая-нибудь земноводная горилла улыбается неизвестно почему... Это когда между разными существами или даже предметами находится что-то общее. Возникает резонанс...

— Значит, у нас тоже... резонанс?

— А разве нет?

— Есть, наверно... — Лорка придвинулась ближе. — Только... почему это именно сегодня... ну, твой шрамик?

— Потому что появился остров Гваделорка. Разве непонятно?

— Ой, да... понятно...

— Вот видишь... А у меня есть для тебя еще по-

дарок, — сказал наконец Ваня. — Из давних времен. Вот... — Он задрал на животе рубашку и выдернул из-под резинчатого пояса на шортах крошку Пришельца.

— Какой хорошенький! — умилилась Лорка (в точности как все девчонки на свете).

— Да... Но он не просто хорошенький. Он... с брига «Артемиды»... Ну, честное слово!

И Ваня торопливо изложил историю Пришельца.

— И это... мне?

— Конечно!

Лорка шепнула «спасибо», взяла веревочного малыша, посадила на коленку. Покачала.

— Бедненький... Как он там жил, в этом глобусе, столько лет. В темноте, в глухоте...

— Ну... наверно, он ничего и не чувствовал. Это называется анабиоз. Существо засыпает и не знает даже, сколько времени прошло... Вот старик Хоттабыч, например. Думаешь, он три тыщи лет сидел в кувшине и все время стонал от тоски? Спал, как под наркозом, пока Волька не содрал печать...

— Все равно жалко его... Пришельца.

— Зато теперь ему хорошо.

— Да. Только... Ваня, знаешь что...

— Что? — сразу встревожился он.

Лорка опять покачала, погладила Пришельца. Сбоку быстро глянула на Ваню:

— Ты ведь мне уже подарил столько... Целый остров... — она чуть улыбнулась. — А этого малыша... давай отдадим Квакеру... Ты только не обижайся...

У Вани брови полезли на лоб.

— Почему... Квакеру?

— Помнишь, Герман Ильич сказал про карту? Что всякая вещь должна быть у того, кому она дорога... А ведь Пришелец жил в глобусе, а глобус

был у пра-пра-прадеда Квакера. Значит, и Пришелец жил у него... у того мальчика с острова. А потом мальчик спрятал Пришельца в глобус. Наверно, когда вырос и состарился... И никто про это не знал. А мы-то знаем... И... Квакер обрадуется... Ты только не обижайся, — опять сказала она.

Ваня не обижался. Лорка в свои десять с половиной лет была мудрее многих. В ее словах ощущалась крепкая спокойная правота. А еще Лорка сказала:

— У Квакера знаешь какая жизнь... без радостей. Он будто один на свете. Думаешь, эти мальчишки, с которыми он... думаешь, друзья? Да ну...

— А родители? — бормотнул Ваня.

— Родители... Отец, он дальнобойшик, целыми неделями в рейсах. А мать... то на работе, она в швейном ателье работает, то дома по уши в хозяйстве да на грядках. Игорь иногда помогает ей, но все равно он... как бы сам по себе. И ничего не просит от родителей, и ничего ему ни от кого не надо...

— Лорка, ты все про всех знаешь...

— Я не нарочно. Просто вижу, что вокруг... Ваня, понимаешь, ведь Пришелец, если честно рассуждать, не наш, а Квакера. И мы, если не отдадим, получится, что присвоили. А... на острове Гваделорка ведь не должно быть обмана...

— Да... А Квакер... значит, он Игорь?

— Игорь. Но на Квакера он не обижается...

— Игорь все же лучше... Ладно, Лорка, ты умница. Подарим Пришельца...

И, подводя итог беседе, задержался в кармане Ванин телефон. Дед желал знать, в какую черную дыру провалились беспутный Иван Повилика и его хотя и симпатичная, но, видимо, тоже лишенная понятия о дисциплине спутница...

— Граф сказал, что ты симпатичная...

— Ой...

— И что он оторвет нам головы...

— Ай...

— Бежим!

И они бежали из сада, прощально глянув на бронзовых девочку и мальчика. У тех, наверно, был свой Город и свой резонанс...

Раковина

1

Граф сделал с карты десять ксерокопий. Они выглядели даже лучше оригинала. Бумага — белая, гладкая. Все линии и буквы — более четкие и яркие, чем на старой гравюре. И надписи «Артемида» и «Булатовъ» казались будто сделанными вчера...

Ваня решительно отобрал у деда девять листов: себе, Лорке, Феде, Андрюшке, Никелю, Лике, Тростику и Квакеру (Игорю то есть). И еще — Тимке Бруклину — если не будет возражать Лика (неизвестно, какие у нее с Тимкой нынче отношения). Граф не спорил. Про оставшийся лист он сказал, что спрячет его в сейф, на всякий случай. А оригинал вставит в раму под стекло и повесит над камином — как Ваня и ожидал.

После обеда все сбежались на дворе у Чикишевых (и Бруклин пришел). Ваня раздал карты с ощущением, будто вручает олимпийские дипломы (и Бруклину дал — Лика смотрела на это снисходительно).

Расселись в тени сарая на чурбаках и козлах для пилки дров. И Ваня начал излагать по порядку: что случилось накануне, что обсуждали с дедом,

какие сделали открытия и какие появились новые догадки... Но на половине рассказа спохватился: надо бы позвать Квакера.

— Тут же многое касается его... И он... вроде бы уже не противник.

Все согласились, что да, не противник. Только Федя добавил:

— Если больше не будет тянуть на Ивана.

— Да не будет он, — сказал Ваня. — Мы же решили подарить ему Пришельца...

Против подарка никто не спорил. В самом деле, по логике вещей Пришелец был «квакерский». Только Тростик чуть заметно вздохнул. Наверно, он считал, что плетеный человечек с брига был бы не лишним в его морской коллекции. Но этого вздоха, кажется, не заметили (или сделали вид)...

Квакеру позвонила Лика. Они были знакомы давно, учились в соседних классах.

— Можешь появиться на дворе у Чикишевых?.. Ну да, у Трубачей. Дело есть, касается тебя. Интересное, не пожалеешь...

Квакер сказал, что может прийти, но лучше, если вся «бригада» появится у него на сеновале. Так же дружно, как вчера.

— У меня есть арбуз офигенного диаметра. С нитратами, конечно, да авось не помрем. Я его только что стырил на рынке... Ну, шутка, шутка это, не стырил, а купил по дешевке у одной бабки. Такую громадину тайком не утащишь...

Квакер встретил гостей на лестнице сеновала. Матуба тоже. Он хлестал визитеров хвостом по ногам и улыбался. Квакер был в тех же белых штанах, что вчера, но вместо драной тельняшки натянул новую зеленую футболку.

Арбуз был разбит на многочисленные куски. Они лежали на застеленном «Туренскими известиями» верстаке.

— Налегай, народ, — предложил Квакер.

Народ без церемоний налег. Не опасаясь нитратов. И скоро от арбуза остались только обглоданные корки и семечки, прилипшие к газетам и мокрым щекам. Ваня отколупнул от лица семечко и вспомнил другое — помидорное. Которое закопал в цветочном горшке. Взойдет ли?

— У, я сейчас лопну, — признался Тростик. В расправе над арбузом он был впереди всех.

— Будочка на огороде, — понимающе сказал Квакер. — Матуба, проводи.

Матуба охотно пошел с Тростиком.

Ваня понял, что теперь самое время сделать подарки — чтобы Тростик не вздыхал лишний раз.

— Игорь... мы раскопали кое-что...

Квакер заморгал, удивленный непривычным обращением. Но Ваня протянул ему Пришельца.

— Вот... Похоже, что это существо было игрушкой твоего пра... в общем, Павла Кондратьича... А вот карта острова, с которого мальчика привезли сюда...

Ваня протянул свернутый в трубку лист, и бумага упруго развернулась перед Квакером.

Квакер взял. Поморгал опять, мотнул головой.

— Чегой-то много, ребята. Сразу не помещается в мозгах. Объяснили бы...

— Ваня, давай, — велел Федя Трубин. — Ты у нас это... главный хранитель истории...

Ваня не стал упираться. Ему и самому хотелось рассказать наконец все, что накопилось. Все, что связано с бригам «Артемида» (хотя, возможно, брига и не было никогда на свете — Ваня порой рассудительно напоминал себе об этом).

— В общем... у моего деда был в детстве друг, Рем Шадриков, он жил недалеко отсюда, на Орловской. И он рассказывал моему деду, то есть Костику, о своем деде или прадеде, о капитане. А недавно у него появился глобус...

— Ваня, — деликатно сказала Лика, — ты глубоко вздохни. Зажмурься и соберись с мыслями. И говори все по порядку. Иначе будет в голове каша у тебя и у нас...

— У меня и так каша...

— Ты ее помешай и подуй на нее, чтобы остыла, — посоветовал Бруклин. — А мы пока сядем поудобнее. Кто где. Ожидается история, достойная Стивенсона и Сабатини...

Ваня хотел разозлиться на него, но все расселись на верстаке и табуретах (и вернувшийся с Матубой Тростик) и смотрели выжидательно. А Никель еще и ободряюще. Будто обещал помочь в случае чего.

Ну, ладно... Ваня сел верхом на памятный со вчерашнего дня старинный стул. Подбородком уперся в выемку резной спинки.

— Я попробую... рассказать. Только я сам не знаю теперь, что было по правде, а что придумалось...

— Так бывает со многими талантливыми авторами, — вставил Бруклин.

— Тимофей, вылетишь, — ласково пообещала Лика, и Ваня был ей благодарен.

— В общем... сначала вроде предисловия... Среди Малых Антильских островов, там, где Карибское море, есть остров Гваделупа. Небольшой. Ну, его многие знают, благодаря песенке Александра Городницкого. Его открыл Колумб. Сперва там жили индейцы, а потом белые стали их истреблять, а чтобы было, кому работать, стали привозить туда аф-

риканских рабов. Ну, как везде в Вест-Индии... А вообще-то там скопилось много всякого народа: испанцы, африканцы, англичане, французы, индийцы. И было много всяких войн. Англичане хотели отобрать остров у французов, те обратно. А рабы дрались за свободу... Ник, я правильно говорю?

— Все правильно, — кивнул Ник.

— Когда случилась французская революция, рабы получили там свободу, но скоро Бонапарт велел снова загнать всех негров в рабство. Ну и пошло восстание за восстанием. Бонапарт послал эскадру с большим десантом. Солдаты убили десять тысяч человек. Негритянская армия не могла справиться с этими... с карателями. И вот французы осадили каменный форт недалеко от города Бас-Тер. На склоне вулкана Матуба. Фортом командовал полковник Луи Дельгре. Мулат...

— Он был известный боевой офицер, среди негров и мулатов было много таких, — вмешался Никель. — Ваня, можно я скажу?

— Конечно!

— Недавно прочитал про Дельгре... Он был молодой и храбрый, его считали героем. Он много воевал с англичанами за свободу острова. А потом и с французами, когда они взялись возвращать рабство... Рассказывают, что когда французы пытались штурмовать форт, Дельгре садился в пушечной амбразуре и на скрипке играл военные песни, чтобы солдаты не теряли боевого духа... Ваня, давай дальше...

— А дальше что... Сил уже не было, в форте осталось триста человек, почти все раненые. И они договорились взорвать пороховые запасы, когда в форт пробьются французские солдаты. Потому что лучше смерть, чем рабство. И взорвали. Себя и врагов... Там сейчас памятник и музей... Но я же

говору, это предисловие. А через пятьдесят два года к острову Гваделупа подошел русский бриг «Артемида».

Мы, наверно, никогда не узнаем подробностей, почему он там оказался... Но известно, что на бриге был туренский мальчик Гриша Булатов. Приемный сын купцов Максаровых, которые жили на Ляминской улице. Вот на этой самой, которая сейчас Герцена. Капитан брига по фамилии Гарцунов был родственник Максаровых, и он взял Гришу с собой. Наверно, чтобы подготовит в моряки. А время было беспокойное, начиналась Крымская война. Похоже, что у перешейка острова... Ква... Игорь, разверни карту... Вот здесь «Артемиду» настигли французские корабли. Иначе зачем ему было пробиваться через пролив Соленая река? Вот этот... Пролив был непроходимый, но бриг пробился. А как?.. Видимо, кто-то ему помог. Тот, кто знал дорогу. И похоже, что это был тот самый мальчик... который потом оказался здесь. Иначе зачем бы его взяли на бриг? Наверно, чтобы французские власти не отомстили ему...

— Ну, а при чем здесь полковник Дельгре? — подал голос Тимофей Бруклин.

— Я не знаю, — честно сказал Ваня. — Но... так кажется. Придумывается... будто мальчик был каким-нибудь правнуком полковника. Потому что он был такой же смелый... И, может быть, за это французские власти не любили его. А он их...

— Не похоже, чтобы маленький пацан знал хитрые морские проходы, — высказал здравое суждение Тимофей Бруклин.

— Какая зануда... — вздохнула Лика.

— Если это был мальчик-рыбак, он мог знать, — возразил Тимофею Ник. — И к тому же нам ничего не известно. Он мог не один вести судно, а с кем-то из взрослых...

— Я тоже про это думал, — кивнул Ваня. — По крайней мере, известно, что мальчик оказался на бригае... И там же, на «Артемиде», был еще один невоенный человек. Врач или ученый... Тот, с которым ребята вернулись в Россию. И у которого был глобус — тот, что я раскокал вчера...

2

Про догадки Вани о докторе Повилике и про глобус, в котором столько лет провел маленький Пришелец, выслушали, не перебивая. А также и про полуденный выстрел «Артемиды» в день солнцестояния, и про дружбу Костика и Ремки, и про неясную судьбу капитана Булатова...

Наконец Ваня замолчал. И вдруг застеснялся: «Ух и нагородил сколько всякого...»

— Выходит, этот доктор — твой какой-то прапрадедушка... — уважительно заметил Андрюшка.

— Я не знаю... Хотелось бы. Но, может, просто однофамилец... Зато про мальчика с Гваделупы очень даже понятно, это мог быть Павел Кондратьевич. Смотрите, сколько совпадений: и его рассказ про дальний остров, и слово «Матуба», и «Повилика»...

— Тогда ясно, откуда обычай с пушкой, — неловко проговорил Квакер. — Выходит, это он, мой заокеанский предок, привез его сюда... вместе со своим другом... с Булатовым... Надо же... Вот так живешь и ни про что не ведаешь... Чуть не надавал плюх потомку доктора, который заботился о моем предке...

— Только вот что... — насупленно сказал Ваня. — Есть одно... такое сомнение... — Необходимо было оставаться честным до конца. В этом кругу (как и на острове Гваделорка) нельзя было хитрить и обманывать. — Ведь тетушка Рема Шадрикова

говорила, что мальчик с Гваделупы умер почти сразу, как приехал... Она могла ошибаться... А если не ошибалась? Значит, тогда все не так... Игорь, ты не обижайся...

Квакер помолчал и ответил медленно, с растянутым таким раздумьем...

— Чего обижаться-то... Я взвешиваю шансы. И вспоминаю... Надо проверить...

— Что? — нетерпеливо спросили сразу несколько человек.

— А вот что... Допустим, так... Приехал домой Григорий Булатов, привез с собой названсго братишку. Куда? Ну, не в приют же. Значит, к Максаровым. Вроде, еще один приемный сын... А тот, бедняга, помер... А раз так, надо похоронить по-человечески. Не на задворках же, а где-то рядом с фамильными могилами, с родственниками. Ведь он же тоже стал Максаровым. Или Булатовым... А плиты для купеческой родни делались из камня или чугуна. Должны сохраниться, это не деревянные крестики...

— Да того кладбища давно уж следа нет, наверное, — опять проявил здоровый скептицизм Тим Бруклин.

Квакер кивнул.

— Почти что нет... Но кусочек его остался. Это между старой Сетевязальной фабрикой и речкой Бархоткой. Болотце такое, а за ним взгорок со столетними березами, и там несколько могил в чаще. И среди них — Максаровы. Общий такой камень с именами,obelisk. А вокруг еще несколько плит... И, по-моему, есть одна такая... ребеночья...

Все примолкли. А Лорка вдруг спросила негромко, но звонко:

— Квакер, а ты там что делал-то?

Тот медленно посмотрел на нее и на всех. Усмехнулся:

— Интересно, что при Лорке как-то не получается врать... Ладно. У меня секретов нет, слушайте, детишки... Рубика знаете?

Мальчишки хмыкнули и переглянулись: мол, кто не знает Рубика! Даже Ваня слышал о нем не раз. А Лика сказала:

— Еще бы! Я ему однажды... Ну, ладно... И что?

— В прошлом году у нас было что-то вроде идейного союза. Может, помните крики в «Новостях»? Неизвестные вандалы повалили и разбили еще несколько памятников на таком-то кладбище... А это был не вандализм. Ну, не то, когда люди просто дурью маются. Так некоторые молодые выступают против смерти. Думают, что, если разрушат могилы, значит, и нет ее, смерти-то... В общем, такая идея... А я тогда корешил с ним, с Рубиком. Он и говорит: «Айда на Бархотку, там есть купеческий мемориал, устроим бенц...» Ну, пошли. Четыре человека. Рубик, Мокрый, Санька Шапочкин и я. Вербку взяли, чтобы камень тянуть... Ну, пролезли через всякие колючки, огляделись. Я смотрю — почти рядом, но чуть в сторонке одна маленькая плита. Почти вся в траве. Имя толком не разглядеть, но видно, что детская... Как-то муторно стало. Я говорю:

«Не надо, парни...»

А Рубик:

«Ты чё тормозишь? Зря, что ли, в крапиве маялись? Щас своротим большую бандуру и — до хаты...»

Я опять говорю:

«Не надо...»

А он:

«Сознательный стал, гнида? Ребя, давай привя-

жем его к этому надгробью, пусть посидит здесь до ночи...»

Мокрый и Шапочкин — они всегда готовые, что Рубик велит. И ко мне... Совсем тупые: Матуба-то рядом гуляет. Я кликнул... Матуба, он добрый, но не тогда, когда тянут на меня. Ну и вот... Матуба, помнишь?

Матуба подмел хвостом половицы: видимо, помнил.

— Мы потом вроде бы помирились, но уже не так, не прочно, — вспомнил Квакер. — Рубик в бизнес ударился: вздумал добывать в логу коноплю да продавать мелким «лаборантам». На этом и погорел, чуть не поехал в закрытое учебное заведение. Папочка спас...

Все понимающе помолчали. Федя спросил:

— А чья плита, ты так и не разглядел?

— А оно мне надо было тогда? Ну, лежит младенец, и пусть... Мир праху... Теперь побываю, посмотрю.

— Побывать надо бы всем, — вдруг тихо сказал Никель.

3

К остаткам древнего Затуренского кладбища пошли следующим утром. Пешком. Квакер сказал, что на великах можно застрять в зарослях, да и Матубе трудно поспевать за теми, кто на колесах. А он, Матуба, в таких экспедициях — не лишний.

Не было в компании только Бруклина — он накануне сказал, что «предки уволакивают меня в га-сиенду знакомых, семейная повинность».

Прошли через высоченный мост, под которым впадала в большую реку говорливая Туренка. Обогнули вдоль зубчатых стен похожий на крепость

монастырь. Ваня то и дело задирает голову к горящим на солнце куполам — ну, прямо русская народная сказка. От золотых зайчиков — зеленые пятнышки в глазах. За монастырем начались деревянные улочки, на которых Ваня еще не бывал. Столько резьбы на домах. Может, есть еще и работы Павла Кондратьича?..

Над заборами стояли черные высоченные ели...

Дальше потянулись штабеля бревен с нависшими над ними эстакадами, ангары с лодками на крышах, какие-то строения с башенками, похожими на пароходные рубки. Сильно запахло мокрой древесиной, горькой корой.

— Это старый ДОК, — шепнула Ване Лорка.

— Что?

— Деревообделочный комбинат...

«Я столько всего еще не знаю в Турени...» — подумал Ваня.

За доком попали к излучине реки, от нее по ржавым рельсовым путям взяли влево, оказались между заброшенными кирпичными корпусами, перешли вброд ручей по имени Бархотка, продрались через поросшую исполинским репейником пустошь и наконец вышли к высоким полусухим березам.

Все было, как рассказывал Квакер.

Среди берез был виден каменный обелиск. Вернее, его верхушка. Внизу непроходимо переплелись шиповник, все тот же репейник и похожий на мангровые заросли ольховник. Среди этой чащи, конечно же, коварно гнездилась крапива нескольких сортов.

— Мапочки! — сразу завизжала сунувшаяся вперед Лица.

— Пусти! — сурово велел Тростик, подобрал палку и, сцепив зубы, начал прорубать для Лицы проход. Остальные мальчишки тоже нашли палки

и врубались в джунгли (и Ваня тоже взвыл «мачочка!», только про себя).

— Лорка, не суйся в сторону, иди точно за мной.

— Я точно, только... Ай!

Все-таки пробились. Расчесывая ноги, встали перед обелиском. На нем было много имен с одинаковой фамилией: «Максаровъ», «Максарова». Рядом с памятником лежало несколько чугунных и каменных плит. Тоже Максаровы. Ваня — из уважения к семье, которая воспитала Гришу Булатова — попытался прочитать все имена, но было их слишком много. А Квакер поторопил:

— Идите сюда... — Он окликал ребят со стороны. Раздвигал кусты в нескольких шагах от них. — Смотрите, вот...

Но смотреть пока было нечего. Маленькую плиту почти целиком закрывала трава с зонтиками желтых цветов. Цветы и стебли не стали рвать, лишь сильно раздвинули, чтобы прочитать буквы. Наклонились над чугуном. И стали разбирать полусъеденную бурыми лишаями надпись.

Вот что было на плите:

**Отрокъ Аггей Полыновъ
Скончался 18 юня 1854 года
восьми лѣтъ отъ роду**

Господь да пригрѣетъ его добрую душу

А ниже, под похожей на снежинку звездочкой, было написано еще:

Агейка, мы тебя помним

Лорка вдруг встала на край плиты коленками и принялась ладонями стирать с чугуна пятна и пыльный налет.

— Подожди... — шепнул Ваня. Сломил в сто-

ронке несколько ольховых веток. Стал обметать плиту. Потом выпрямился.

Все стояли и молчали. Федя и Андрюшка вдруг разом, как по команде, перекрестились. И Никель вслед за ними. Без всякого смущенья. Тогда перекрестились и остальные. Кто-то привычно, кто-то неумело. Ваня вообще осенял себя крестом первый раз в жизни. Он был крещен во младенчестве, но его алюминиевый крестик лежал в маминой шкатулке с документами, а в храмах Ваня бывал всего два раза — в кремлевских соборах с экскурсиями. И Бог ему представлялся чем-то вроде единого энергетического поля, о котором иногда говорил дед. Но сейчас Ваня соединился со всеми в подступившей печали и жалости к восьмилетнему мальчишке. Не все ли равно, что незнакомый Агейка жил в позапрошлом веке. У смерти нет времени и нет никаких дат...

— А все же... кто это такой? — шепотом сказала Лика.

— Как кто? Агейка... — тихо отозвалась Лорка.

— Да... но это не мальчик с острова. Не Максаров, не Булатов... Польшин.

— Ну и что? — угрюмо отозвался Квакер. — Могли дать любую фамилию при крещении. Он же был не православный, здесь наверняка крестили заново. Тогда с этим было строго...

Никель, как Лорка, встал коленками на край плиты и словно прислушался к чему-то. Потом оглянулся. Качнул головой.

— Нет, Агейка не мальчик с острова...

— Почему? — сразу спросили Трубачи.

— Ну, посмотрите же. Он умер за три дня до того, как «Артемида» прошла по Соленой реке...

— А ведь и правда... — вырвалось у Вани. И он посмотрел на Квакера. Квакер кивнул, отошел к обелиску и начал там ходить среди плит. «Чего это

он?» — подумал Ваня. Но больше никто не удивился. Ждали. Квакер подошел и как-то виновато сообщил:

— Больше здесь нет детских могил. Вернее, одна еще есть, но какой-то годовалый младенец... — И он снова встал над плитой.

— Значит, мастер Павел Кондратьевич в самом деле твой предок, — напомнил Ваня. Квакер глянул исподлобья:

— Ну, да... А этого Агейку все равно жаль... Будто в чем-то виноватые перед ним...

Ваня сказал:

— Наверно, славный был. Написано: мы тебя помним. Наверно, друзья написали. Взрослые ведь не напишут «Агейка»...

— Написали, что помнят... А теперь никто уже не помнит... — Еле слышно проговорила Лорка. И встала поближе к Ване.

— Мы будем помнить, — сказал Федя Трубин. — Он же помог нам разгадать тайну...

— Да и не в этом дело, — добавил Никель. — Будем, вот и все...

— И будем приходить, да? — живо спросил Тростик. И посмотрел на Лику. И она кивнула: да...

— А теперь давайте почистим все, — предложила Лика. — Только не рвите сильно траву, пусть растет...

— Не будем рвать, — согласился Никель и присел, раздвинул стебли. — Ребята, смотрите-ка! Повилика...

На обратном пути задержались у Бархотки. Долго бултыхали в прохладных струях изжаленными ногами. Потом здесь же, на берегу, расселись на брошенных бетонных блоках — они были теп-

лые, как печки. Буйно цвел иван-чай, в нем гудели шмели. Трещали невидимые кузнечики. Над пустыми цехами висел бледненький, потерявшийся в дневном небе месяц.

Ли́ка раскрыла сумку, которую тащили на палке трудолюбивые Трубачи. В сумке нашлись две бутылки кваса и мягкие пироги с картошкой — гостинец Евдокии Леонидовны, Андрюшкиной бабушки. Пирогов было по штуке на брата. Лишь про Матубу Евдокия Леонидовна не вспомнила, но теперь ему отломали каждый по кусочку, а Тростик отдал половину.

— Я стараюсь есть поменьше...

— Ага, поменьше! Арбуз-то вон как уписывал недавно, — заметил Федя.

— От арбузов не толстеют.

Подниматься и шагать дальше никому не хотелось. Ленивое было настроение и задумчивое такое. И... слегка тревожное. Хотя и непонятно отчего.

Ли́ка раскрыла твердую черную папку, с которой не расставалась нигде. Села в сторонке, стала что-то набрасывать карандашом на листе. Андрюшка осторожно подошел, стал сбоку.

— Брысь, — сказала Ли́ка.

— Ну, я чуть-чуть. Одним глазком...

— Я что сказала!

— Жалко, да?

— Не жалко, а не люблю, когда дышат за шиворот... Нарисую — покажу.

Нарисовала она быстро. Положила открытую папку рядом на бетон, расслабленно откинулась, глянула. Не то чтобы приглашающе, но в смысле «можно». Андрюшка приблизился кошачьими прыжками. Посмотрел.

— Ай... — сказал Андрюшка. — Ух ты... Ребята, посмотрите...

Все и так уже стояли рядом.

У Лики был талант. Двумя-тремя движениями карандаша она умела удивительно похоже изобразить любой предмет, любое существо: бродячего кота на заборе, козу в лопухах, потерянную сандалетку рядом с шиной самосвала, дерущихся воробьев, малышей на качелях, ныряльщиков на палубе баржи... И до того здорово! Всего несколько линий, а точность — как на фотоснимке! Только портреты знакомых ребят она не рисовала, говорила, что не умеет. Хотя Тростика (очень похожего) было у нее полным-полно в альбоме, но он — исключение. На нем Лика «набивала руку»...

А сейчас на листе был именно портрет. Правда, незнакомый. Но... в то же время знакомый. Казалось, что все не раз встречали этого мальчонку — круглолицего, лопухого, с перепутанными длинными прядками, с дыркой от выпавшего зуба под удивленно приподнятой губой. С крупными конопушками на переносице и на щеках. С глазами, в которых искорка улыбки и... скрытое беспокойство...

— Агейка? — шепотом спросил Андрюшка.

Лика кивнула. Впрочем, и так всем ясно было, что это Агейка.

— В точности такой... — шепнула Лорка. И каждый был согласен, что «в точности такой» — восьмилетний Агейка Полынов, бегавший полтора века назад по тем же улицам, что они. Он просто не мог быть никаким другим...

— Лика, а ты можешь нарисовать еще такого же? — вдруг напряженно спросил Никель. — Только чтобы он не просто так, а слушал раковину. Морскую. Будто ловит отдаленный шум...

Лика секунды две смотрела Нику в лицо. И ничего не спросила. Взяла еще один лист. Повторить рисунок ей ничего не стоило, две минуты — и го-

тово. Еще один улыбчиво-тревожный Агейка. Только у левого Агейкиного уха карандаш остановился.

— А раковина, она какая?

— Большая, закрученная. С зазубренным краем. Край чуть отодвинут от щеки...

Лица умела рисовать и раковины. Она изобразила такую, о какой сказал Никель. Тонкие Агейкины пальцы придерживали витую раковину у щеки. И Агейкина тревога теперь отражала ту загадочность и отдаленность, которую доносил до него голос прибоя...

— Теперь совсем так... — негромко выговорил Никель.

— Ник, а что *так*? — осторожно спросил Андрюшка. А Федя смотрел на Ника молча, но тоже с беспокойством. Они с Андрюшкой лучше других улавливали всякие *струнки* Никеля.

— У нас в больнице, напротив операционной, висел похожий фотоснимок. Большой... — вздохнул Ник. — Мальчик и раковина... Его все любили... и рассказывали про него всякие сказки.

— Какие? — ревниво спросил Федя. Похоже, что Трубаچی раньше ничего про фото со сказками не слышали.

— Всякие... — Ник, видимо, не очень-то любил вспоминать больницу, но теперь выпал такой момент. — Кое-кто говорил, например, что мальчик может заранее услышать в раковине, у кого как пройдет операция... И, если его очень попросить, он постарается, чтобы все кончилось хорошо.

— А ты? — спросил простодушный Тростик. — Просил?

— Нет, — улыбнулся Никель. Виновато и беззащитно. — Я его увидел уже после операции, когда разрешили выходить в коридор. Я только просил, чтобы скорее все вросло и прижилось. И чтобы до-

мой... Но у меня ведь был не самый трудный случай...

— Но и не самый легкий, — насупленно напомнил Федя (мол, не скажи слишком много).

— Ну да... А еще там у ребят была сказка, будто этот мальчик — волшебный донор... Если кому-то предстоит пересадка сердца, он отдает свое, а у него вырастает другое. И так много раз... А один раз сердце не выросло, потому что кончилась энергия. И осталась от мальчика только фотография... Но про это говорили шепотом и не очень-то верили... Хотя про пересадку там ходило много слухов. Как кого привозят с операции и он начинает ворочать языком, сразу — у меня новое сердце... Я и про себя сначала так же думал...

— Думал, что у тебя пересаженное сердце? — изумился Тростик.

— Ну да... как все, так и я... И было страшно. Не потому, что вдруг не приживется, а потому, что оно *чье-то*... Может быть, такого же мальчишки, как я. И выходит, что теперь я не только я, но еще и он... И, значит, я отвечаю в жизни за себя и за него. А как, если я и за себя толком не умею...

— Это уж точно, — сказала Лорка. — Недавно опять гонял на велике, как настеганный... Ребята, вы ему внушите...

— Мы попросим Евдокию Леонидовну, она внушит, — сурово пообещал Федя. — Так, что придется пересаживать... одно место...

Ник сделал вид, что обиделся:

— Злодеи... Вот и рассказывай вам...

— А дальше? — попросил Тростик.

— А чего дальше... Ведь по правде-то все знали, что никаких пересадок в той клинике не делают. Только протезирование сосудов и вживление искусственных клапанов. Это доктор Андрей Евгень-

евич нам всё про наши дела объяснял. Веселый такой. И разные забавные истории рассказывал... Только про мальчика на снимке не хотел говорить: кто это такой. Отвечал: «Это вы все понемногу. И пока он слышит раковину, с вашими сердцами все будет хорошо»...

— Агейки нет, а он все равно слушает раковину, — будто издалека сказал Тростик.

— Агейка теперь снова есть, — строго, будто вмиг повзрослев, возразил Никель. — Человек всегда *есть*, если про него помнят. Душа-то все чувствует...

— И он будто с нами, да?

— Слава богу, догадался, — ворчливо заметила Лика. — Вытри лицо, сокровище. Все щеки в картошке и квасе... — Она положила портрет «Агейка и раковина» в папку. — Ник, это чтобы не помялся. А потом отдам тебе.

Никель улыбнулся — опять словно издалека:

— Спасибо, Лика...

И они пошли к дому. И Агейка — лохматый и с выпавшим зубом — шел среди них...

А другой мальчик? Тот, что стал мастером Григорьевым? Ну, стал, да, но это потом, а каким он был мальчиком?

Наверно, смуглым, толстогубым, курчавым...

— Вроде маленького Пушкина, — сказал Ваня. — А на острове у него, наверно, было французское имя Поль. Здесь уж переделали в Павла.

— В Павлика, — сказала Лика. — Или скорее в Павлушку. А Григорьев — это, наверно, в честь друга...

— Лика, ты его тоже нарисуй, — попросил Андрюшка.

— Не знаю, — недовольно отозвалась она. — Может быть, после...

Кто их поймет, художников...

Ключ

Теперь все чаще говорили про бриг «Артемиды». Это было похоже на разговоры о недавно просмотренном хорошем фильме. Но не простом, а как бы про своих знакомых. Про друзей... Фильм вспоминался все подробнее. Там, где случались «обрывы пленки» или «потерянные кадры», каждый спешил сделать свою вставку. Лучше всего такие вставки получались у Вани, это все признавали без зависти.

— Потому что он прочитал сто книжек Жюль Верна, — объяснял Тростик.

И трудно было разобраться, что можно принять за правду, а что придумалось в пылу фантазии.

Но главное-то все равно было правдой! Гриша Булатов, Павлушка Григорьев, бриг «Артемиды»! Свидетельство тому — карта Гваделупы и деревянный узор под названием «Повилика»!

...Квакер повесил свою карту у себя на сеновале, напротив верстака. Рядом пристроил на воткнутом в щель колышке Пришельца. Дух «Артемиды» жил теперь под щелястой крышей, как внутри старого корабля...

Через несколько дней после похода на кладбище все опять собрались на сеновале. Чтобы поговорить про героев Гваделупы и брига и послушать, как уютно шелестит по щелястой крыше дождик. Погода решила устроить в жару перерыв и с утра сделалась прохладной и серенькой. Купаться не пойдешь, на бульвар к фонтанам и каруселям тоже

не манит, и гонять мяч на студенческой спортплощадке — «не тот климат». А собраться в «подвальном помещении», где пахнет сырыми досками и приключениями, — *самое то...*

Правда, хозяин помещения сначала был сумрачен. Он встретил гостей в старой драной тельняшке и с двумя фингалами на левой скуле. Сперва отмалчивался, а потом поведал о случившемся. Вчера вечером некий Шампунь — подручный Рубика — вместе с двумя бывшими адъютантами Квакера, Гошей и Лёнчиком («Ну, вы этих паразитов знаете»), встретили Квакера на углу Перекопской и «завели базар». Мол, почему это Квакер — такой раньше крутой и преданный своей «бригаде» — вдруг пошел на откол и связался со всякими «пионерчиками». Ну, Трубачи — эти ребята еще туда-сюда, а их дохлый дружок и сопливая чувиха Лорка, и другая чувиха — длинноногая художница со своим полудурком-оруженосцем — это же сплошное «тимуровское кино». Не говоря уже о приезде «маминою красавчике» из Москвы!

Квакер не стал снисходить до объяснений. Лёнчик стоял ближе всех. Квакер спросил: слышал ли тот про Большой адронный коллайдер? «А?» — сказал Лёнчик и на миг потерял бдительность. И спланировал в лопухи. Двое других, однако, не растерялись. Видимо, тень всесильного Рубика витала над ними и вдохновляла на подвиги. Квакеру пришлось прижаться спиной к тополию. До сеновала, где мирно дремал Матуба, было полторы сотни шагов, и слух у собачки был что надо. Стоило только свистнуть погромче. Но Квакеру помешала гордость. Конечно, вскоре три его противника, прижимая ладони к носам и губам, пошли домой, но Квакеру все же достались две «плямбы», и его самлюбие страдало.

Трубачи, всегда склонные к мобильным действиям, предложили немедленно сыскать обидчиков. Но дождик усилился, и Квакер пробурчал:

— Да ну их на фиг. В следующий раз поймаю по одному, пятки оторву и засуну в слепую кишку...

— Игорь! — светским тоном сказала Лика.

— Ладно, не в кишку. Просто повешу на уши, — смягчился Квакер.

В этот момент появился Тимофей Бруклин. Под рваным сырым зонтом.

Как хорошо в прохладной неге,
Когда не стало вдруг жары!
Мне б позавидовал Онегин,
Коль дожил бы до сей поры...

— Рифмоплет, — с удовольствием сказала Лика. По правде говоря, ей нравилось Тимкино умение выдавать строчки «под Александра Сергеевича».

Бруклин красноречиво описал, как в гостях на даче у «папы-маминых коллег» он удачно симулировал беспокойство примерного школьника. Мол, у него такой громадный список по внешкольному чтению, а он еще не открывал ни одной книги. Это, якобы, чревато большими неприятностями... И его отпустили в город.

И вот, проделав путь неблизкий,
Я снова здесь, у ваших ног...

Лика подтянула ноги в мокрых плетенках под табурет и сказала, что Пушкин корчится в могиле.

Тимофей сменил тон и спросил, нет ли чего нового про «Артемиду». Ему рассказали про Агейку. И Лика даже позволила взглянуть на портрет, который носила с собой (только без раковины тот, где раковина, был у Никеля). Тимка принял важный вид и сообщил, что все тут сидящие обречены на бессмертие.

— Потому что про нас будут говорить: «Они были знакомы с величайшей художницей двадцать первого века». Ай!.. — Он был бит папкой по голове, но не обиделся. — Ты чего, я же правду говорю. Кто-то должен первый во весь голос сказать про твой талант... Ай... А портрет в самом деле — во! — Тим неинтеллигентно, но выразительно воздвиг перед собой большой палец. — Совершенно удивительный пацан... На Тростика похож..

— И нисколько... — сказала Лика.

— Я говорю не про внешнее, а про внутреннее свойство. Про качества души...

— Его главные качества — дурь и упрямство, — сообщила Лика. — Мать жалуется, что совсем перестал есть. Решил худеть... Конечно, это экономия в бюджете, но... посмотрите на него. Скоро сделается тощее Никеля...

Тростик и в самом деле за последние две недели вытянулся и заметно потерял округлость. Сейчас он гордо посапывал.

— У меня к Трофиму есть дело, — серьезно заговорил Тимофей. — Мой старый мобильник стал капризничать, и добрый папа отдал мне свой. Потому что купил новый, с наворотами. А я свой старый опять наладил, там все дело было не в нем, а в подзаряднике. Ну и оказался я с двумя телефонами. А у Тростика телефона нет, он один во всем сообществе без связи. Нехорошо. Недоброе это дело, когда у кого-то чего-то нет, а у другого оно есть два раза... Трофим, это тебе мой подарок...

Тим вытащил из внутреннего кармана джинсовки завернутый в полиэтилен кирпичик. Развернул...

У Тростика отъехала к подбородку пухлая нижняя губа. Он вопросительно глянул на Лику.

— Не смотри на нее, — сурово сказал Брук-

лин. — А ты, Анжелика, не распускай перья. Сейчас ты закричишь, будто я подмазываюсь к тебе, делая подарок твоему лучшему другу. А ты здесь ни при чем. Я дарю это Тростику, вот и все. Потому что он — личность...

Тростик все же смотрел на Лику. И она снисходительно разрешила:

— Да бери на здоровье. От подарков не отказываются... Тимофей иногда совершает разумные поступки... хотя и не часто...

Тим возвестил:

Онегин, радостные клики
Звучат души моей внутри!
Ведь похвалу от Анжелики
Я слышу раз, и два, и три...

— Всего раз, — уточнила Лика.

— «Три» — это для рифмы, — пояснил Бруклин. — На самом деле от тебя много не дождешься... Тростик, садись рядом, я покажу, где что нажимать на этой штуке...

Они вспрыгнули рядом на верстак, закачали ногами, и Тимофей начал обучение. Тростик не раз пользовался Ликиным телефоном, а Тимкин старенький аппарат был похожий. Небольшие отличия Тростик понял быстро.

— А кнопки, чтобы их не нажать случайно, блокируются вот так. Сначала большая клавиша, потом — «звездочка»... Попробуй сам...

Тростик попробовал, поморгал и сказал «ой».

— Что? — придвинулся к нему Тим.

— Смотри. Ключ... — В уголке дисплея чернел крохотный значок-ключик.

— Ну и что? Это значит, что блок включен...

— Здесь ключик и там... — Тростик подбород-

ком показал на карту — она висела на другой стене, метрах в пяти. — Похожи...

Тимофей присмотрелся.

— Тростик, у тебя глаз. Не зря ты правая рука великой художницы... Ребята, идите сюда!..

И все столпились рядом.

— Смотрите... Тростик это разглядел. Географы привыкли повторять: Гваделупа похожа на бабочку. А она — ключ! Вот кольцо, вот стержень, вот бородака...

Остров на карте и вправду напоминал массивный ключ. Белое пятно на Бас-Тере создавало ощущение пустоты внутри кольца. Вправо отходил короткий стерженек, дальше он принимал форму конуса, от которого торчала вверх «бородака». Она похожа была на круглую голову с шеей.

— А ведь точно ключ... — сказала Лика. И все наперебой закивали: мол, и в самом деле так. Как раньше-то не разглядели?

— Это знаете что? — задумчиво проговорил Никель. — Это... наверно, ключ ко всем загадкам. Про «Артемиду»...

— У сообщества появился свой знак, — усмехнулся Квакер (у которого, как известно, был «повешен язык»). — Клуб друзей «Артемиды», и у него символ — серебряный ключ в виде острова...

— А почему серебряный? — спросил Андрюшка.

— Не знаю. Так подумалось... Ну, пусть не серебряный. Только чтобы из чего-то такого... связанного с Гваделупой.

— Из чего? — сказал Федя. — Где *такое* возьмешь?..

Квакер хмыкнул, предложил то ли шутя, то ли по правде:

— Отрезать от карты угол, наклеить на картон, вырезать ключ...

— Карту жалко, — возразил Федя.

Ваня сказал:

— Копия же. Лишнюю копию сделать не трудно, я попрошу деда, если надо... Только ключ, по моему, должен быть твердый. Из металла... Вот соберутся все, чтобы поговорить... *про все про это...* и кто-нибудь колупнет ключом. Будто дверцу... И тогда откроются новые загадки... Правда ведь?

— А что это за хвост торчит из ключа? — Вдруг недовольно спросил Тростик. — У меня на телефоне такого нет...

Справа, от оконечности Гранд-Тера тянулся к востоку тонкий, как жало, полуостров. Похожий на хвост морского ската.

— Это мыс Шато, — объяснил Ваня. — На нем раньше были крепость и маяк... Может быть, есть и сейчас...

— Это стальной волосок, — вдруг сказала Лорка. Все удивленно примолкли.

— Ну, не помните разве? — звонко заговорила Лорка. — Как в песенке: «Тронет пружинку стальной волосок...» Этот волосок — на ключе. Заденет пружинку, она толкнет шестеренки, и начнется сказка...

— А где она, пружинка-то? — слегка обиженно спросил Федя. Он любил точность и реальность. — И в чем колупать ключиком?

— Хотя в чем, — сказал Ваня. — Можно в пространстве. Дед рассказывал, что вокруг полно всяких пространств. Наверно, есть и сказочные. С пружинками... Был бы ключик...

— Через неделю поеду в Каменск, — сообщил Квакер. — У меня там дядька ювелир. Сяду на него и не слезу, пока не сделает ключик с волоском... Вот знать бы только, из чего. Чтобы работал как надо...

Все опять замолчали. Символ ключа, явившийся с карты, требовал серьезности. Все было не случайно, не просто так. Гриша Булатов, Павлушка Григорьев, Агейка Польшов, доктор Повилика — они словно стояли рядом и ждали...

Тростик соскочил с верстака. Запустил руку в глубокий карман на бедре — с такой энергией, что трикотажные шортики съехали до опасной черты и он едва успел подхватить их. Подхватил и всем показал открытую ладонь: на ней отражала дождливый свет серебряная монета с кораблем, Ликин подарок.

— Вот из нее... можно?

— Да ты что... — пробормотал Квакер. — Это же...

— Это же для всех, — увесисто объяснил Тростик.

А серьезный Никель подвел итог:

— Тим точно сказал: Тростик — личность.

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

Солнечные часы

1

 еловек привыкает ко многому. Привыкла и Лариса Олеговна (тетя Лара!) к «беспутной» жизни внука. Она уже не терзала по вечерам телефон жалобами и тоскливыми вопросами: «Ваня, я схожу с ума: куда ты пропал? Ты носишься где-то с обеда (а то и с утра) до позднего вечера! И наверняка голодный!» Теперь фразы ее — вопреки обычной многословности — стали четкими и краткими. Первая: «Где ты?» Вторая: «Ты где-нибудь обедал?» Третья: «Когда явишься домой?»

Ваня, чтобы сделать тете Ларе приятное, отвечал подробно.

«С утра мы были на реке... Ой, да никуда я не потону, мы же не купаемся в одиночку, смотрим друг за другом. Да там и глубины-то не больше, чем до пупа!» (Это был некоторый отход от истины, однако надо же было утешить любимую бабушку.)

«А потом мы ходили на дневное представление в цирк... Ну, я же говорил, нам всем дали билеты в школе — это приз за победу в футбольном матче... Даже Тростику дали, считается, что он запасной... А Тимка и Квакер купили билеты за свои деньги и тоже пошли... Знаешь какие клоуны! Даже в Москве таких нет! У меня чуть кишка не выпала от хохота... Да что ты, нормально я выражаюсь!»

«Да обедал я, обедал, у Лорки! Любовь Петровна молока дала и шанежек, я чуть не лопнул... Ну, что ты говоришь: «кормиться у чужих людей»! Какие же они чужие!»

«А потом немножко потренировались на площадке у общежития и полезли в лог на раскопки... Вдруг еще что-нибудь найдем!»

На откосах лога, где когда-то стояла столица ханства Чинги-Тумен (так и не раскопанная археологами), найти удавалось немало. Неровные черные монетки с непонятными знаками, обглоданные окисью наконечники стрел, витые ручки медных кувшинов, спекшиеся в ржавчине обрывки кольчуг... Трубачи знали места, где среди обычных свалок можно было добраться до «древних пластов».

Однажды нашли пуговицу с якорем. Конечно, не столь старинный экспонат, но и явно «не из нашего времени». Решили, что она с флотской одежды времен Гражданской войны. Из той поры, когда жил в этих местах старый капитан Булатов. Находку отдали Тростику, для его морской коллекции. Он булькал от радости...

А один раз юным археологам несказанно повезло. Нащупали полукруглый край какой-то металлической штуки. Откопали и выволокли из глины... боевой щит из черной меди! В полметра диаметром. По краю щита тянулась полоса арабской вязи, а на гладкой выпуклой середине светились четыре отверстия. Всякому было ясно, что сюда с внутренней стороны прикреплялись ручки щита.

Находку эту отрыли впятером: Никель, Лорка, Ваня и Трубачи. И торжественно понесли на сеновал Квакера.

У Квакера «паслись» Лика и Тростик. Лика срисовывала в альбом резьбу «Повилика», а Тростик боролся на половицах с Матубой, и оба были сча-

стливы. Квакер чинил велосипед и шепотом поминал всю нечистую силу Антильских островов.

Щит все (даже Матуба) оценили по достоинству. Начали отскребать от «наслоений времени». Отскребли (кое-где добрались даже до желтой меди). Пришел Тимофей Бруклин и спросил:

— А что вы с этой штукой будете делать?

Лорка сказала, что есть смысл отдать находку в школьный музей. Под щитом повесят табличку с именами тех, кто его нашел и подарил.

Квакер возразил, что не стал бы этого делать. Школьным музеем заведует учительница истории Анна Леонтьевна Гауф по прозвищу «Княжна Нюра». Всем известно, какая это... ну, ладно... Он припаяла ему, Квакеру, переекзаменовку на осень, хотя ни в одной четверти двоек у него не было, а было только то, что он с Нюрой то и дело препирался на уроках. «За то, что весь год вел себя вызывающе, будешь отдуваться в августе или загремишь на второй год!» Конечно, Княжна не имела права поступать так, и перед сентябрем Квакер пойдет к завучу и директору, чтобы откачать свои права. Но пока что незаконная переекзаменовка висела у него над душой и портила настроение...

— Хотя щит-то не мой, делайте, что хотите, — спохватился Квакер.

Общее мнение склонилось к тому, что зловредную Княжну Нюру не стоит радовать ценной находкой...

Тим Бруклин сказал:

— И вообще в наши дни бескорыстие ценится наравне с дурью. Лучше оттащить эту штуку в краеведческий музей, там, глядишь, денюжат отстегнут за такой товар...

— Держи карман, — сказала Лика. — В музее всегда денег нет, они об этом во всех передачах

трубят... Люди, знаете что? Отнесите этот тазик Герману Ильичу! Он понимает в древностях. Сразу определит, какой век, какая ценность, и посоветует, куда ее девать.

Федя сказал Лике, что «сама ты тазик», и они впятером (той компанией, что отрыли щит) двинулись в Пристанский район, к старому пакгаузу.

Щит несли на тонкой палке, которую продели в одно из отверстий. Палку держали с двух концов Федя и Андрюшка, а Никель и Ваня стучали по медному краю обломками той же палки. Щит гудел. Это был «голос иной эпохи», как выразился Никель. Лорка легонько пританцовывала впереди. Она была в своем «ромашкином» наряде. А остальные — в «футбольных одежках», таких же, как у Вани, только разных цветов. Было похоже на мини-карнавал или шествие маленького туземного племени. Прохожие поглядывали со стороны и одобрительно хмыкали.

Герман Ильич встретил веселых гостей недалеко от дома, узнал, в чем дело, и решил вернуться с «юными археологами» в свое жилище («Поскольку я никуда особо не спешу...»).

В комнате среди картин, коряг и масок он внимательно рассмотрел находку. И... разочаровал ее хозяев. Оказалось, что Лика в своем определении «тазик» была близка к истине.

— Это, друзья мои, не щит, а старинное восточное блюдо для плова. Скорее всего, из Бухары, с которой торговало здешнее ханство. Вещь интересная, но вполне мирного назначения...

— А дырки? — не захотел сдаваться Федя. — Они же для ручек, как на щите! Получается что же? Как детский горшок для малогабаритной квартиры?

Герман Ильич с интересом наклонил голову:

— Поясни...

— Ну, анекдот такой. Одна фирма для экономии места придумала ночные горшки с ручками внутри...

— Блистательная идея!.. Но здесь не было ручек ни внутри, ни снаружи. В эти отверстия вставлялись ножи, чтобы блюдо не качалось на столе и не сыпало рис и баранину на расшитые халаты гостей... А иногда хозяева вешали такие блюда на стены, чтобы похвастаться утварью... — И Герман Ильич прошелся глазами по своим стенам, словно подыскивая место...

Лорку осенило:

— Герман Ильич! Вот вы и повесьте это блюдо здесь! А мы будем приходить к вам и смотреть. А то ведь у себя-то, у всех сразу, мы его повесить все равно не сможем...

— Правильно! — завопили Трубачи. И Ваня с Никелем сказали, что правильно (хотя и не так громко, потому что дома их учили быть воспитанными).

— Да ну, ребята, что вы... Такой подарок...

— А подарок и должен быть *такой*, — мудро рассудила Лика. — А иначе это просто мелочь, которую дарить даже неприлично... А вы нас сфотографируйте с этим блюдом всех вместе, ладно? А мы карточки повесим у себя...

— Я давно заметил, девочка, что ты умна не по годам, — с удовольствием заметил художник. И достал мобильник с аппаратом. — Берите эту штуку и становитесь плотнее...

Затем они «приспособили» блюдо на железном штыре — он торчал между этюдом «Спящие баркасы» и деревянной маской улыбчивого пирата.

— Вписалось, — покивал Герман Ильич. — Хотя привередливая Анжелика Сазонова сказала бы, конечно, что композиция «не та»... А теперь вот

что, друзья-следопыты. Я вам сделаю ответный подарок... Я вообще-то хотел сделать его безвозмездно, без подношения с вашей стороны, а раз уж так вышло, то одно к одному... Я выпросил эту вещь у одного своего приятеля специально для вас. Учитывая ваш интерес к бригам...

Он сходил в другую комнату и вернулся с плоской, потрепанной по углам книжкой. Сразу видно — не нынешней. У нее был потертый кожаный корешок и серо-пятнистые корочки. Герман Ильич откинул обложку. На сероватом титуле выделялись крупные слова:

Кругосвѣтное Путешествіе
на бригѣ Рюрикъ
Флота лейтенанта Отто Коцебу
в 1815, 1816, 1817 и 1818 годахъ

— Ни фига себе... — шепнул воспитанный Никель. И восторженно задышал.

— Этот бриг, насколько я помню, чем-то был похож на «Артемиду», — сказал Герман Ильич. — Можете сравнивать, когда строите... свои гипотезы...

— Когда придумываем напропалую, — высказался прямолинейный Федя.

— В придумывании порой больше истины, чем в не окрашенных фантазией фактах, — сообщил Герман Ильич и поднял коричневый палец с мелкими пятнышками белил...

Главным читателем книги про «Рюрика» сделался самый юный член «Артемидовой команды» — Тростик. За прошедший год он так приохотился к чтению, что любая книжка была для него удовольствием. Пускай даже «Справочник по уходу за комнатными растениями» или мемуары княгини

Дашковой. А уж если про бриг!.. Поднаторевший на старинном «Коньке-Горбунке», он глотал страницы с «ятями» и допотопными «і», выбирал на свой вкус наиболее интересные места, а потом — на сеновале Квакера или во дворе у Чикишевых — эти отрывки читали вслух. Нельзя сказать, чтобы всегда было очень увлекательно, однако приобщение к морской старине превращало такое чтение в обычай. И паруса «Артемиды» незримо вырастали над кудлатыми, украшенными репейными шариками головами...

Такими вот пятиминутными чтениями чаще всего и заканчивались долгие, прожаренные солнцем, пропахшие уличными травами дни. Когда солнце уходило за решетчатые вышки недалекого стадиона, команда разбегалась. Ваня шел провожать Лорку. Дорога была не длинная, велосипеды оставляли в Андрюшкином сарае или на дворе у Квакера и шли пешком. Раздвигали ногами теплую лебеду, от которой на коричневых ногах оставалась алюминиевая пыльца...

От Лорки Ваня вещал по телефону тете Ларе:

— Ну, не могу я бежать сразу, Любовь Петровна оставляет пить компот. И Лорка вцепилась... Кто «безответственная особа»? Любовь Петровна?.. А, Лорка! Ладно, передам. — И он показывал Лорке язык. А она пританцовывала у стола, расставляя запотевшие от холода кружки...

Любовь Петровна смотрела на внуку и Ваню и напевала привычную мелодию. Про стальной волосок. Ваня в этом доме совершенно не стеснялся, поэтому однажды продолжил мотив.

— По-моему, ты исполняешь данную тему несколько в иной тональности, — заметила Любовь Петровна.

— Ну, конечно! Я ее протянул дальше, а она

вдруг поехала на Бетховена. На вторую часть Восьмой сонаты! Там похоже немножко...

— Ну уж... — сказала Любовь Петровна с сомнением и в то же время с любопытством.

— Нет, в самом деле! Немножко по мелодии, а главным образом по настроению... Но вообще-то у меня «чудовищно субъективные музыкальные ассоциации», это папа однажды сказал. Когда я довел его до «состояния барабанной колотушки».

— За что ты так папу?

— А мы поспорили. По каналу «Культура» передавали «Ленинградскую симфонию», и я «осмелился сделать наглое заявление», что Шостакович главную тему позаимствовал из Пятой симфонии Чайковского. Папа сказал, что я безмозглый цыпленок и что надо различать заимствование и развитие музыкальных традиций... Я обиделся на «цыпленка» и добавил, что романс Шостаковича из фильма «Овод» похож на «Итальянское каприччио»... Папа раскричался, велел мне убираться на кухню и не выходить до вечера... Это давно было, когда мы жили вместе и я ходил в музыкалку...

— А почему ты не стал ходить в музыкальную школу?

— Ну, Любовь Петровна, никаких же способностей! Кроме умения барабанить гаммы и пикиать простенькие песенки на флейте. Вроде бетховенского «Сурка»...

— Тогда почему же папа хочет устроить тебя в музыкальный кадетский корпус?

— Потому что «сын, достигший подросткового возраста, должен быть как-то определен в жизни»...

— А ты не противишься?

— Я пробовал... слегка. А мама с папой говорят: «Предлагай тогда альтернативные варианты». А у меня нет пока никаких вариантов. Я еще ничего не

выбрал... Да там не совсем настоящий корпус, а вроде продленного дня. Сначала общие занятия, потом музыкальные. А вечером — домой. Главное отличие от школы в том, что форму носят. Из-за этой формы туда многие и хотят попасть... Ну, интересно же: погоны, аксельбанты, участие в парадах...

— А тебе это неинтересно?

— Не знаю... Иногда как представишь, то вроде бы интересно... Только я ведь этого еще не пробовал...

Лорка слушала разговор молчаливо и грустновато. И Ваня понимал ее: «Вот кончится лето, уедешь в Москву...» Эта грустноватость проникала и в его настроение. Одно утешало: «Еще не скоро». Стоял конец июля...

2

Как-то снова заговорили про пушку, про обычный полуденного выстрела, попавший сюда из далеких времен, с «Артемиды». Бывший при разговоре Тимофей Бруклин вдруг заявил, что обычай этот исполняется туренскими пацанами неправильно.

— Ведь на самом-то деле солнцестояние настанет не точно в полдень, а в каждом году по-разному. Это надо смотреть в астрономических сборниках.

— А нам по фигу, — заявил Квакер. — У нас тут свое время отсчета. Да, ребята? Шарахнули в двенадцать часов — и гуляй дальше.

— Ну, ладно, пусть в двенадцать, — не унимался Тим (и украдкой поглядывал на Лику). — Но полдень-то должен быть астрономическим. А не тем, что нам предписывают всякими указами, когда назначают часовые пояса да летнее-зимнее

время... Истинный полдень — это когда тени смотрят строго на север...

Занудного Бруклина готовы были снова оспорить, но Никель вдруг сказал:

— Ребята, а Тим, наверно, в чем-то прав... Истинный полдень — это... как-то честнее. С точки зрения природы... Ведь выстрел-то — в честь солнца. Значит, надо, чтобы все было по его закону...

Ваня уже не первый раз подумал, что у Ника есть право на такие суждения. У мальчика, который в неполные одиннадцать лет побывал на границе жизни и смерти. На этой границе, наверно, приходит особое знание законов мира...

— А как определить, чтобы строго на север? — недовольно сказал Квакер. — По компасу нельзя, там всякие магнитные отклонения, нам на географии толковали про это.

— Очень просто, — вмешалась Лика. — Надо понаблюдать перед полуднем. Когда тень станет самой короткой, это и есть направление на северный полюс.

— А есть еще примета, — напомнил Андрюшка. — У церковных крестов один конец всегда смотрит на юг, другой на север. Такой обычай...

Линию истинного полдня искали и определяли три дня. И никто не сказал «да на фиг мозги себе пудрить, айда купаться». Проверяли направление и по крестам, и по длине тени (а полуденное солнце жарило макушки и плечи). Отдельно работал Тим, с помощью своего туристического компаса, в который вносил какие-то таинственные поправки. И когда все собрались на краю лога, на береговом выступе, куда в день солнцестояния выкатывали пушку, оказалось, что Тимкина линия и линия ос-

тальных совпадают! Ура! Бруклин удостоился Ликиной снисходительной улыбки...

Выяснилось, что истинный полдень с теперешними двенадцатью часами не имеет ничего общего. В Турени он наступает на два часа с минутами позже.

— Оно и понятно, — разъяснил Тимофей. — Еще давным-давно, в Советском Союзе, ввели декретное время — добавочку на час. Мол, так удобнее вставать на работу. Когда на небе полдень — в стране уже час дня. А сейчас добавляют еще «летнее время» — с весны по осень. Кому это надо, непонятно, однако добавляют. И получается, что солнце доезжает до зенита у нас только в два часа. Да плюс еще минутные поправки из-за часовых поясов и меридианов. А мы живем и ничего не знаем о таком безобразии...

Лика сказала, что это еще не самое большое безобразие. Два дня назад на улице Чюрлениса повыврубили старые яблони. Говорят, чтобы «расширить полосу движения». Квакер сказал, что надо сделать с теми, кто отдал такой приказ. Лорка и Лика деликатно притворились, что не расслышали... Тимофей напомнил, что ни чиновников, ни законы времени переделать не хватит сил. А вот построить солнечные часы с линией истинного полдня — вполне по силам.

За эту идею он удостоился еще одного благосклонного взгляда Анжелики Сазоновой.

На том самом выступе, на обрыве у лога, выложили из обломков кирпичей окружность. Набрали в лог несколько ведер мягкой глины (надо сказать, была работка!), выстелили глиной внутри окружности площадку. Из собранных на свалках фаянсовых осколков — разноцветных и блестящих —

★ стали выкладывать циферблат. Получался пестрый, непонятно что изображающий узор.

— Дикий абстракционизм, — сказала Лика. Но она руководила укладкой черепков, и «абстракционизм» вышел красивый. Что-то вроде неземных, перепутавшихся крыльями птиц.

По кругу разместили вверх блестящими донushками пустые консервные банки. На них черной нитроокраской написали римские цифры. Это для «нормального» времени. А для истинного полдня выложили чисто-белую тонкую полосу.

Посреди круга решили поставить гладкий двухметровый шест — нашелся такой в Андрюшкином сарае. Покрыли той же нитроокраской. А для верхушки Квакер вырубил из тонкого дюрала силуэт петушка.

— В честь петуха Евсея, — усмехнулся он.

Евсей отражал солнце, как серебряный.

Встали вокруг часов. Тонкая тень шеста подползала к белой сияющей черте. И наконец закрыла ее.

— Ребята... — сказала Лорка. И взяла за руки с одной стороны Ваню, а с другой Квакера. Квакер, видать, слегка застенялся, но другой рукою взял за ладонь Тростика. А тот — Лику. А Лика — Тимофея... В общем, все сцепились руками, и получился ребячий круг.

— Все здесь, да? — спросила Лика, хотя и так было ясно, что все.

— И Агейка, — вдруг тихонько сказала Лорка.

— И Гриша Булатов, и Павлушка Григорьев... — откликнулся ей Никель.

— И Костик, и Ремка, — проговорил Ваня, и у него щекотнуло в горле...

Помолчали, ощущая толчки крови в ладонях.

— В общем все мы тут... — вздохнул Андрюшка Чикишев.

— И всегда... — сказал Никель...

А через день часы оказались разломаны, растоптаны, разбиты. И опять собрались все. И стояли молча. Просвеченные солнцем уши Квакера пылали, как два сигнала боевой тревоги. Наконец Квакер выговорил:

— Ну, Рубик, ну, с-су... сволочь...

— А что теперь будет с часами? — спросил Тростик. Он успел слазить под откос и храбро отыскал в кусачих травах помятого, но уцелевшего Евсея.

— Сделаем снова, — сказал Квакер. — У меня на дворе. Даже лучше будут. Вместо глины я приготавливаю цементный раствор. На века...

И за два дня сделали часы снова. Почти такие же. Тростик сказал, что «даже лучше».

— И пусть теперь эти гады сунутся, — добавил Квакер. — Матуба оборвет им штаны и... все остальное...

— Игорь... — сказала Лика. — Здесь дети...

— Ну, не всё. Частично, — уступил Квакер.

Затем опять встали вокруг часов. Опять дождались *настоящего* полдня и вспомнили тех, кто был здесь незримо. Все равно эти мальчишки *были!*..

И старый профессор по прозвищу Граф сейчас тоже был мальчишкой, хотя, наверно, не знал об этом...

Стоял самый конец июля. Солнце палило, как в июньские дни. Закаты стали наступать чуть раньше, но пока на это никто не обращал внимания.

«Еще целый месяц...» — думал Ваня. Лорка была рядом и держала его за пальцы. На реке ритмично вскрикивал буксирный катер...

Саша Юхманов

1

— Изверги! — слезно возглашала Андрюшкина бабушка Евдокия Леонидовна. — Как я буду теперь смотреть соседкам в глаза?!

— А ты смотри мимо глаз, — посоветовал Андрюшка. — На уши или еще куда...

— Молчи, паршивец!.. Степанида Игнатьевна сама не своя. Говорит: всю смородину ободрали в огороде.

— А ты скажи ей, что вранье — это грех, — посоветовал Андрюшка. — Мы в огород и не совались. А если смородина свои ветки вывешивает за плетень, прямо к дороге, кто виноват? Какой нормальный человек пройдет и не сорвет ягодку?

— «Ягодку»! — ахнула Евдокия Леонидовна. — Небось, полпуда!

— Да какие полпуда! — постарался отстоять истину Федя. — Она уже перезрела давно, там остатки... А зачем вывешивает? Провоцирует прохожих...

— Ты умными словами не закрывайся!.. Прощи... Я вот вас сейчас процитирую! Где мой мешок?

— На балконе твой мешок, на перилах, — напомнил внук. А Федя попросил:

— Баба Дуся, только вы его сначала выхлопайте. А то в прошлый раз столько пыли было, не продохнешь...

— Вот о вас, о двоих злодеев, и выхлопаю, — пообещала Евдокия Леонидовна.

— А почему о двоих! — возмутился Никель. — Опять неравноправие! Я тоже...

— Святые силы, да тебя-то, Никитушка, за что?! — изумилась Евдокия Леонидовна. — У тебя ангельская душа...

— Ага, «ангельская», — заметил Федя. — Трескал больше всех.

— И не больше, а столько же, — уточнил Никель.

— А я! — востребовал справедливости Ваня! — Я ведь тоже там был, мы одинаково...

— Ванечка, да тебя-то как можно! Ты же гость, не чета этим иродам!.. Вы, небось, там в вашей Москве настоящих ягод и не видите. Одна какая-нибудь синтетика, вроде черной икры из нефти...

Ваня хотел заступиться за Москву, но Евдокия Леонидовна твердыми шагами покинула комнату. И скоро вернулась. Однако не с мешком, а со смородиной в большой стеклянной миске. И с ложками.

— Лопайте, мучители... Сейчас молока принесу...

— Вот это настоящая педагогика, — сообщил Андрюшка, двигая к столу табурет. — Воспитание добром и любовью. Наша бабушка — настоящий Макаренко. «Заслуженная макаренка России первой степени»...

— Доберусь я, узнаешь «макаренку», — пообещала Евдокия Михайловна. — Больше не вздумайте к чужим ягодам соваться...

— Куда там соваться-то, — сказал Никель, отправляя в рот полную ложку. — Все равно уже ничего не осталось...

— Ох, Никита. И тебя они переделали на свой манер, — пригорюнилась Евдокия Леонидовна. — Такой был мальчик... Хорошо, что хоть Ванечку не успеете испортить, уедет скоро...

Ничего хорошего Ваня в этом не видел. И тоскливое предчувствие отъезда заглушил двойной порцией смородины и глотком холодного молока. И утешительной мыслью, что «еще три недели»...

Это происходило на даче у Чикишевых, где Трубачи, Никель и Ваня проводили августовские

дни. Ваня отпросился сюда у Ларисы Олеговны, и та после долгих наставлений и после консультаций с Андрюшкиной бабушкой отпустила внука. Потому что пора ей, Ларисе Олеговне, было выходить после отпуска на работу в свою страховую компанию «Ариадна» (в контору, где, по словам Графа, заняты двумя делами: обсуждением новостей и отчаянными попытками ни за что на свете не выплачивать клиентам законные вознаграждения).

— Но только ты должен мне обещать, что не будешь там... — И дальше следовал бесконечный перечень того, что Ваня «не будет». Ваня охотно обещал исполнять все пункты, которые тут же забыл.

Дача была в тридцати километрах от Турени, на краю деревни Черкишево. Мальчишек отвезла туда на машине Графа неутомимая Марго.

И началось дачное существование. Неспешное, беззаботное и почти беспечальное. Слегка (а временами и не слегка) Ванину жизнь омрачали только два обстоятельства: то, что время движется к осени и что рядом нет Лорки.

Лорку родители наконец самым решительным образом затребовали из Турени на свой загородный участок. Ее старшая сестра готовилась поступать в институт, и «должен же кто-то помогать престарелым отцу и матери!». Правда, Лоркины мама и папа были не столь уж престарелые, они бодро трудились какими-то агентами в компании «Стройпланета» и обладали решительным характером. Много не поупрямишься. Но Лорка шепнула Ване: «Все равно удеру...» И это его слегка утешило.

Квакер уехал к дядюшке в Каменск.

Лика (в сопровождении Тростика, разумеется) отправилась в недельную экспедицию с юными живописцами из Дворца школьников — «на пленэр», как изящно выражались эти растущие таланты.

Тимофея Бруклина, по некоторым слухам, родители увезли на самолете в Геленджик. По другим слухам, он заперся дома и сочинял поэму, где были такие слова:

Онегин, если б мы однажды
Зашли с тобою в Интернет,
То пересохла бы от жажды,
Поскольку там киосков нет.
Нет ни воды там, ни ответа:
Как быть, коль рядом вовсе нету
Моей возвышенной любви?
Увы и ах, и се ля ви...

Впрочем, не исключено, что эти незабываемые строки он сочинял, валяясь на приморском песочке. Приятное с полезным...

В дачном домике было тесно (в нем обитала не только бабушка, но и Андрюшкины родители, и появившаяся в гостях тетушка), поэтому Трубачам, Никелю и Ване отвели под жилье пустой сеновал над сараем. Конечно, сначала заставили поклясться, что «ни свечек, ни спичек и вообще ничего *такого...*». Андрюшкина тетушка, дама весьма образованная, особенно нажимала на меры безопасности. Утверждала, что пубертатный период мальчиков (откопала где-то неслыханное Ваней словечко!) характерен для них «повышенным интересом к никотину». Но для этих четырех мальчиков он не был характерен. Ваня сроду не помышлял о курении, а Федя и Андрюшка, если и помышляли, то все равно не стали бы пробовать. Из солидарности с Никелем, для которого курение было «все равно, что головой о бронепоезд»...

По ночам заглядывали в щели редкие звезды и молодой месяц, орали на ближнем болоте лягушки (хотя, вроде бы, и не сезон был), пищали комары и вякали на краю леса «музоны» заезжих туристов.

Все четверо, еле волоча ноги от усталости, в су-

мерках являлись на двор, плескались под душем, ужинали молоком и свежей картошкой и у себя на сеновале валялись на тощие надувные (вернее, полунадутые) матрацы. На слушанье лягушек и любованье мерцающими звездами не оставалось времени. Мохнатый сон тут же накрывал прожаренные солнцем тела и лохматые, выгоревшие под лучами солнца головы.

Вроде бы никаких особых дел и не случилось, а к концу дня все мышцы сладко ныли от усталости. Из-за чего? Ну, гоняли футбол с местными пацанами (славными, недрачливыми), бултыхались в деревенском пруду (довольно чистом, в нем даже рыбки водились), загорали на песке (вернее, просто валялись кверху пузом, потому что загорать уже было некуда), ловили рыбу в речке Тараскульке (никого не удавалось поймать, но все равно было интересно). А еще собирали в ближнем лесу грибы. Ваня научился отличать маслята и грузди от поганок и гордился этим знанием природы. Ну и на грядках приходилось иногда проявлять усердие (а то «где мой мешок?»). И вот глядишь — еще один день пролетел.

Да, сон пытался сморить моментально, и все же Ваня ухитрялся урвать у него минуту-другую. Чтобы повспоминать. Когда вспоминаешь — время растягивается, заново дарит человеку прошлые часы и дни...

Ваня вспоминал, что было до отъезда на дачу.

До отъезда был Ванин день рожденья, в самом конце июля. Ваня про него почти не помнил и уж совсем не думал, что про него вспомнят другие.

Ну, поцелуи и объятия тети Лары (и новая алая

футболка с корабликом на пузе в придачу) — это понятно. Торжественное рукопожатие деда и его старый складной нож («Еще в студенческие годы в колхоз ездил с ним») — это не только понятно, а просто замечательно! Мамин «специально-поздравительный» звонок и обещание подарка «когда встретимся» — тоже хорошо (хотя для встречи *там* придется уехать *отсюда*, а это не очень весело).

А вообще-то мама звонила регулярно два раза в неделю. Один раз тете Ларе, другой — сыну. Тетя Лара подвергалась допросу: здоров ли Ваня, занимается ли чем-то полезным и как себя ведет. Лариса Олеговна сначала давала многословные отчеты, а затем стала отвечать более лаконично и с долей иронии. Мол, занимается археологическими раскопками, футболом и нырянием с баржи за пристанью (а это для мальчиков очень полезно, особенно в летнее время). Читает ли? Да, они отыскивали какую-то невообразимо древнюю книгу про путешествия и на своих сборищах штудируют ее по вечерам. Что за сборища? Ну, Ванечка свел тут знакомство с несколькими растрепанными мальчишками, двумя обаятельными девочками и длинновязым подростком, который пользуется славой хулигана и обалдуя... («А что я могу сделать? Ты сама всегда была сторонником демократического воспитания...») Какие отношения с дедом? Кажется, прекрасные. Обсуждают проблемы черных дыр, в которые скоро все мы скатимся. Один раз, правда, подрались, но потом помирились..

Ваня слышал в трубке отдаленные мамнины восклицания и просьбы «не шутить так». И возгласы, что футбол и ныряние могут привести к травмам...

Сам он маму успокаивал и говорил, что купание — безопасное, ребята — замечательные, Квакер (то есть Игорь Григорьев) никакой не хулиган,

а наоборот: недавно он трем здешним хулиганам так начистил портреты, что те больше носа не кажут в окрестностях... «Ну, как я выражаюсь? Нормально выражаюсь. Раз начистил...»

— Вот когда ты окажешься в корпусе, там тебе быстро укрепят навыки дисциплины... Плохо только, что папа вернется с гастролей лишь к октябрю и лишь тогда может заняться твоими делами. Но в корпус, говорят, можно быть принятым и в середине осени, если есть связи...

Ваня морщился и «переводил стрелки»:

— Ма-а! А когда ты отправишься в свой круиз? А ты успеешь вернуться из него к сентябрю?

— Нет, Ванечка. Тебе придется пожить первую неделю учебного года под присмотром тети Жанны, я договорилась. И походишь в прежнюю школу. А уж потом...

— Ма-а, ну тогда у меня к тебе просьба! Когда будешь на Гваделупе, раздобудь несколько серебряных монеток с кораблями... И узнай поподробнее про вулкан Матубу... Ма-ту-бу... И про форт, которым давным-давно командовал полковник Дельгре... Лу-и Дель-гре... Туда сейчас водят туристов... Ну, мне это очень надо!.. Что?.. Хорошо, буду... Хорошо, не буду... Хорошо, не забуду...

Похожим был и разговор в день рождения. Все то же. И лишь одно уточнение. В Москву Ваню отвезет бабушка Лариса Олеговна. Это гораздо лучше, чем лететь со случайным знакомым, как было на пути в Турень. Но все равно радостного мало...

Вот так. А то, что про день рождения знают ребята, Ваня и не догадывался. Как-то давно он упомянул о нем Лорке, но не думал, что она запомнила. А она... То есть «а они»...

Нет, не было ни подарков от каждого, ни шумных попыток «двенадцать раз дернуть за уши, что-

бы рос большим». Просто на сеновале у Квакера Лика выставила на верстак пластмассовую бадью с украшенным кремовыми узорами мороженым. Ване дали большущую деревянную ложку с выжженной надписью «Лопай, именинник!». А остальные взяли обычные ложки. Ване велено было зачерпнуть первому и побольше...

Мороженого хватило всем. И даже Тростик, обычно не желавший ничего есть, нынче не отказывался. Потому что «от мороженого, как и от арбуза, не толстеют».

Он за последний месяц изрядно отощал, его просторные шортики то и дело грозили съехать вниз. И особенно сегодня, потому что в кармане лежала большущая линза. Эту линзу Тростик нашел среди мусора на краю лога (какой балбес ее выбросил?) и нынче разглядывал сквозь выпуклое стекло всякие мелочи: сучки на досках, вяло бредущую по верстаку муху, собственный сбитый ноготь, а больше всего — стеклянную картинку с парусником, которую подарил в прошлом году Герман Ильич.

Тростик рассмотрел на паруснике много деталей, но, к сожалению, понял и то, что судно это — не бриг «Артемида». Во-первых, под бушпритом не было женской фигуры, а красовался усатый дядька в чалме. А кроме того, парусник был трехмачтовым, что никак не соответствовало понятию «бриг».

— Жалко, — вздыхал Тростик, очередной раз хватаясь за резинку на поясе.

И тут Ваню осенило:

— А может быть, и не надо жалеть! Может быть, эта картинка все равно имеет отношение к нашим делам... То есть к нашей истории!

— Это как? — спросил Тростик. А остальные (даже Матуба) глянули на Ваню с молчаливым вопросом.

— А вот так! — вдохновился Ваня. — Можно ведь представить, что у Максаровых, у которых жил Гриша Булатов, был волшебный фонарь, старинный фильмоскоп. Ну, вроде того, от которого у Германа Ильича есть подставка! И что эта картинка — от того фонаря!.. Вот они сидели по вечерам, рассматривали, а этот кадрик был у Гриши самый любимый... Может, с него все и началось...

— А может, и не с него... А может, и не было ничего, — кислым голосом сказал из угла Бруклин.

Лица издали проткнула его взглядом.

— Для человека, сочиняющего стихи (пускай даже совсем бездарные), полезно иметь хоть капельку воображения.

— Я понял. Я молчу, — отозвался Бруклин. И уныло замолчал. Его поняли и простили. Знали причину его мрачности. Ему не удалось проникнуть в состав экспедиции юных художников. Лица пытались хлопотать за него, но ей намекнули, что хватит, мол, и одного не склонного к рисованию участника — юного Трофима Зайцева...

Зато у других воображения хватало. Тут же заговорили, что волшебный фонарь у Максаровых вполне мог быть и даже что подставка с музыкальными лепестками (на которой художник Суконцев режет луковицы) вполне могла принадлежать именно этому фонарю. И если бы подставку принести сюда и перед началом «Артемидских фантазий» крутить валик и слушать музыку про стальной волосок, это было бы «самое то».

Никель негромко проговорил:

— Будто бы вернулись *те времена*. И будто бы *те ребята* приходят сюда, в наш кружок. Как тогда, у часов...

«А музыкальные лепестки на подставке — это будтомы все...» — появилась у Вани мысль. Но он

постеснялся высказать ее вслух и лишь позже поделился с Лоркой. И она сказала: «Ты молодец...»

Если есть идея, чего тянуть время! Оседлали велосипеды, покатали к Герману Ильичу. Застали его за «ужасно занудной работой» — грунтовкой холста. Он помахал испачканной в белилах пятерней.

— А у Вани сегодня день рождения, — без подготовки сообщила Лика.

— О-о! Мои поздравления... А почему не сказали заранее? У меня даже заварки для чая нет...

— А не надо чая, — объяснила Лика. — Ваня приехал выпросить у вас подарок. — (И Ваня чуть не провалился в подвал пакгауза, но заспорить не успел).

Герман Ильич осведомился с некоторой осторожностью:

— А что за подарок? Надеюсь, это не лучшая моя работа «Мальчик и Дон Кихот»?

— Не-е! — вмешался Тростик. — Нам нужно вашу дощечку от волшебного фонаря. Ну, ту, с музыкой... Для игры в «Артемиду».

— И всего-то! — воскликнул художник, явно счастливый, что отделался столь малой жертвой. — Сейчас принесу!

И принес.

Валик в окружении лепестков работал исправно. Тонкие жестяные пластинки без фальши воспроизвели мотив:

Тронет пружинку стальной волосок...

«Артемидная» команда не очень дружно, однако от души прокричала «спасибо».

— На здоровье... А не будет ли нескромностью с моей стороны поинтересоваться: в чем суть предстоящей игры?

Начали объяснять. Порой бестолково и сбивчи-

во, но в общем-то понятно. Как это здорово: сидеть в дружном кругу и открывать заново те события, которые случились давно. «С такими же, как мы, пацанами, только без компьютеров и мобильных... Они будто приходят и садятся рядом...»

— Да-а... вы творческий народ... Никита Кельников, а тебе эта тема для нового реферата.

— Нет! — Похоже, что Никель испугался.

— Почему нет?

— Это Ванин сюжет.

— Почему мой? — удивился Ваня. — Это общий...

— Не спорь, — строго сказал Никель. — Я понял: он твой. От начала до конца.

Может, Никель был прав. Когда собирались поговорить о Грише, о Павлушке, об «Артемиде», само собой получалось, что начинал Ваня. И часто — с таких эпизодов, которых раньше и сам не знал, но вдруг «обнаруживал» в своей голове. И они вплетались в цепочку уже известных событий...

Когда вернулись на сеновал и несколько раз прокрутили дребезжащий вальсок, к Ване пришла еще одна догадка:

— А наверно, у фонаря и в самом деле был ключик. Со стальным волоском. Волосок трогал пружинку, все заводилось, а на экране листались картинки... Не хуже, чем телевизор...

— Но пружинки-то нет, — заметил Федя.

И вдруг вмешался Квакер, который в общем-то не был склонен к фантазиям:

— Ну и что же, что нет. Можно ведь считать, что есть. «Как будто»... В книгах тоже многое «как будто», а читаешь и видишь, словно все по правде...

— Можно сделать картонную стенку, а в ней щелку для ключа, да, Ваня? — сказала Лорка и придвинулась ближе. — Игорь привезет из Камен-

ска ключик, мы его будем поворачивать... и все получится по правде. Будто колдовство...

Ваня хотел сказать что-то похожее, Лорка опередила. И он благодарно взял в ладони ее пальцы. (И опять скользнуло тоскливое опасение: а как я буду через месяц... совсем без нее... И он прогнал его сердитым толчком.)

3

А самый удивительный подарок Ваня получил в тот же день вечером. Он проводил Лорку до дома, и она не отпустила его, сказала чуть загадочно:

— Бабушка просила зайти...

— Зачем?

— Ну... *зачем-то*...

— Какой ты сегодня «именинный», — заметила Любовь Петровна, увидев его. Ваня был в этот раз не в потрепанной спортивной униформе с портретом Айвенго, а в новенькой алой футболке и светлых брючках до колен. И даже слегка подстриженный (стараниями Ларисы Олеговны).

— Самому удивительно, — улыбнулся он.

— Подходящий вид для получения подарка...

«Ну да, я так и думал...»

— Это подарок не только от меня, а еще и от моей давней подруги, с которой мы проработали вместе тридцать лет... Я как-то рассказывала ей про Лорочку и про то, как она подружилась с тобой, и упомянула, что ты необыкновенный читатель: увлекаешься Жюлем Верном. И Вера Михайловна дала мне для тебя одну редкую книгу... Вот...

— Ва-а... — шепотом сказал Ваня, взяв книжку в ладони.

Она была толстая, но меньше обычного формата. Растрепанная по углам, в темно-сером коленкорovém

переплете. Со стертой позолотой узорчатой рамки и чуть заметной надписью «Библиотека приключений» наверху. Внутри рамки — слабо различимый рисунок с матросами и мачтами, а под ним надпись:

Жюль Верн
ЗАВЕЩАНИЕ
ЧУДАКА

— Возможно, у тебя есть этот роман, — сказала Любовь Петровна. — Но наверняка в другом издании. А это... оно вышло в сорок первом году, за два месяца до начала войны.. И небольшим тиражом. Едва ли до нашего времени сохранилось много экземпляров...

Ваня и без объяснений понимал, что это за издание. Довоенный выпуск «приключенческой рамки»! При одном взгляде на такую книжку у знатоков замирала душа...

А Любовь Петровна продолжала:

— И обрати внимание на экслибрис...

На левой странице титульного разворота, выше слов «МОСКВА 1941 ЛЕНИНГРАД», был оттиснут лиловый знак: восьмиконечная роза ветров, а повыше ее — кучевые облака и пробивший их острокрылый самолет. По нижнему краю оттиска шла мелкая надпись: «Из книг Александра Юхманова».

— Ой... У меня такой, конечно, нет... — выговорил Ваня. — Я этого романа даже и не читал. Только слышал про него... Не мог найти ни в библиотеках, ни в сети... Любовь Петровна, спасибо вам вот такое, до потолка... И... Вере Михайловне... А кто такой Александр Юхманов?

— Это старый дядюшка Веры Михайловны. Он умер в Ленинграде около двадцати лет назад. Кстати, оставил после себя прекрасную библиотеку. Вера Михайловна привезла книги сюда. И эту вот

выбрала для тебя. Сказала: «Пока мальчики читают Жюль Верна, есть еще надежда на будущее...»

— Спасибо... — опять выдохнул Ваня.

Лорка заглядывала ему через плечо.

— Там такие интересные картинки. Старинные. Я смотрела...

— Да, иллюстрации прекрасные, — подтвердила ее бабушка тоном старого библиотекаря.

— Любовь Петровна, а почему на экслибрисе самолет? Александр Юхманов был летчик?

— Да, летчик северной авиации. Во время войны он сопровождал караваны союзников, которые везли нам по морю оружие и продукты. Его подбили, он спасся, но потерял ногу. Однако воевать не перестал, сделался корреспондентом флотской газеты. А после войны выпустил несколько книжек... У этого человека вообще любопытная судьба. Оказывается, он наш земляк...

— Из Турени? — уточнил Ваня.

— Да, — улыбнулась Любовь Петровна. — Но ты ведь теперь тоже немножко из Турени, не так ли?.. Маленький Саша Юхманов родился здесь и рано остался сиротой, его воспитывала тетушка, музыкантша кинематографа. В семь лет она увезла Сашу в Тобольск, там их застала Гражданская война, и тетушка, чтобы спастись от всех невзгод, села с мальчиком на пароход «Охотник»...

«Ой-ой-ой... — толкнулось у Вани предчувствие новых загадок-разгадок. — Ой, не может быть...»

— Я знаю, — опять улыбнулась Любовь Петровна. — В тебе сейчас звенит нетерпеливая струнка «ой-ой-ой»... Да, это тот самый пароход, которым командовал капитан Булатов. В прошлом — юнга с «Артемиды»...

— Значит, «Охотник», а не «Охотница»... — бормотнул Ваня. И снова «раскрыл глаза и уши».

— «Охотникъ». С твердым знаком на конце... Капитан Булатов сумел вывести пароход в Обскую губу, там его встретил корабль экспедиции Вилькицкого. Война войной, а полярные исследования шли своим чередом... Моряки пересадили к себе экипаж и пассажиров «Охотника». Всех, кроме капитана. Когда пришли к нему в каюту, он лежал на койке неподвижный. Не выдержало сердце...

— А где его похоронили? — прошептал Ваня (и вспомнил почему-то Агейкину плиту).

— С пароходом, — вздохнула Любовь Петровна. — «Охотник» был изношен, остался без топлива, его решили затопить. Сделали пробойну выстрелом из пушки. Он пошел на дно со своим капитаном...

— Как «Наутилус» с капитаном Немо, да? — шепнула у Ваниного плеча Лорка.

Ваня кивнул, а Любовь Петровна сказала:

— Именно так. И маленький Саша Юхманов был свидетелем этого... И вот еще — добавление к подарку. Осталась Сашина фотография той поры. Ее сделали в Архангельске, вскоре после того, как Саша и тетушка приплыли туда на корабле...

Любовь Петровна достала из плотного конверта снимок. На нем — на фоне размытой декорации с водопадом и скалами — стоял мальчик лет девяти. В матросской курточке, в брючках до колен (почти таких же, как у Вани, только с пуговками по бокам), в ботинках с высокой шнуровкой. В большом берете...

— Это слегка увеличенная копия, — объяснила Любовь Петровна. — Довольно четкая... Обрати внимание: с краю на берете отверстие. Летчик Юхманов утверждал потом, что это пробойна от пули. «Охотник» во время плавания обстреляли с берега, и мальчик едва не погиб. Он не разрешал штопать

берет, потому что гордился этим приключением... Вот, держи...

— Это... тоже мне?

— Разумеется... В Архангельске были белые и англичане, и с ними можно было уйти за границу, но Саша и его тетя не захотели. Каким-то образом они потом оказались в Ленинграде, и Саша сумел сделаться летчиком, хотя, как говорится, происхождение у него было «сомнительное» и «непролетарское»... И вот еще факт — весьма интересный для вашей «артемидовской» компании. Александр Юхманов во время войны познакомился с пилотом транспортной авиации по фамилии Булатов. И говорил, что это был внук капитана Булатова. Потому они и подружались. Но после госпиталя Юхманов потерял следы Булатова. Кажется, тот погиб...

— Опять столько всего... набралось... — прошептал Ваня.

— Закон магнитного стержня, не так ли, — улыбнулась Любовь Петровна. — Мы недавно обсуждали его с твоим дедушкой. Виделись на днях. Он иногда все же заглядывает в наш клуб...

— Выходит, он все знает про капитана Булатова?! А мне ничего не сказал!

— Не хотел портить книжный сюрприз... Я и Лоре ничего не рассказывала до сегодняшнего дня. У моей внучки масса хороших качеств, но есть один недостаток: она не очень умеет хранить секреты...

— Я умею, если знаю, зачем хранить, — разъяснила Лорка. — А если непонятно зачем, то зачем?

Они посмеялись втроем, и Любовь Петровна сказала:

— Зато сегодня у тебя и у дедушки будет, о чем поговорить...

И они говорили. До ночи. За окнами время от времени трещал и рассыпался цветными гроздьями фейерверк. В честь Дня Военно-морского флота. Турень не был морским городом, и официальный салют ему нынче не полагался, но какие-то клубы и общества все равно отмечали праздник «огненными потехами». И правильно! Во время войны в Турени строили бронекатера. Отсюда уходило на флот множество народа. И на гербе города был кораблик с вытянутыми по ветру флагами...

А в углу у электрокамина бормотал портативный телевизор — просто так, чтобы не прошла мимо какая-нибудь новость. Но ничего нового не было. «Грузия, Абхазия, Осетия, Кодор, полеты над территориями... НАТО, Украина, Крым... Америка, террористы, Ирак...»

— Граф, — сказал Ваня. — Ты вот живешь на свете столько лет. Столько видел и помнишь. Неужели так было всегда? Стрельба, стрельба, стрельба...

— Всегда, — сказал дед. — Всем заправляют политики. То есть те, кто очень любит власть. Больше, чем тайны мироздания, творчество и радости человеческих отношений... Вот и создавай для таких искусственный интеллект.

— Ты вот создаешь все-таки...

— Не столько создаю, сколько стараюсь, чтобы он не попал в руки дураков... И мерзавцев...

— Граф, а кого на свете больше? Тех или других?

— Поровну, — сумрачно сказал Граф. — К тому же одно не исключает другого...

— Граф, а что делать?.. Ну, чтобы не становилось все хуже?..

Дед усмехнулся:

— Любовь Петровна тебе сегодня объяснила: мальчишки должны больше читать Жюль Верна...

— Граф, я ведь серьезно...

— И я...

— Сейчас мало читают, — неохотно сказал Ваня.

— Но ваша-то компания читает... Особенно этот удивительный Трофим Зайцев... Пришли тогда толпой, расселись в комнате, а этот субъект — сразу к стеллажам с раритетами. Я говорю: «Сударь, это старинные книги, вы не разберете...» А он: «Делов-то... » И смотрю: уткнулся в «Дон Кихота» конца девятнадцатого века...

— Тростик может... Он «Путешествие на бриге «Рюрик» осилил за несколько дней... — Ваня потянул со стола и снова повернул к себе снимок Саши Юхманова. — Граф, а вот он тоже, наверно, с малых лет книжки любил. Иначе не стал бы собирать библиотеку...

— Само собой... — сказал Граф.

— Вот... стоит и смотрит, как живой...

У Саши Юхманова было дружелюбное и в то же время смелое лицо. Пухлые губы и оттопыренные уши. «Наверно, как у Квакера в начальных классах», — подумал Ваня.

— Граф... его мы тоже запишем в нашу компанию...

— Кого? Этого морячка?

— Ну да!

Дед смотрел непонятно. Чуть печально и вроде бы с вопросом. Ване показалось, что он понял вопрос:

— Граф, а тебя мы давно записали! И Рема... Только не такими, какими вы стали потом, а такими, когда были, как мы...

Дед потянулся, взял у Вани фотографию, подержал перед собой. Уголком почесал подбородок.

— Ну, что ж... Спасибо за честь...

На следующий день Константин Матвеевич отсканировал и распечатал десяток снимков Саши Юхманова. Ваня раздал их каждому из друзей...

...Вот это все и вспоминал Ваня на дачном сеновале, прежде чем провалиться в кружение спутанных снов...

Красные капельки

1

Иногда хотелось одиночества. Не только Ване. Даже неразлучные Трубачи и Никель вдруг расходились по сторонам и бродили каждый сам по себе. Наверно, чтобы лучше впитать в себя лето, запахи созревших трав и звон кузнечиков. И подумать каждый о своем, вспомнить что-то...

Пошел Ваня однажды по лугу, сплошь поросшему высокой травой с зонтиками желтых соцветий. Луг полого спускался к Тараскульке. Оттуда доносились голоса местных ребятишек. Ване сейчас не хотелось встреч, он повернул на север, спиной к солнцу. Солнце привычно поджаривало плечи сквозь выгоревшую ткань. Она стала совсем белесой, куда девалась ее ультрамариновая окраска! И портрет Айвенго на груди стал почти бесцветным, из него торчали разлохматившиеся нитки. Трава гладила ноги, цветы оставляли на штанах и рубашке золотисто-серую пыльцу. На плечи садились невесомые пушистые семена. Все это говорило, что от лета остается лишь четвертушка, не больше. Вот и густой иван-чай отцветает — вместо розово-лиловых свечек появились мохнатые длинные головки. А теплые кучевые облака теперь уже с животами пепельного цвета — признак того, что не за горами осеннее ненастье...

А придет оно, ненастье это, и тогда — что? Где будет шестиклассник Повилика, с кем?.. С прежними ребятами, в привычном классе? Ну что, ребята как ребята, никогда с ними Ваня не ссорился, делить было нечего... А чем делиться — было? Тайнами старых карт, загадками давних плаваний? Послушают, покивают, скажут с пониманием: «Про это игрушка есть на ди-ви-ди, «Открытия Колумба». Хочешь, дам? А ты мне что-нибудь про звездных флибустьеров...» А если с кем-нибудь куда-нибудь вместе? С кем, куда? Разве что на экскурсию в Бородинскую панораму или в Зоологический музей...

А что будет в музыкальном корпусе?

Квакер однажды смотрел, смотрел на Ваню как-то непонятно и вдруг сказал строчку старой песни:

Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты...

— Что? — не понял Ваня.

— Говорю: не твое это дело — военная музыка.

— С чего ты взял! — ошетинился Ваня. Как-то обидно стало: почему Квакер вдруг полез в его дела? Те, в которых Ваня и сам еще не может разобратся...

— А чего хорошего? Думаешь, сделают тебя дирижером кремлевского оркестра? Научат пикировать на флейте, и станешь рядовым капелдудкиным в гарнизонной музыкальной команде...

Ваня ошетинился еще старательнее:

— Ну и что? Не всякий музыкант — Башмет или Ростропович. Обычные тоже нужны. Что здесь плохого?

— Да ничего, — миролюбиво согласился Квакер. — Только если человек любит это дело. А тебе оно, как я понимаю, по фигу...

Квакер явно не хотел сказать плохого. И Ваня не хотел ссориться. Он ответил:

— А что делать-то? Меня и не спросят...

— Упрись...

— Ну, упрись... А что взамен?

В самом деле — что? Если обычная школа, то ведь все равно...

«Эй, Повилика, там за тобой приехали!» И домой... И вечер все с теми же уроками. Или с дисплеем Интернета, где, как ни старайся, не найдешь родную душу. И к тому же: «Ваня, я много раз объясняла, что это очень дорого. А твой папа, как всегда, не спешит с алиментами...» Или телевизор с осточертевшей стрельбой, набившими оскомину мультиками и задерганными гитаристами, которые понятия не имеют о музыке. И с обязательными девицами без юбок...

Ваня перешел желтый луг и оказался у электромачты с оборванными проводами. Под мачтой лежал в клевере бетонный блок. На блоке сидел Никель.

Он сидел, наклонив плечи и голову и в опущенных руках, между колен, держал книжку «Мифы Эллады». У Вани с собой тоже была книжка. Разумеется, «Завещание чудака». Никель и Ваня разом посмотрели друг на друга. Никель улыбнулся. Не из вежливости, а хорошо так: видно, по правде был рад, что они встретились.

Ваня спросил:

— Можно, я тут посижу?

Никель торопливо подвинулся, хотя места на плите было на десятерых. Оба сразу поняли, какой получился анекдот. Засмеялись. Ник даже откинулся назад, вскинув колени. Книжка раскры-

лась, в клевер упал из нее фотоснимок. Тот самый — Саша Юхманов, мальчик в простреленном берете. Никель, кажется, смутился, но Ваня тут же сказал:

— А у меня тоже... вот... — Потому что в книгу Жюля Верна вложена была такая же фотография.

Сели рядом. Оба положили снимки себе на колени. Саша смотрел приветливо и словно ждал чего-то.

— Мы будто вдвоем, да? — сказал Никель.

— Да. И мы, и он... или его душа...

Почему Ваня сказал про душу?

Другому бы не сказал, но Никелю... Ване всегда чудилась в нем загадка. Словно Никель, побывавший *на краю*, больше других понимал в тайнах бессмертия душ, в загадках вечности...

Ник не ответил, только кивнул — понятно так. И опять согнулся, опустил снимок между колен.

Ваня набрался смелости. Показалось, что подходящая минута для вопроса:

— Ник... а страшно было перед операцией? Ведь будто... уходишь куда-то...

Никель посмотрел сбоку и ответил... вполне легкомысленно:

— Да ни капельки! Делают успокоительный укол, говорят, что все будет в порядке, и тебе — до лампочки... Я даже и не помню, как давали наркоз. Запомнил только, как везли по коридору в операционную, а потом проснулся уже в палате. И врач говорит — все в порядке...

Ваня разочарованно молчал. Не оказалось никакой тайны.

Никель, кажется, понял его.

— Я ждал знаешь чего? Думал, что, когда опера-

ция на сердце, серьезная такая, душа взлетает под потолок и наблюдает оттуда. И ты видишь себя будто со стороны. Про это много всяких историй... Я потом спросил Андрея Евгеньевича, нашего доктора. А он засмеялся. Говорит, что такое бывает лишь в состоянии клинической смерти, когда человек больше, чем наполовину, уже на том свете... «А у тебя, — говорит, — душа крепко сидела внутри, расставаться с телом не хотела, поэтому и кончилось все хорошо...» Я говорю: «Но значит, душа все-таки есть?» А он засмеялся опять: «У хороших людей обязательно есть. А у кого нет — они не люди, а биороботы...»

— Дед говорил, что существуют всякие энергетические поля, — вспомнил Ваня. — Их природа еще неизвестна, но они есть. И, может, как-то связаны с нашими душами... Например, Всеобщее информационное поле...

— Конечно. Он зря не скажет, — согласился Никель.

Они посидели молча минуты две, слушая всякое стрекотанье в траве и гудки на недалеком шоссе. И девчоночий сердитый голос на берегу Тараскульки:

— Витька, я скажу маме, что ты опять лазал на тот берег!

— Ну и что? Тут глубина меньше, чем по пузо!

— Вот мама даст тебе по пузу! С другой стороны!

— Ябеда!..

Никель и Ваня подняли глаза, чтобы глянуть друг на друга и улыбнуться по поводу такой перепалки. И улыбнулись. И увидели, что через желтые цветы к ним идет Лорка.

Лорку привез Квакер. На багажнике своего велосипеда. Потому что Лоркин велик «стал совсем утиль и надо горбатиться неделю, чтобы довести его до ума». Так объяснил Квакер. Но, скорее всего, он просто понимал, что путь в тридцать километров по ухабистым обочинам — это не для «девицы, похожей на кузнечика в юбке». Впрочем, Лорка приехала в мальчишечьих бриджах и не менее мальчишечьей майке-безрукавке — с пиратской рожей на животе.

Остатки ее расплетенных и остриженных косичек лохматились и курчавилась. А плечи крупно шелушились от загара. Ваня пошел навстречу. Снял с Лорки невесомый пластик кожи и пустил по ветру.

— Хочешь, я всю шелуху с тебя счищу, как с молодой картошки?

— Хоть бы «здрате» сказал, — притворно надулась Лорка.

— А это и есть «здрате»...

— Лорка, ты как нас нашла? — спросил с плиты Никель.

— Да я еще с прошлого года знаю, что это твое любимое место!

— Вот как! И теперь всем звонишь об этой тайне!.. Убирайтесь отсюда оба! — Ник прекрасно понимал, что Ване и Лорке хочется побыть вдвоем.

— Может, вместе побродим? — сказал Ваня из вежливости.

— Идите, идите. Не мешайте читать про древних греков. Это были благородные герои, не то что некоторые...

Лорка и Ваня посмеялись и пошли. По плечи в желтых цветах.

Лорка сказала, что вернулась в Турень вчера утром. И в это же время приехал из Каменска Квакер.

— Теперь он болтает с Трубачами, а я, Ваня, сразу пошла искать тебя...

— Ты молодец!

— Да... Ваня, Квакер ключик привез. Такой замечательный...

— Ух ты! Пошли скорее, я хочу посмотреть!

— А не надо идти, он у меня... — Лорка вытащила из брючного кармана спичечный коробок, выдвинула ящичек.

— Ух ты... — опять сказал Ваня. Серебристый ключик сверкал, будто в кадре фильма про всякие волшебные шкатулки. Разлетались маленькие лучи. Длинною ключик был сантиметра три, а еще на полсантиметра торчало из стерженька тоненькое прямое жало.

— Стальной волосок. Да, Лор?..

— Конечно. Как в песенке... Теперь все будет...

— Что будет? — шепнул Ваня.

— Ну... как мы хотели. Повернул ключик — и всё по правде...

Ваня осторожно выложил ключик на ладонь. Покачал, как бабочку.

— Ваня... — сказала Лорка щекочущим шепотком.

— Что?

— А пусть это будет ключик не только для волшебного фонаря. А?.. Пусть еще для острова Гваделорки...

Сперва радость прокатилась по Ване горячим шариком. Однако почти сразу выскочило опасливое «но»...

— Но...

— Никому ведь это не помешает, — чуть вино-

вато объяснила Лорка. — Бывают ведь ключики, которыми можно открывать не одно, а много волшебных дверей. Никто не обидится, если узнает... Мы будем брать его иногда, а потом возвращать всем... А можно просто считать, что он *всегда* у нас...

«В самом деле... И я буду так считать — там... когда уеду».

— Лорка, ты правильно придумала! Пускай так и будет...

Они еще полюбовались ключиком и спрятали в коробок.

— Лорка, видишь тот пригорок? С березкой. Давай поднимемся на него.

— Зачем?

— Поглядим вокруг. Я там еще не бывал.

— Тогда пойдем! Конечно... только... через речку же надо...

— Ну и что? Скинем штаны-майки и перейдем.

— Ваня, это нехорошо...

— Ох и бестолковая...

— Ну, правда же нехорошо. Мы же обещали дома, что купаться будем только все вместе...

— Мы и не будем купаться! Там по колено!

— Если по колено, зачем скидывать?

— Ну... а вдруг споткнемся и нечаянно плюхнемся по плечи?

— Хитрый...

— Ага... — засмеялся Ваня.

У воды они сбросили все, кроме трусиков, ухватились за руки и ступили в речку. Но Лорка вдруг качнулась назад:

— Ой, а ключик...

— Он же в твоём кармане. Никуда не денется. Здесь не бывает жуликов...

— Но мало ли что... Вдруг...

В самом деле! Если пропадет одежда — полбе-
ды, а если ключик... страх подумать! Ваня выска-
чил назад, вытряхнул из Лоркиных бриджей коро-
бок, сунул в кармашек на плавках.

— Серебро не ржавеет...

И они пошли через пятиметровую речку, и на
середине Ваня «нечаянно» запнулся и шлепнулся
животом и дернул за собой Лорку. Она радостно
завизжала. И сказала в воспитательных целях:

— Совершенно бессовестный...

— Ага, — опять согласился Ваня.

Мокрые, они опять пошли среди высоких со-
цветий, и желтая шелуха лепестков липла к пле-
чам. Поднялись на плоский пригорок с подсохшей
травой и редкими ромашками. Остановились у
притихшей в теплом безветрии березки.

Солнечные, но с сероватыми животами облака
неподвижно висели над лесостепью — словно
поднявшиеся с океанов и приплывшие сюда ост-
рова...

Ваня и Лорка встали, прижавшись друг к
дружке плечами, и сделались частью этого гро-
мадного лета. И... распахнувшейся среди облаков
Гваделорки...

— Ваня... достань ключик, а?

— Сейчас, — заспешил он, чтобы сказочное
чувство не ушло.

Ключик улегся поперек коробочки, воткнулся
волоском, не хотел почему-то наружу. Ваня колу-
нул его, дернул сильнее. Ключик выскочил, Ваня
поймал его на лету и...

— Ой... — стальная колючка ткнула его в указа-
тельный палец. Ваня потянул палец к губам, чтобы
слизнуть красную капельку.

— Подожди... — шепнула Лорка. Легонько взя-
ла его за кисть руки, притянула палец с капелькой

к себе. Лизнула. И засмеялась. И сказала опять: — Подожди... Дай...

И девочка, которая всегда боялась царапин и порезов, отважно ткнула свой мизинец стальным волоском. И выжала каплю, похожую на божью коровку. И глянула Ване в глаза.

Он, конечно же, понял сразу. Нагнулся и вмиг слизнул «божью коровку», ощутив на языке секундную солоноватость...

Это не было ни клятвой, ни обрядом, ни колдовством. Лизнули — и дело с концом. Что такого? Просто теперь в них было по капельке крови друг друга... Спасибо ключику...

Они постояли еще, помолчали, взялись за руки и пошли обратно. И, едва спустившись с пригорка, попали в плен.

Навстречу выскочили четыре размалеванных глиной и вареньем индейца с перьями в рыжих волосах. То есть рыжими были только двое — братья Ишимцевы, Петька и Кирилл, Ванины ровесники. А два других — по годам вроде Тростика — белокрысы. Шурик и Митька. Все четверо грызли огурцы (явно не со своих огородов).

— Руки вверх! — сипло потребовал круглоголовый Митька и натянул самострел с бельевой резинкой.

Ваня и Лорка послушно подняли руки, лизнув при этом уколотые пальцы.

— Вы сразу будете наши скальпы снимать? — спросила Лорка. — Или подержите в плену?

— Конечно, подержим, — пообещал рыже-кудрявый Кирилл. — Сразу — какое удовольствие?

— Дайте тогда по огурчику. Пленных надо кормить...

Кирилл счел требование Лорки справедливым. Вытащил из кармана обвисших трикотажных шта-

нов огурец, протянул ей. А его брат Петька дал такой же Ване.

Пленники сказали «спасибо» и захрустели.

Кирилл спросил у Вани, кивнув перьями на Лорку:

— А это что за храбрый бледнолицый? Раньше не встречали тут...

— Братишка, — сказал Ваня.

— Тоже из Москвы, что ли?

— Нет, в Турени живет...

— Ребя, он врет, — разоблачил Ваню белобрысый Митька и снова натянул самострел, в котором не было стрелы. — Это Лорка Казанчук, она в прошлом году приезжала к Чикишевым. Только у нее были косы. Вот такие... — он показал согнутый мизинец.

— Ну и что же, что Лорка, — не растерялся Ваня. — Значит, сестренка. Не все ли равно?

— Никакая не сестренка, не заливай! — возмутился белобрысый Шурик. — И живет не в Москве, и не похожи вы вовсе...

— Мало ли кто где живет, — сказал Ваня. — Всякое бывает. А то, что не похожи, зря не говори. Погляди, у нас даже родинки одинаковые. На спине. Он повернулся спиной к «индейцам» и повернул за плечи Лорку. Знал, что у нее и у него под левыми лопатками до сих пор темнеют шрамики размером с ноготь.

— Правда... — согласился Кирилл, когда они повернулись опять.

А его брат Петька пригляделся и пришел к выводу:

— В лицах тоже есть такая... одинаковая портретность...

— Ну, вот видите, — подала голос Лорка. — Индейцы всегда судят справедливо. Они знают закон...

— А вы родные или двоюродные? — спросил Митька с самострелом.

— Кровные, — объяснил Ваня. — Ладно, мы пойдем. Снимете скальп в другой раз. Пока...

Квакер уехал в тот же вечер, а Лорка осталась. Она обещала Любви Петровне вернуться с остальными мальчишками. Через несколько дней.

За эти несколько дней они сыграли с «индейцами» в футбол, помогли им соорудить и запустить змей сложнейшей конструкции (Федя был специалист), придумать вечером на сеновале кое-какие подробности про «Артемиду», а также поймать в лесу, принести домой и приручить рыжего одичавшего кота. Евдокия Леонидовна дала ему имя Туркин (почему — неизвестно). Кот не возражал.

Домой в Турень поехали автобусом, все вместе — ребята, Евдокия Леонидовна и кот. В дороге Туркин вел себя хорошо...

Диверсия

1

Оказалось, что Лика и Тростик уже вернулись из экспедиции. Это была хорошая новость. Но была и плохая: кто-то отравил Матубу.

К счастью, не насмерть.

Матуба лежал на сеновале, почти не двигался, смотрел мутными глазами. Иногда его сотрясала рвота. Эту жуткую картину Ваня и Лорка увидели, когда прибежали на сеновал Квакера. Квакер сидел над Матубой и беспомощно гладил его кудлатый бок. Здесь же были Тростик и Лика. Тростик

всхлипывал в уголке, а Лика терзала мобильник, пытаясь узнать в справочном адреса ветлечебниц. В справочном говорили «девочка, не мешай работать» или давали адреса у черта на куличках. Никакие выездные бригады не отзывались...

Ваня выхватил свой телефон.

— Граф, помоги спасти собаку! Нашу! Общую!.. Ну да, Матубу! Какая-то сволочь отравила!.. Ну, пожалуйста! Пусть Марго приедет и отвезет в лечебницу. Нам самим его туда не утащить! А домой врачи не едут!..

Марго примчалась на улицу Герцена, к воротам Квакера, через десять минут. Деловитая. Ничуть не сердитая на ребят. Помогла уложить Матубу на застеленное мешковиной заднее сиденье. Квакер сел рядом с псом. Ваня — на переднее сиденье. Остальные остались ждать и мучиться неизвестностью (и Лорка тоже — некуда было посадить).

Марго знала все. В том числе и адреса лечебниц. Покатали в тот же район, где был копировальный центр и Загородный сад (Ване в этом почудилась хорошая примета). Затормозили у белого двухэтажного дома с синими крестами на дверях. Марго решительно ушла внутрь, вернулась через две минуты и сказала Квакеру:

— Понесли...

И они вдвоем потащили беднягу в полутемный вестибюль с запахами йода и горьких снадобий. Ваня беспомощно шел следом. Потом пса укатали на длинной тележке за белую дверь, а Ваня остался на клеенчатой, противно-теплой клеенке, которая липла к ладоням.

И сидел, и ждал, и отвечал на робкие звонки, что «ничего еще не известно». Вышла Марго и сказала, что вернется через час, раньше тут не спра-

вятся. Затем вышел Квакер. Объяснил, что «там всякие промывания и уколы» и что «просили не мешать».

Выглянул дядька в белом халате, поманил Квакера. Тот испуганно ушел и скоро вернулся с озадаченным лицом.

— Спрашивают, сколько мы можем заплатить за лечение. У них процедуры разных уровней... Я не знал, что за собак тоже платят.

— Дед, — опять сказал Ваня в трубку. — Тут, оказывается, деньги нужны. Сколько можно пообещать?

— Сколько угодно! Марго привезет с запасом... И больше не мешай работать, у меня совет!

— Скажи, что я потом отдам... — шепнул Квакер.

— У него совет, — объяснил Ваня.

...О том, что Квакер обещает вернуть деньги, Ваня сказал Графу позже. Узнал в ответ, куда «вся ваша антильская банда» должна с этими деньгами идти, и с удовольствием передал адрес Квакеру.

— Ну, профессор... — уважительно сказал Квакер.

Но это было потом. А в тот вечер — всякие беспокойства и хлопоты. Привезли Матубу обратно, бегали по всяким аптекам с рецептами — не везде ведь есть лекарства для зверей. Не смогли купить одноразовые шприцы. («Это вы чего еще надумали! — орала грузная аптекарша. — Я вам покажу шприцы! Я вам покажу собаку! Я вас в милицию!...») Пришлось идти в аптеку маме Квакера.

Квакер сам делал Матубе уколы. Матуба два дня лежал пластом, не ел, потом стал приходить в себя: шевелить хвостом и улыбаться розовой пастью...

А в первое утро после ветлечебницы, сидя рядом с псом, Квакер повторял:

— Ну, кто мог подсунуть ему отраву? Он же ничего не берет у чужих!

— Может, съел чего-нибудь на помойке? — сказала Лика.

— Не ест он на помойке, он же не бродячий!.. Это какие-то гады его обманули! Поймать бы хоть одного!..

«Хоть одного» поймали в тот же вечер. В сумерках. Вечера августа были уже звездные и темные. В девять заходило солнце, в то же время пряталась и полная луна. А расходиться не хотелось. Жаль было оставлять Квакера с беспомощным Матубой. Сидели на темном сеновале, изредка помигивая фонариками, чтобы не казалось, что ты в «полной дыре коллайдера». (Лишь Бруклина не было, не приехал еще.) Перекидывались словами. И услышали на дворе шуршанье, бряканье и шорохи.

Это явно был злоумышленник. Видимо, он считал, что грозный пес Матуба совсем уже не дышит, а хозяин его сидит дома, потому что ни в сарае, ни в окнах — ни лучика. И был этот злодей схвачен бесшумно и стремительно, когда замахивался охотничьим топориком на циферблат солнечных часов.

Ну, прямо кадр из кино! Слепящие вспышки фонарей, быстрые тени, перепутанные глаза, круглый рот и глупый вопль: «Я больше не буду!»

— Да это Косой, — брезгливо сказал Андрюшка Чикишев. — Из Рубиковой мелкотни...

— Я больше не буду!..

— Конечно, не будешь, — устало согласился Квакер. — Потому что пришел конец твоей ник-

чемной жизни. Люди, как вы думаете? Сразу утопить под мостом или сначала выпороть?

— Сначала... — сказал Федя, который во всем любил полноту и завершенность. — А родителям отнести кроссовки, они новые...

— Я бо...

— Иди и не дрыгайся, — велел Квакер.

Пленника привели на сеновал. Он обмяк и не мыслил о сопротивлении. Включили яркую лампу. Косой оказался костлявым пацаном, похожим на зайца с прижатыми ушами. Его прислонили к косяку.

— Говори, — велел Квакер.

— А чё...

— Говори! — рявкнул Квакер. — Кто отравил собаку?!

— Это не я! Я не знаю!.. Я ничего не знаю, только часы! Рубик сказал: ты тощий, ты пролезешь в любую щель. Пролезь и расколоти... А собаки, говорит, не бойся, она сдохла... Ну, не я это, правда!

Было его жаль. И кажется, больше всех — Тростику. Тот смотрел круглыми глазами и словно хотел что-то сказать, но не решался.

И все же сказал:

— Ребята, отпустите его...

— Живого? — ехидно спросил Квакер. И опять рявкнул: — Слушай меня, ты! Инфузория... И скажи своему Рубику... — Он качнулся к «Инфузории». Тот закрыл лицо локтем. Ване вдруг показалось, что сейчас у Косого намокнут спереди его обвисшие трикотажные треники. Нет, пока такого не было. Ваня поднял глаза и увидел другое — острый локоть Косого весь был в крови. И Лорка увидела. И раньше Вани подскочила к пленнику.

— Это у тебя что?

— Что? — бормотнул из-за локтя Косой.

— Кровь. Откуда?

Косой опустил руку.

— Да это бзя... Коросту в щели содрал...

— Сам ты бзя, — сказала Лорка. — Ребята, где коробка с бинтом и йодом?

— Не на-а...

— Не вякай, — приказал Квакер. — А то и правда выдерем.

Напуганный Косой больше не вякал. Ему замотали руку, и он ждал, что будет дальше.

— Мотай отсюда, — велел Квакер. — А Рубику скажи: кто еще сунется к моему двору, может считать себя фаршем для крабовых палочек... Понял, ты?!

— А... ага...

— Вот и хорошо, что «ага»... Гуляй, на фиг, террорист долбанный... А если полезешь снова, возьми с собой капсулу с цианидом...

— Чего?.. — заморгал несчастный.

— Моментальный яд. Чтобы не мучиться, когда поймает...

— Не! Я не...

— Ну и сгинь...

Все раздвинулись, чтобы дать Косому пройти к ступеням. И он пошел, обвиснув плечами. Но у самого выхода вдруг оглянулся.

— А можно я...

— Чего еще? — угрюмо сказал Квакер. — Гуляй, пока живой...

— А можно я... еще к вам... приду?

Ну, кто мог ожидать такого?

— На фиг? — спросил прямодушный Федя.

— У Рубика... только пинают и лаются...

— А здесь будут кормить мороженым, — сказа-

ла Лика. — Пусть приходит. Мне нужен типаж для одной композиции. Затюканный юнга на пиратской шхуне.

— И что ты будешь у нас делать? — спросил Ваня. Со смесью интереса и жалости.

— Не знаю... Что скажете...

— Ты всегда делаешь все, что скажут? — спросил Никель. — Лишь бы не пинали?

— У него жизнь такая, — рассудил Андрюшка. — А может быть, мы выстругаем из него человека? Как буратину...

— Ладно, гуляй... — опять сказал Квакер. — Если заглянешь в гости, сразу не застрелим... А будешь шпионить — позавидуешь тем, кто в пекле...

— Не... я не буду...

Косой постоял еще секунду и стал спускаться. Ступени под ним скрипели, как под грузным дядькой.

— Может, правда придет?.. — как-то виновато проговорила Лорка.

— Да не придет он, — веско возразил Квакер. — Сейчас его пожалели, и захотелось сюда, где хорошо... А Рубик возьмет его в работу, даст накачку, и пойдет Косой снова творить, что велено. Своего-то ничего у него нет...

— Я вот иногда думаю, — заговорил из своего угла Никель. — Почему они такие? Ну, которые вредят без всякого смысла... Если когда нападают из-за денег, грабят, это можно хоть как-то объяснить... А когда просто ради зла...

— Чего непонятного, — сказал Квакер. — Жить-то хочется с интересом. Преодолевать трудности... Тот, кто что-то умеет... он и делает, что умеет. Картины рисует, вроде Анжелики, или истинный полдень ищет, вроде нас, ненормальных... А *те* умеют лишь ломать. Уменья не надо, а инте-

рес тот же самый. Подзуживает, как при игре в партизаны. Развалил песочницу, нагнал страху — и вроде как победитель. Знаю по опыту...

Все неловко примолкли, и, чтобы пригасить эту неловкость, Ваня спросил:

— А когда Тимофей приедет?

— Скоро, — сообщила Лика. — Утром он продиктовал мне дурацкие стихи:

Гонимый знойными лучами,
Я оставляю Геленджик.
От смеси радости с печалью
Внутри душа моя дрожит...

— С чего печаль-то? — хмыкнул Квакер.

— Боятся, что Лика опять будет гнобить его, — объяснил Андрюшка.

— Вот как стукну... — пообещала Лика.

2

Тимофей Бруклин был вроде бы не полностью в этой компании. Так, сбоку припека. Но все же карту ему в свое время подарили и теперь считали, что без него начинать действие с волшебным фонарем не следует.

Потерпели два дня, и Бруклин вернулся.

— Ничуть не больше загорелый, чем был, — заметил Тростик.

— Я всю жизнь привык держаться в тени...

— Да, всю жизнь мы это видим, — заметила Лика.

После такого обмена мнениями еще раз обсудили, «как все должно быть».

То есть как станут развиваться события после поворота ключа со стальным волоском.

Люди со стороны вполне могли бы обхихикать

все это дело. Сказать про старинные пионерские сборы и детсадовские утренники. Напомнить, что нынче век электронных технологий, а не «пласт-массовых кубиков для игры на веранде». Но... это те, у кого не было «Артемиды». Здесь же чувство *соединения* накрывало каждого, когда собирались для разговора о давних приключениях. У Вани — каждый раз холодок по спине. И он догадывался, что у других — тоже.

«Может быть, и правда действуют какие-то еще не изученные поля, — думал он. — Может быть, тот самый ВИП...»

Они должны были проколоть пространство ключиком со стальным волоском, задеть им *ту самую* пружинку (пускай ее даже и не было), чтобы пружинка запустила ход событий.

Ведь до сих пор все, что случилось в жизни с Гришей Булатовым и с другими героями «артеми-довской» истории, в памяти было перепутано, не всегда события сцеплялись друг с дружкой, не всегда получали объяснения. Теперь полагалось внести ясность и такой вот ясностью убедить себя окончательно, что *всё это было*.

Собрались у Квакера в середине дня, девятнадцатого августа. На церкви Михаила Архангела и на других колокольнях — то в одном краю, то в другом — слышны были колокола. Праздник Преображения Господня, так объяснил Андрюшка Чикишев. Его бабушка знала все церковные праздники наперечет.

Посреди сеновала стоял на табурете самодельный «волшебный фонарь». Вернее, просто подставка от старого фонаря с приколоченной фанерной стенкой. В стенке была выпилена замочная сква-

★ жинка. Кто-то должен был вставить в нее ключик и повернуть его в пространстве. В этом виделся особый смысл... А кто-то другой повернет на подставке головку стерженька, и ползунок пробежит по звонким полоскам, разбудит мотив старенького вальса...

На этот мотив было сложено уже множество строк. Не всегда ласковых и чувствительных, порой и дурашливых. Но сейчас у всех в голове были те, что недавно сказал Тим Бруклин (и тем поставил себя наконец в общий ряд):

Тронет пружинку стальной волосок,
Ветер соленный заденет висок.
Ветер с утра —
Значит, пора...

— А кто будет поворачивать ключ? — сказал Федя. — Не всей же толпой...

— Пусть самый младший, — предложил Тимофей. — Тем более что он же самый отважный. Я всегда говорил, что Тростик — это личность...

Ключик висел сейчас на гвоздике рядом с Пришельцем — *настоящим* свидетелем прошлых времен. Квакер снял ключик, протянул Тростику.

Тростик спрятал руки за спину и попятился. Замотал головой. И... заплакал. Все сильнее...

— Что с тобой? — ахнула Лика. Подскочила, присела на корточки. Но Тростик попятился опять.

— Я не буду... Я не могу...

Над ним наклонились Лорка и Никель. Никель проговорил с необычной строгостью:

— Не реви. И объясни.

Тростик перестал реветь, но всхлипывал так, что у губ лопались пузыри.

— Вы сказали «самый»... А я самый гад... Это я отравил Матубу...

Ну вот, воистину как удар грома...

И с минуту были слышны только всхлипы. Да еще осторожно дышал у стены почти выздоровевший Матуба.

И вдруг Квакер грозно приказал:

— А ну, прекрати молоть фигню! Отравитель! Говори все, как было!

Было, конечно, не так. Это выяснилось из перемешанных со слезами признаний Тростика. Разумеется, Матубу он не травил. Разве он совсем идет от и злодей?

В тот день, когда вернулись они с Ликой, Тростик в одиночку побежал к Квакеру — чтобы тот объяснил ему, как вносить в мобильник новые адреса (Лике все было некогда). Квакера дома не оказалось, а по пустому двору лениво гулял Матуба. Тростик поманил его от калитки, и пес подбежал, чтобы поздороваться. Тростик обнял его за шею, они вместе перешли улицу Герцена, мимо заборов пробрались к логу и сели над обрывом. Матуба щелкал пастью на пролетающих бабочек, Тростик смотрел на стрижей... И тогда вот подошел тот самый Косой.

Полузнакомый пацан. Тростик с ним как-то был одну смену в городском лагере, еще до знакомства с Ликой. «Привет», — вполне по-хорошему сказал Косой. И Тростик сказал: «Привет». Косой кусал большущий пирог (кажется, с капустой). «Хочешь?» — спросил он. Пирог был аппетитный с виду, и Тростик сказал: «Ну, дай кусочек...» Косой дал. И спросил, кивнув на Матубу: «А ему можно?» Тростик, балда такая, совсем забыл, что Матубе ничего нельзя брать от чужих. А Матуба... наверно, он не забыл, но решил, что Косой — свой человек, поскольку он и Тростик беседуют так по-доброму. И тоже сжевал кусок,

даже больше, чем Тростик. И вежливо помахал хвостом. А Косой, набравшись храбрости, погладил пса по загривку...

— Тростик, ты в своем уме? — сказал Андрюшка. — Если бы пирог был с отравой, Косой загнулся бы раньше всех. А потом ты и Матуба...

— Ну, не был же он с отравой! Тогда... — опять завсхлипывал Тростик. — Но потом-то Матуба решил, что Косой — такой же, как мы! А тот пробрался ко двору, поманил его и дал кусок... Вечером, наверно...

— Бзя какая-то, — сказал Федя. — Зачем Косому было травить пса, если они познакомились? Он и так мог пролезть во двор и раздолбать часы. Матуба не гавкнул бы.

— Наверно, гавкнул бы. Одно дело пирогом угощаться, а другое смотреть, как рушат добро на дворе... — сказал Квакер. — Так они, видать, и рассудили у Рубика. Кидай, мол, Косой, отраву, а через день — марш на диверсию... Небось крысиный яд намешали...

Тростик всхлипывал, обняв себя за плечи.

Ваня вздрогнул, подумав, сколько времени маялся Тростик своей виной, вертелся ночью в кровати, обмирал от стыда и страха, прежде чем решил признаться... Мог бы и не признаваться. Тем более что Матуба-то вон, живой...

— Дурень, — сказал Квакер. — Чего ты нюни-то распустил? Разве ты виноват? Ну, попался на удочку, с кем не бывает? А ревешь, будто отравил нарочно... Это Косой, гнида, виноват во всем. Зря отпустили по-мирному... А почему ты про него сразу не сказал, когда поймали?

Тростик поднял мокрые глаза.

— А он... может, тоже... не совсем гад. Может, потом пожалел... Он так смотрел тогда, будто про-

сил не выдавать... Я и не смог... А он ведь тоже... меня не выдал...

— Сил моих нету... — простонала Лика и, сидя на корточках, взяла себя за щеки. А Квакер велел Тростику:

— Иди к Матубе, давно с ним не обнимался. Он на тебя зла не держит... а мы тем более...

Тростик ушел к поднявшемуся навстречу псу. Тот облизал ему мокрые щеки.

— Видишь, он ни капельки не сердится, — утешила Тростика Лорка.

Тот оглянулся со слабенькой улыбкой — виноватой, но уже без большой горести.

— Только я... не буду сегодня... ключиком... Ладно?

— Но кто же тогда? — с драматической ноткой спросил Бруклин.

Себя сомнением изводить
Устала бедная Татьяна...

— Да, конечно же, Лорка! — заявил Никель (мол, о чем вопрос).

— Почему это я?

— Потому что самая младшая... после Тростика, — объяснил Никель. Не ей, а всем. — И... тоже личность.

— Остальные разве не личности? — возразила она.

— Остальные тоже... А ты... еще больше «тоже». И пусть Ваня с тобой...

— Я-то с чего?! — Он даже испугался.

— С того, что вы всегда вместе...

Ваня сказал:

— Я буду крутить музыку. А Лорка пусть вертит ключ.

Круг друзей

1

Квакер поглядывал в окошко на двор. На спасенные вчера вечером часы. Ждал, когда подберется к линии истинного полдня тень от шеста.

Остальные ждали, усевшись на табуретах перед волшебным фонарем. Тростик устроился вплотную к Лике, словно она излучала обещание полного прощения. Матуба сидел рядом с Тростиком. И будто говорил: «Да ничего же не было, все просто привиделось!»

— Ну, приготовились. Отключите мобильники... — напряженно сказал Квакер. — Сейчас... Раз! — И он дернул длинную нитку.

Нитка была привязана к большому колокольчику, что висел у стены рядом с картой. Понятно, что не корабельный колокол — меньше во много раз. Но... возможно, он был из тех, с которыми носились на лихих тройках ямщики давней поры, в том числе и родной отец Гриши Булатова. Хотелось так думать. Квакер недавно отыскал эту «мини-рынду» в закутке своего древнего сарая.

Колокольчик ударил неожиданно громко. Квакер шагнул к ребятам, сел между Федей и Бруклиным. Сказал, слегка стесняясь:

— Ну, чего? Поехали, что ли...

— Подожди, — остановила его Лика. — Все собрались?

— Конечно, все, — нетерпеливо отозвался Федя. Мол, не видишь разве?

— И... Гриша Булатов? — сказала Лика. И на миг стало тихо. Потом торопливо откликнулся Никель:

— Да. Здесь...

— И Павлушка Григорьев?

— Здесь... — серьезно отозвался Квакер и кашлянул.

— И Агейка Полынцев?

— Да... — выдохнул Андрюшка Чикишев. И следом за ним тихонько сказал «да» Тростик.

— А Ремка Шадриков? Костик Евграфов? Саша Юхманов?

— Да! Все трое! — откликнулся Ваня с полным ощущением, что так оно и есть. (Интересно, Всеобщее информационное поле не задело ли в этот миг старого Графа?)

Лорка, не дожидаясь ничьей команды, вдвинула ключик в фанерную скважину. Будто отпирала кукольный домик. Плавнo повернула в пустоте. (В пустоте ли?)

Ваня завертел головку штырька над звучащими лепестками. Он все-таки имел отношение к музыке, знал, как создать нужный ритм.

Тронет пружинку стальной волосок.
Ветер соленый заденет висок.
Ветер с утра —
Значит, пора...

— Раз все мы здесь, у волшебного фонаря, — медленнее, чем обычно, заговорила Лика, — надо наконец рассказать по порядку все, что мы узнали... Тростик, не сопи...

— Это не я, это Матуба...

— Оба не сопите. Вы нарушаете торжественность обстановки...

— А зачем торжественность? — вдруг звонким голосом сказала Лорка. — Повернули ключик, значит, все хорошо. Теперь Ваня начнет...

— Почему я? — Ваня перестал вертеть «музыку».

— Потому что с тебя все началось, — мрачно-важно напомнил Квакер. — Забыл?

— Что?

— Помидор...

— Хватит вам, — жалобно попросила Лорка. — Нашли, когда сводить счета...

— Я не для счетов, а для точности, — объяснил Квакер. — Когда потомок доктора Повилики москвич Иван вляпал мне раздавленным скользким помидором по шее, я...

— Сам был виноват... — дернуло за язык Ваню.

— Ребята, хватит! — прикрикнула Лика. — Разве мы для этого здесь?

— Они просто выстраивают цепь событий, — объяснил Бруклин.

— Да, — оч-чень терпеливо подтвердил Квакер. — Я не о том, кто был виноват. Кстати, я как-то на улице извинился перед Лоркиной бабкой... бабушкой. Я о том, что помидор был противный... не перебивайте... и поэтому мы с Лёнчиком и Гошкой (не к ночи будь помянуты) стали караулить приезжего мальчика. Увлекательное дело. А благородная Лорка, которая всегда отстаивает справедливость, стала мальчику помогать, и это послужило началом их трогательной дружбы... Лика, не надо бить меня папкой! Что я такого сказал?

— Ты сказал то, что и так все знают... Чего болтать попусту!

— Не все знают... — вдруг высказался Никель. Задумчиво так. — Гриша Булатов не знает. И другие, которые *оттуда*... Пусть тоже услышат, как появилась вся наша команда...

— Во-от... — Квакер поднял палец. — Поэтому я и начал с корней... Лорка стала уводить мальчика Ваню от нас, злодеев, но мы настигли беглецов, и могла случиться ужасная драма, но Трубачи в этот

миг грохнули из карронады... Закон есть закон, пришлось повременить с кровопролитием... А любопытный Ваня Повилика взялся расспрашивать Лорку: что за выстрел? Так? Ну, вот. И познакомился со всем народом... А дома рассказал про пушку деду, а дед начал вспоминать, откуда пошел этот обычай, поведал о капитане Булатове и карте... А там уже одно к одному: карта, глобус, Пришелец... И куча всего другого... Про эту кучу пускай рассказывает Иван. И больше не упирается, а то я опять вспомню помидор...

— Хоть целую сумку, — отозвался Ваня и почувствовал, как исчезло напряжение. Как стало вдруг опять хорошо всем вместе (и тем, кто *оттуда*, — тоже). Больше ничто не сковывало, не мешало.

— Давным-давно, — сказал Ваня, — в середине позапрошлого века на этой улице, совсем недалеко отсюда, стоял дом купца Платона Филипповича Максарова... Ну, про это каждый уже знает, но я снова, чтобы по порядку... У него было несколько дочерей и один приемный сын, Гриша... И у них дома был «волшебный фонарь», проектор, чтобы рассматривать стеклянные картинки. Вроде той, что у Тростика... А может быть, она и есть от того фонаря... Гриша любил смотреть картинки, и корабль нравился ему больше всех...

Он говорил и сам удивлялся, как легко выстраиваются фразы. Нет, бывала в них и сбивчивость, но не было долгих остановок, слова находились почти сразу. И главное — тут же появлялись в голове подробности, о которых он сам не знал раньше. Что это было? Разыгравшаяся фантазия? Или великодушная помощь таинственного ВИПа? Или неслышные подсказки незаметно сидевших

рядом Гриши, Агейки, Павлушки, Ремки, Костика, Саши?..

Он чувствовал на лице снежную пыль, когда Гриша и Агейка лихо слетали на санках со склонов лога. Слизывал с губ штормовые соленые брызги. Ощущал в руках тяжесть раковины, которую подарила Грише девочка Анна... (Откуда она взялась в памяти у Вани, эта Анна? Потому что была на свете Лорка? Или в самом деле жила на острове Флореш такая девочка — среди ребят, которых однажды мальчик из далекой страны научил делать бумажных голубков?.. Гриша кивал: жила...)

Долго он говорил. Порой обсыхали губы, и Лорка совала ему в руку пластмассовый стаканчик с теплым квасом. Ваня кивал и продолжал рассказ, он боялся, что оборвется нить. Но, слава богу, она не обрывалась. Все слушали, почти не двигаясь. Только Лика быстро водила карандашом в раскрытой папке. Бруклин сунул было нос, но Лика показала ему кулак. Тим принял смиренный вид.

...У Вани в горле несколько раз царапались слезы. Когда Гриша уезжал в дальний путь, буквально отдирая себя от родного дома. Когда он умолял, чтобы капитан Гарцунов не отдавал в приют гваделупского мальчика Павлушку. Когда Саша Юхманов поднес к простреленному берету ладонь, видя, как уходит под воду пароход «Охотник»...

А потом... Ваня понял, что рассказ окончен. Он сказал о знакомстве летчиков Юхманова и Булатова и...

— Ну, вот и все...

Не сразу зашевелились, заговорили. Наконец Квакер известил:

— Вот это да. Ты рассказывал больше часа...

— Жалко, что все кончилось, — вздохнул сдержанный Федя Трубин...

— А ничего еще не кончилось, — сообщила Лика, захлопывая папку. — Завтра... нет, послезавтра соберемся снова. Есть еще одно дело. О том же...

— Какое дело? — недоверчиво сказал Квакер. — Да нет, хорошо, что оно есть, но...

— Я знаю какое, — перебил его Бруклин. — Только я скорее провалюсь сквозь пол, чем выдам тайну...

Половицы крикнули, и ножка табурета под Тимом ушла между ними в щель.

Сеновал застонал от хохота...

4

День прошел обыкновенно. Будто он и не был одним из последних для Вани в Турени. Ваня старательно гнал от себя эту память, это ощущение. Утром он привычно сходил с Ларисой Олеговной на рынок — с тележкой для овощей. После обеда он, Лорка, Трубачи и Никель дурачились на дворе у Чикишевых, поливали друг друга из шланга — все еще было очень тепло, хотя и не знойно. Лика и Тростик не появлялись, Бруклин тоже. И Квакера не оказалось дома, только Матуба, спустившись с сеновала, помахал гостям хвостом.

Вечером беседовали с дедом об энергетических полях, бессмертии душ, коллаидере, искусственных мозгах и умении делать рогатки (каковое умение, по словам Графа, было в нынешние времена полностью утрачено). На этом день кончился. Они, дни-то, стали заметно короче, в десять часов вместо заката висело за окнами звездное небо...

А назавтра... Дождаться истинного полдня не стали, собрались с утра.

На этот раз поворачивать ключик велели все-таки Тростику. Чтобы он понял наконец, что нет на нем никакой вины. Он посопел, потоптался и согласился.

Снова серьезно сделали переключку: здесь ли Гриша и другие герои прошлых лет?

Ваня опять покрутил музыку про стальной волосок. Но ни он и, кажется, никто другой (разве что Тим) не знали, что собирается делать Лика.

А она принесла, кроме всегдашней папки, плоский чемоданчик. Оказалось — ноутбук.

Откинули крышку, поставили ноутбук на верстак, сели к экрану лицом. Никто не спрашивал: что будет? Понимали — что-то *такое*...

Лика включила компьютер. На экране появился сделанный быстрыми линиями рисунок. Заснеженная одноэтажная улица со знакомой колокольной Михаила Архангела. Потом — один дом, во весь экран. Снежные валики на карнизах с резьбой... И вдруг прозвучало:

— Давным-давно, в середине позапрошлого века на этой улице, совсем недалеко отсюда, стоял дом купца Платона Филипповича Максарова... Ну, про это каждый уже знает, но я снова, чтобы по порядку...

— Ой... — сказала Лорка рядом с Ваней. А он ничего не сказал, потому что не понял. Не узнал свой голос. И лишь после нескольких фраз будто очнулся.

— Это ты... значит, ты записала меня на диктофон?

— Конечно, — спокойно согласилась Лика. — А ты хотел, чтобы все это пропало?.. Я включила запись в мобильнике, и вот... А ты что, обиделся?

Да ни чуточки он не обиделся! Просто не ожидал... Он слушал теперь свой рассказ вместе с ос-

тальными и будто смотрел кино. Конечно, легкие штриховые рисунки не были похожи на кадры фильма, но... они все равно были живыми! Потому что удивительно живою была рука Анжелики Са-зоновой, умеющей двумя штрихами набросать эпизоды и портреты.

...И был Платон Филиппович Максаров с семейством у волшебного фонаря...

...И лицо Гриши, увидевшего парусник на экране.

...И портрет конопатого Агейки.

...И капитан Гарцунов с густыми эполетами.

...И стройный, окутанный снастями бриг у архангельского причала.

...И тот же бриг под парусами, в океане.

...И шторм, когда Гриша удерживает развязавшиеся весла.

...А еще — офицеры Артемиды, гардемарин Невзоров, девочка Анна, малыши с бумажными голубками, старый полковник Шато, прижавшийся к нему мальчонка.

...И тот же мальчонка — Павлушка — снова, снова, снова. С тревогой в глазах и несмелой радостью от неожиданной дружбы.

...Потом французский капитан фрегата, непроходимые заросли Ривьер-Сале, выбросившая клуб дыма пушка.

...Светлоголовый мальчик и черная девочка — друзья Гриши на Кубе.

...Добродушный и решительный доктор Повилика...

...И Гриша — как он бежит по знакомой Ляминской улице к родному дому.

...И Павлушка с девочкой Соней Луковой — рука в руке.

...Самодельная пушка в окружении растрепанных мальчишек на берегу.

...И наконец тоненький Саша Юхманов с ладонью у берета. На фоне пылающего, уходящего под воду «Охотника»...

Рисунков было не меньше полусотни. Конечно, Лика сейчас не прокручивала всю звукозапись подряд. Быстро проматывала куски без картинок и включала звук перед очередной иллюстрацией. Но все равно осталось впечатление «потрясного кинопоказа», как выразился Федя...

И все с Федей согласились. И канючили, чтобы Лика для каждого сделала на дисках копии. Только Ваня не канючил. Потому что Лика сказала сразу:

— А тебе я сделаю не только эту запись, но и отдельно твой рассказ и сами по себе картинки. И даже добавлю те, которых здесь нет...

— Лика, когда же ты успела... все вот это?.. — изумленно пробормотал Ваня. — За одни сутки...

Лика сказала, что не за сутки. Рисовала она давно. А вчера сделала лишь несколько последних рисунков. Потом они с Тимом у него дома (там был сканер) перевели их на диск. И Ванину речь. Труднее всего было поместить иллюстрации и рассказ на одном диске...

— Но папа у Тимы такой специалист!.. Непонятно даже, в кого такой непутевый сын... Ай! Я же пошутила!

Квакер задумчиво вертел перед собой малыша Пришельца. И вдруг сказал:

— Вань, а ты, значит, придуривался тогда?

— Когда? — Ване стало тревожно.

— Ну, помнишь разговор? Я сказал: «Не ходил

бы ты, Ванек, во солдаты». А ты ответил, что все равно не знаешь, кем быть...

— Ну... и что?

Квакер пожал плечами. Сказал, как о вещи, понятной давно и всем:

— Ты же готовый писатель. Твой Жюль Верн отдыхает...

— Да ну тебя... — выговорил Ваня. — Бзя...

Но Лорка шепнула у его щеки:

— Ваня, не спорь...

И он не стал спорить. Не потому, конечно, что принял слова Квакера всерьез, а потому что... Лорка иногда говорила так, что могла обидеться, если ей не поверить...

Лица же продолжала всех удивлять сюрпризами. Каждому подарила его портрет. Сделаны портреты были тоже несколькими штрихами, но удивительно похоже. И не шаржи, серьезные. В каждом схвачено что-то самое главное. У Никеля — его взгляд, направленный в глубину, в самого себя. У Тростика — удивление перед находкой: он держит в пальцах выпуклую линзу. У Квакера — грустноватый и в то же время прицельный взгляд (и большие уши ничуть не кажутся смешными)... Федя — деловитый, со стамеской. Андрюшка, удивленно оглянувшийся (возможно, опять поспорил с Евдокией Леонидовной — «чё я сделал?»).

Тимофей Бруклин на рисунке жевал стебелек (может быть, что-то сочинял про Онегина).

А Лорка, а он, Ваня, — где?

Они оказались вместе. То есть на двух рисунках, но одинаковых, будто копии. Они улыбались и смотрели перед собой, но понятно было, что улыбаются они друг другу...

Оба разом вопросительно взглянули на Лику.

— А что? Разве не так? — спросила она.

Они опустили глаза и весело посопели: все было так...

Ли́ка наклонилась к Ване и полушепотом пообещала:

— Потом я еще нарисую вам на память карту Гваделорки...

Ваня вздрогнул:

— А ты... откуда знаешь про нее?

— Вот те на... — сказала Ли́ка. — Все, по-моему, знают про вашу сказку.

По дороге домой, когда шли вдвоем, Ваня спросил:

— Откуда же они знают?.. Лор, ты кому-нибудь говорила про наш остров?

Она ответила беззаботно:

— Вань, я не помню. Кажется, нет... Может, однажды Никелю? Там, на даче... Но я правда не помню. А ты обиделся?

— Да нисколько. Просто удивился... Но вообще-то я думал, что это лишь наша тайна...

— А она и есть наша, — сказала она чуть удивленно. — Разве нет? Никто ведь в нее не вмешивается... А если знают, то что плохого? Наоборот...

— Может, и наоборот... Вот, карту получим...

— Многие ведь знают друг про дружку... Квакер никому не говорил, что хочет пойти в училище спасателей, а про это всем известно...

— Мне неизвестно! — удивился Ваня.

— Было неизвестно. А теперь знаешь, — улыбнулась она, почти как на портрете. Глядя перед собой. И сказала еще: — Про тебя тоже не знали, что станешь писателем. А теперь...

— Смеешься, да? Вот надергаю за бывшие косы!

— Бе-е... — ответила она. Высунула круглой лопаткой язык и на всякий случай отпрыгнула в сторону...

Прощание. Вулкан Матуба и Чехов

1

С детсадовских времен Ваня мечтал о чудесной игрушке — о железной дороге. Не о кукольной, с размаляванными вагончиками и побрякушками на паровозе, а о настоящей. То есть маленькой, но в точности похожей на настоящую. Это была в общем-то и не игрушка, а набор моделей. Такими увлекаются и взрослые: коллекционируют тепловозы и вагоны разных видов, составляют длинные поезда, пускают их по путям из множества рельсов со стрелками, переездами, семафорами и виадуками... У Вани даже был один такой тепловозик, он стоял на полке, на кусочке рельсов длиной в полметра...

Ваня знал, что, если бы он просил долго и отчаянно, родители могли бы наскрести денег на дорогой подарок. Ну, хотя бы на одну коробку, на самый начальный набор. Но он не просил. Не имело смысла. Все равно разложить рельсы и пустить поезд было негде. Ваня, мама и папа всегда обитали в тесноте. Пока жили вместе, половину одной из двух комнат занимал рояль. На оставшихся квадратных метрах негде было повернуться. Когда родители разошлись и разменяли жилплощадь, стало не лучше. В новых двух комнатках, где поселились мама и Ваня, места оказалось, как в каютках брига «Артемиды» (правда, Ваня о бригае тогда еще не знал). К тому же мама зачем-то (наверно, с досады) купила громоздкую мебельную стенку и большу-

★ — щий телевизор, хотя в такой тесноте вполне хватило бы и старого, маленького. Старый она отдала Ване, и он кое-как пристроил его в своей комнатухе, где с трудом помещались кушетка, стол и стеллаж...

А в квартире у деда было — хоть в футбол играй (хорошо, когда ты знаменитый профессор!). У Графа — свой кабинет, а еще — большущая спальня, столовая, соединенная с обширной кухней, и комната, где поселили Ваню. А самое главное — великанская библиотека. Здесь, кроме книжных шкафов и полок, важно располагались несколько диванов и кресел.

Библиотеку Ваня любил больше всех комнат. В ней было *пространство*. Он даже ночевал иногда именно здесь, а не в своей комнате. Выключал свет, устраивался на одном из диванов, слушал тиканье большущих настенных часов и скользил глазами по широкому, будто ледяной каток, паркету. Паркет отражал вечерние блики, а Ваня прикидывал: как можно было бы разместить на нем рельсы *самого полного набора*. Такого, который он видел однажды на выставке в «Детском мире»...

Эти воображаемые рельсы, насыпи, мосты и поезда были частью города Гваделорки. Который на острове Гваделорке...

Дед, конечно, не стал бы спорить против дороги. Он не спорил даже тогда, когда в библиотеку вваливалась вся «артемидовская» компания (вместе с Матубой). Так случалось несколько раз. Народ мог без препятствий разглядывать книги и сувениры, обсуждать, сидя на полу, разные события и строить догадки, спорить о Гваделупе и гадать у Ваниного ноутбука, подключенного к Интернету. Тетя Лара иногда поглядывала косо, но ничего не

говорила. Наверно, утешала себя тем, что все это — ненадолго.

Ох, совсем уже ненадолго...

А еще Ване нравились в библиотеке стекла. В стеклах была одна из стен. Высокие многостворчатые двери, выходившие на балкон, за ними окно балкона, похожего на великанский фонарь. Когда створки и двери были открыты и повернуты под разными углами, их сочетание напоминало многогранный кристалл. Он отражал в себе необычный город.

За окном, через двор, виден был кирпичный финансовый факультет с полукруглыми, как в средневековых домах, окнами. Над крышей поднимались несколько белых башен ближней церкви. Их подсвечивали прожектора, башни как бы вырастали из нездешнего пространства. Горели маковки и кресты. А неподалеку подымались другие башни — со шпилями и флюгерами-кораблями. Кораблики — это эмблемы города и университета. Позади башен громоздилось удивительное здание во много этажей. Построили его не очень давно, однако и оно казалось старинным — тоже башенки, балконы, террасы, галереи. Словно собрали в горстку целый городок...

И бывало, что среди башен висела полная луна. Большущая, похожая на пятнисто-белый воздушный шар...

Все это отражалось в путанице стеклянных граней, повторялось, дробилось. Вот уже под десятка лун висят среди шпилей, двигаясь от кораблика к кораблику. А подсвеченные закатом облака превращаются в узоры калейдоскопа. А башен уже столько, что позавидовал бы и город Прага... И все это — город Гваделорка. Не придуманный в те ми-

нuty, когда Ваня смотрел на облака, и не тот, который обещала нарисовать Лика, а настоящий.

Ваня знает, что, если выйти во двор, справа, за спортплощадкой, начинается иной, тоже удивительный мир. Косые заборы в зарослях уличных трав, покосившиеся дома с резьбой и кружевными дымниками, ворота с коваными кольцами, откосы лога в темной шубе бурьяна и полыни, журчанье Туренки под мостами, пестрота цветов, у которых названия известны лишь местным бабкам...

И если окажешься на стыке нескольких улиц у лога, рядом с бревенчатыми двухэтажными домами и церковью Михаила Архангела, у выхода к насыпному мосту, — отсюда начинаются дороги, тропинки и деревянные тротуары, ведущие к друзьям. Направо и вперед — к Лорке. Направо и назад — ко двору Квакера с его обширным сеновалом. Назад и налево, через мост — на зеленый двор Чикишевых, где всегда Трубачи и Никель (а над мостом — слюдяные стрекозы и болотистый запах речки). Если же пойдешь совсем назад, то через три квартала — Лика и Тростик (а недалеко от них и Тим)...

Всего этого не видно сейчас, через стекла, с дивана. Однако видно луне (или дюжине лун). И Ваня смотрит на луну, как на сообщницу. Она — тоже часть Гваделорки...

Наверно, и Лорка смотрит. Ей с третьего этажа тоже видно луну и разноцветные облака...

Было бы чудесно, если бы не саднящее напоминание: «Этого скоро не будет...»

А что будет?

Ну да, он хорошо представляет свою московскую комнатку — привычную и вполне уютную. И старую знакомую мамину подругу тетю Жанну, которая будет его опекать, пока мама не вернется из-за океана. (А папа — он вообще неизвестно где,

на каких гастролях.) Тетя Жанна — она не менее заботливая, чем тетя Лара. «Ванечка, ты уже сделал уроки? Не сиди долго у телевизора, это вредно для глаз...» И все будет хорошо. Дома и в школе... «Повилика, привет! Куда ездил?... В Сибирь? Там, небось, холод?... А я в Анталию... Да ну, скучища, каждый день только песок и море...»

А один раз Ваня не сумел представить и этого. В голове появилась только серая пустота. Вроде той, которая может появиться во вселенной, если что-то не так сработает в Большом адронном коллайдере. Он даже малость испугался. Не за вселенную, а за себя. Вспомнил какую-то фантастическую книжку, где герои умели предвидеть будущее. И если старались, но не видели ничего, кроме пустоты, значит — скоро крышка... А что, если самолет, на котором он полетит в Москву, возьмет — да и бабах...

Но страх был не сильным и коротким. Гораздо больше пугало прощание. Особенно с Лоркой...

Билеты были заказаны на двадцать шестое. И Ваня утешал себя, растягивая время: «Еще ведь не завтра. И даже не послезавтра...»

Но вот пришел день, когда уже «послезавтра».

И когда уже «завтра»...

2

Если про это «завтра» забыть, то снова день был как день.

С утра Ваня в одиночку прошелся по ближним улицам. Постоял на речном обрыве. Посмотрел, как горят купола и маковки белых церквей. Как важно движется вверх по течению прогулочный теплоход. (Они с Любовью Петровной и Лоркой однажды проехали на таком до села Верхний Бор

и обратно). Отыскал глазами дома и краны Пристанского района, за которыми зеленел Загородный сад (тот, где бронзовые девочка и мальчик)...

Потом пошел к Лорке.

Они погуляли вдвоем и говорили о всяких пустяках — ни о чем важном. Потому что о всякой переписке, звонках и всем таком прочем было сказано заранее.

Затем пошли к Квакеру. Там собралась уже вся компания. Дни стояли все еще очень теплые, и Никель предложил искупаться (и с некоторым вызовом глянул на Трубачей: да, я самостоятельный!). Хорошая была мысль. Купанье — это лучше, чем сидеть просто так и вздыхать, повторяя то, что уже много раз сказано. Сбегали за велосипедами и покатались на старое место, к барже.

Вода была уже холодноватая, но все храбро прыгнули по разу с железной кормы, поплавали, побултыхались на отмели. Вылезли. Загорать на ветерке не хотелось. Вытерлись единственным (нашлось у Лики) полотенцем. Поехали обратно. Заглянули к Герману Ильичу, но его не оказалось дома.

И опять собрались на сеновале.

И как-то само собой получилось, что сели вокруг волшебного фонаря с фанерной стенкой и скважиной. Никто не стал вставлять в скважину ключ, хотя Квакер вертел его в руках. И Ваня не стал крутить стерженек с музыкой, только зазвенело тихонько в голове:

Тронет пружинку стальной волосок...

— Ну, чего, ребята... — неловко выговорил Квакер. — Надо ведь, наверно, что-то сказать Ивану... раз уж завтра ему в дорогу...

— Жалко, — выдохнул Тростик. И, пожалуй,

этим было сказано все. Но не кончать же напутственную речь таким словом.

— Жалко, — согласился Квакер. — Но что делать... Зато мы открыли «Артемиду». И все, что с ней было. Благодаря Ивану...

— Да, — важно подтвердил Бруклин. — Можно сказать, что Ваня превратил для нас воображаемые события в реальность. Ничего не было — и вдруг...

— Как это ничего не было! — возмутился Андрюшка Чикишев. — Все было!

— Да. И бриг, и приключения. И... те ребята, — подтвердил Никель.

— Были и есть, — строго сказала Лика.

— Ну да, — снисходительно согласился Тимофей. — Но это же так... символически. Игра. А с точки зрения фактов...

Возможно, Тим нарочно затевал спор. Чтобы отвлечь всех от грусти расставания. Лучше уж слегка поругаться, чем дружно погружаться в печаль. Ваня этого не понял. Он сказал с колючей досадой:

— А карта разве не факт? Вот... — Отскочил к стене и, рискуя обломать ногти, отколупнул на углах карты кнопки.

— Вот! — Он принес карту к верстаку. Белый лист спланировал на доски. — Тут же всё! И подпись Булатова, и название брига!..

Бруклин кивнул с видом взрослого человека, не желающего спорить с детьми:

— Ну да, ну да... Я разве против? Наоборот... Но карта и надписи — это ведь просто карта и надписи. И, между прочим, на ней нет даже Матубы... Того места, где был форт... Тростик, дай свою лупу!

Тростик, посапывая, достал из кармана тяжелое стекло.

— Вот... — Тимофей повел увесистой линзой над бумагой с мелкими буквами. — Где Матуба?

Да, конечно, он просто «заводил» народ. И, может быть, себя. Чтобы разогнать горечь прощания. Но заводил по-глупому (это Ваня обдумал и понял позже). А сейчас Ваня злился все сильнее:

— Потому что карта мелкомасштабная! На ней и вулкана Суффриер нет! Может, его нет и по правде?

...Они ведь уже не раз обсуждали этот вопрос. Что такое Матуба? Почему в одних данных написано, что форт Дельгре был на склоне вулкана *Матуба*, а в других, что Матуба — это селение на склоне вулкана Суффриер. Поди разберись! Съездить бы туда и выяснить на месте!.. Это могла бы сделать Ванина мама, но едва ли ей там будет до географических поисков. День-два туристической беготни по намеченным маршрутам — и поехали дальше...

Как-то Андрюшка Чикишев предположил:

— Наверно, Матуба — это еще одно жерло вулкана Суффриер, недалеко от главного. Только заглохшее. Вроде как бывает главный фурункул, а рядом головка поменьше, случайная. У бабушки как-то был такой на шее...

На этом и сошлись. В тот раз. А сейчас опять начал проклевываться спор. И спор этот прекратил Квакер.

— Нет Матубы? Будет Матуба! Ваня, она ведь вот здесь? — И он ткнул острием ключика в карту на нижнем крае левой половины острова, чуть выше города Бас-Тер.

— Немного южнее, — сказал Ваня, испытывая странное, сердитое удовольствие.

— Вот и хорошо! — Квакер проколол стальным волоском бумагу. — Получайте!

Все сдвинули головы над картой, словно решался какой-то важный вопрос. Словно ждали чего-то особенного. Какого-то доказательства. Но увидели только крошечный прокол.

— Незаметно... — вздохнул Федя.

Тогда Ваня спросил:

— Игорь, можно мне? — И потянулся к острому карандашу, который накануне забыла на верстаке Лика.

Квакер кивнул.

И Ваня воткнул грифель в след прокола. Словно ставил точку в истории «Афродиты» и ее героев. Хотя вулкан Матуба был в этой истории не концом, а самым-самым началом.

Грифель сквозь карту попал в щелку между досками и оставил в бумаге отверстие, похожее на маленький кратер.

Теперь никто уже ни о чем не спорил. Даже Бруклин.

А Квакер покачал на ладони ключик (маленький, но увесистый) и вдруг сказал:

— Дай-ка... — Он потянулся к Ване и выдернул у него из ворота полураспушенный шнурок. Затертый, серый. Пропустил его в колечко ключика, завязал концы и надел ключик на Ваню. — Вот так...

— Это... зачем? — пробормотал Ваня.

— А затем... — сказал Квакер.

— Мы давно уже договорились, — объяснил из дальнего угла Никель. — Чтобы ты ничего не забыл. Мы-то будем вместе, а ты... там. Чтобы помнил...

Лорка шепнула у Ваниного плеча:

— И чтобы записал всю историю на бумаге. Как книжку...

Зацарапало в горле. Ваня закашлял. А Квакер вдруг заулыбался и сообщил:

— Это не все. Еще я награждаю тебя орденом. От себя лично... — Он потянулся через верстак и вынул с полки, из-за коробки с железной мелочью, крупный помидор с продетой в него суровой ниткой. — Вот. Орден Красного томата высшей степени. На память о первой встрече.

Нитку он надел Ване на шею, и все заплодировали. Весело и шумно. Может быть, даже излишне шумно, потому что заметили, что Ване-то не до веселья...

Он так и пошел домой — с помидором и с ключиком на шее. Провожать его не стали. И всяких пожеланий говорить не стали. Потому что условились: завтра прибегут к профессорскому дому, когда Ваня будет садиться в машину, чтобы ехать в аэропорт.

А пока с ним пошла только Лорка.

И пошли они не прямым путем, а тропинками по берегу лога. Там, где их когда-то подкараулил Квакер с друзьями. Ноги сами понесли их по этим дорожкам.

Они шли, сцепившись пальцами и помахивая руками. С виду — вполне беспечные. Тропинки были узкие, всякие колючки и крапивные листья чиркали по ногам, но теперь уже не могли ужалить кожу — прокаленную и темную, как у мальчишек и девчонок с Антильских островов.

Обошли старую трансформаторную будку и оказались на краю откоса. Пестрело разнотравье с поздними цветами. Висели над крышами Городища желтые набухшие облака.

— Лор, ты дальше не ходи меня провожать, — сипловато попросил Ваня. — Я один... Я вечером позвоню...

— Ладно, — кивнула Лорка. Понимала, что еще одно прощание, у ее крыльца, — это было бы чересчур...

Ваня с трудом улыбнулся:

— А давай... вот это... — Он снял с шеи орден Красного томата и крупно откусил алый бок. И протянул Лорке. И она откусила от него. И так они, улыбаясь, сжевали подарок Квакера и посмотрели друг другу в лицо.

Ваня заплакал.

Он, большой мальчик, почти шестиклассник, открыто заплакал, не выдержал прощания с Гваделоркой. Без рыданий и всхлипов, но неудержимо, крупными слезами. Слезы горошинами сыпались на выцветшую футбольную рубашку с затертым портретом Айвенго и оставляли на ней темные полосы. Падали на сандалеты и проскальзывали между ремешками.

Лорка не стала говорить «ну что ты» и «не надо». Подняла его подол и стала вытирать щеки. И вытирала, пока он не перестал ронять слезы. Сама она не плакала, только покусывала губы. Затем шепнула:

— Ты ведь еще приедешь...

И не было в Лоркиных словах уверенности, что он приедет. И что, если и приедет, *все будет по-прежнему*.

Ваня решил. Сделал то, о чем думал еще на сеновале. Он снял с шеи ключик, положил на ладонь. Ключик был очень похож на крошечную карту Гваделупы. Левая часть, Бас-Тер, — колечко. Правая, Гранд-Тер, — стерженек с бородкой и острым выступом мыса Шато. Со стальным волоском. А узкий, как осиная талия, перешеек перечеркнут был тонкой, но заметной канавкой — проливом

Ривьер-Сале. Соленой рекой (соленой от Ваниных слез?).

Ваня взял ключик за два конца. Надавил. Ключик без труда, охотно даже, разломился пополам — точно по щелке пролива.

— Ой... — тихонько выдохнула Лорка.

Ваня поднял с ее босоножки упавшую нитку от помидора. Затянул ее петелькой на стерженьке ключа. Надел себе на шею. А шнурок с оставшимся на нем серебряным колечком надел на Лорку.

— Ой... — опять шепнула Лорка. — А... разве так можно?

— Теперь уже все равно, — сказал Ваня. И еще раз всхлипнул.

Потом он повернулся и без оглядки побежал к дому...

3

Рядом с общежитием была водонапорная колонка. Ваня умылся у нее, налегая животом на рычаг. Снова вытер подолом лицо. Прерывисто вздохнул и по улице Красина пошел к своему подъезду.

Лифт не работал, и по дороге на пятый этаж Ваня успокоился еще больше. Или внушил себе, что успокоился.

— Наконец-то, — сказала тетя Лара. — Я уж хотела звонить. Завтра улетать, а еще ничего не собрано...

Это у нее было что-то не собрано. А у Вани давно был уложен чемодан. Тот самый, с которым он прилетел.

— Граф дома? — спросил Ваня. Беспечно так, даже небрежно.

— Дома. Но почему-то сердитый. То ли что-то случилось на работе, то ли... не знаю...

Ну, сердитый так сердитый. Ваня видал деда всяким и не боялся. А тем более сейчас. Не все ли равно? Так или иначе вот-вот наступит *завтра*...

Он хотел зайти к деду, спросить: что случилось? Может быть, утешить даже (раньше иногда получалось такое). Но Константин Матвеевич сам высунул голову из кабинета.

— А-а!.. Ну-ка ступай сюда!

Ваня удивился такому тону и пошел. Дед прикрыл позади него дверь.

— Если бы тебе не улетать завтра... я бы взгрел тебя, паршивца, не ракеткой, а чем-нибудь покрепче! И не стал был посыпать пеплом голову...

— Граф, что с тобой? — устало спросил Ваня. Он почему-то не очень удивился. Только снова шевельнулись слезы.

— Он еще спрашивает! Зачем ты испортил карту?!

— Я?.. Карту?!

— Я хотел вставить ее под стекло, купил рамку! Смотрю — а на карте дыра! Карандашная пометочка, й-ёлки-палки! На раритете!..

— Граф, что за бзю ты говоришь? — сказал Ваня, проглотив слезинки (и шевельнулась надежда, что со скандалом улетать будет легче).

— Я?! Бзю! Это ты мне, старому человеку, смеешь заявлять такое! Сосунок!..

— Ладно! Пускай я сосунок! А карта-то при чем?!

— Смотри! Разве это не твоих рук дело?! — Дед сунул Ване под нос развернутый лист. — Вот!..

На нижней части острова Бас-Тер темнела дырка с черными краями. Как от выстрела раскаленной дробинкой.

— Дед... это не я... Ну, честное слово, не я!

Еще не шевельнулось у Вани догадки. Никакой. Но... будто кто-то шепнул: сейчас может что-то измениться в жизни. Шепнул и пропал...

— Дед! Но это *правда* не я!!

— А кто? Я?... — Константин Матвеевич опустился на стул. Карта легла на колени. — Зачем это мне?

— А мне?! У нас у всех свои карты есть!

И непонятно почему прозвучало в голове:

В карту воткнется стальной волосок,
Лава польется на черный песок...

Это как на острове Флореш (где жила девочка Анна). Ваня читал, что там песок черный от вулканических извержений...

Дед сказал чуть миролюбивее:

— Может быть, ты перепутал карты? Хотел отметить что-то на своей, а под руку попала моя?

— Как я мог перепутать? Бумага разная на ощупь и на вид!.. Вот, смотри! — Он кинулся в свою комнату и приволок чемодан, уронил его на пол, отбросил крышку...

Карта лежала на самом дне. Сверху — разноцветные штаны и футболки, которые дарила тетя Лара и которые он почти не надевал. Белье и полотенца. Книжка «Завещание чудака» (Ваня дочитал ее до середины, а потом слегка охладел, не стало времени; ладно, закончит потом...). Папка с рисунками Лики — его и Лоркин портрет и схема острова Гваделорка, выполненная «под старину»: многобашенный город над морем, кораблики, пальмы, киты и морские драконы... И вот, наконец, Гваделупа.

Ваня рывком развернул ее на паркете.

— Вот!.. Ой...

Тот же обутленный след от «дробины» чернел и

здесь. На том же месте, на южной оконечности Бас-Тера.

— Понятно, — хмыкнул Дед. — Игра еще в одну тайну? На прощанье?

Ваня, сидя на полу, вытащил из нагрудного кармана телефон.

— Андрей! Федя и Никель у тебя? Вот хорошо! А ваши карты? Я помню, они лежали на твоей полке! Посмотри!.. Посмотри, нет ли на них такой же пробоины, как на карте Квакера?.. Да, жду... — И стал ждать, глядя мимо деда. И дождался. — Есть?! Ну и ну... Да я ничего не знаю!.. Ладно, завтра поговорим!..

И еще:

— Лика!.. Помнишь дырку в карте Квакера? На твоей есть такая?.. Что? Я так и знал!.. Сам не понимаю! Завтра!..

Константин Матвеевич смотрел на Ваню без прежней сердитости. Даже с оживлением.

— Остальной вашей братии можешь не звонить, ясно и так...

— Мы отметили вулкан Матуба на карте Квакера, — сумрачно объяснил Ваня. — Другие карты не трогал никто. Ни наши, ни твою...

— Удачно придумано, мистика всегда щекочет нервы. Кстати, неплохой эпилог к истории про «Артемиду»...

— Граф... — сказал Ваня.

— Что? — усмехнулся дед.

— Граф... Была еще одна копия карты. Твоя. Ты сразу спрятал ее в сейф. И шифр сейфа знаешь только ты...

Константин Матвеевич посидел, подавшись вперед и тиская подбородок. Смотрел куда-то перед собой. Словно решал: поддаваться ли игре? Потом схватил со стола мобильник.

— Марго! Давай ко мне, очень срочное дело!..

Тут и пешком-то было до главного корпуса десять минут. Но дед решил, что на колесах быстрее. Жгла нетерпением каждая минута.

И Ваню жгла. Хотя в общем-то он уже знал...

И вот академическая прохлада лестниц и коридоров. И Пушкины, Пушкины со стен... И удивленный взгляд секретарши Танечки в прихожей кабинета...

Палец деда, тыкаясь в отверстия, рывками закрутил черный диск. Сейф запищал. Пудовая дверца отошла. Дед с размаха раскрутил на столе булавочную трубу.

— Великие силы...

— Ну? — с сумрачным торжеством сказал Ваня.

Дед посмотрел на него через плечо.

— Это разнесет вдребезги множество аксиом... Впрочем, все равно никто не поверит...

— А ты? — сказал Ваня.

Профессор Евграфов сел на стул, вытянул ноги и пошевелил обшарпанными туфлями, которые любил. И, глядя на эти туфли, проговорил:

— Несокрушимый ВИП...

И здесь Ваня понял, что наступил *единственный* момент. Тот, который ни за что нельзя упустить. Тот, в котором — *надежда*.

Ваня встал перед дедом прямо. Даже навытяжку. Стиснул пальцы, скомкал ими на бедрах тонкую ткань обветшавшей летней одежонки. В пальцы попал репейный шарик, прицепившийся к нижней кромке на шортах. Рассыпался в труху...

— Граф... у меня к тебе разговор...

— Да? — сказал профессор с усталым интересом. — Какой?

— Такой... литературный...

— Да? Это как понять?

— Ну... так. Чеховский... — Ваня облизнул пересохшие губы. — Помнишь, я рассказывал про утренник... где читал рассказ о Ваньке?

Дед молчал. И смотрел неотрывно.

— Милый дедушка... — с трудом сказал Ваня, глядя на пуговицы его рубашки. И повторил громче. Со звоном даже: — Милый дедушка Константин Макарыч... То есть Матвеич... То есть... ну, все равно... Пожалуйста... Сделай божецкую милость. Милый дедушка, не отправляй меня в Москву! Пожалуйста, пожалуйста!.. — В голосе его прорезалось отчаянье, которое, наверно, было у Гриши Булатова, когда он умолял капитана Гарцунова не отдавать в приют Павлушку. — Христом Богом тебя молю, не отправляй... Я... — Ваня криво улыбнулся, не зная, что еще сказать, и опять вспомнил Ваньку: — Я буду тебе табак тереть... А если не стану слушаться, дери меня, как сидорову козу... — И понял вдруг, как нелепо сочетание этих книжных строк с его настоящей тоской. И всхлипнул, и прошептал: — Ну, не могу я без этого... без всего... что здесь...

Дед подался вперед, смотрел, смотрел и вдруг шепнул:

— Ну-ка подойди...

И Ваня шагнул. И дед взял его корявыми пальцами за голые локти, придвинул еще.

— Я не понимаю... Ваня... Это опять игра?

— Какая игра... — тихо ужаснулся Ваня.

— Тогда... По правде говоря, я... хотел чего-то такого. Только не надеялся... Нет, но это всерьез?

— Граф... — сказал Ваня. Прикусил губу и распахнул мокрые ресницы.

Тогда профессор Евграфов толчком встал. И на-

чал превращаться в великана — головой под потолок. И смотрел уже с фантастической высоты — настоящий Могучий Граф, повелитель многих сил во вселенной, соратник великого ВИПа.

Ваня глядел на него не дыша, снизу вверх.

Всесильный дед опять взял телефон. И сказал, укрывая в мягкости интонации незыблемую решимость:

— Ларочка, радость моя... Сейчас ты съездишь с Марго в аэропорт и сдашь Ванин билет... Вот так и сдашь... Да, не полетит... Да нет, совсем не полетит, останется здесь... Что значит «на какой срок»? На какой захочет... Что значит «кто решил»? Он решил, я решил... Мы решили... Ларочка, с мамой его объяснишься сама. Она твоя дочь и должна слушаться родительницу... Умница...

Ваня не верил. То есть верил, но...

— Дед, а что она сказала? Тетя Лара...

Дед улыбнулся, спускаясь из-под облаков к Ване.

— Твоя бабушка иногда умеет быть лаконичной. В юности она учила испанский язык и сейчас ответила: «Муй бьен». Что означает также «ол райт» и «зер гут».

НЕСКОЛЬКО ПОСЛЕСЛОВИЙ

Да, все остальное — уже послесловия.

ПЕРВОЕ

Счастливые дни августа

 потом... Но все эти «потом» почти не касались мальчика Вани Повилики. Это было дело взрослых. «Ох, а как же со школьной формой?»... «А учебники?»... «А документы?»...

«Но Лара... Ты слетаешь в Москву и все там выяснишь, все привезешь. Ты ведь давно хотела побывать в столице»...

«А если здесь в школе другая программа?»...

«Ну, не в Австралии же он оказался!»...

«Я сойду с ума... Имей в виду, если ты не будешь учить уроки и слушаться...»...

«Тетечка Ларочка, я буду!.. Я тебя люблю!.. И не забудь привезти мой тепловозик с рельсами»...

Вся эта суэта была не главной. Даже разговор с мамой оказался не таким трудным, как опасался Ваня.

«Я понимаю... Наверно, я в чем-то виновата перед тобой...»

«Да никто ни в чем не виноват! Все хорошо!»

Главная задача была — не расплескать то большее счастье, которое Ваня носил перед собой, как живую воду в широком блюде. Блюдо похоже было на бронзовый таз для плова (только с запа-

янными дырками), который подарили Герману Ильичу...

Впрочем, не только взрослые заботились о школьных делах шестиклассника Вани.

Лица:

«Герман Ильич, родненький! Ну, громаднейшая просьба! Поговорите с директором, он же вас уважает! Пусть Ваню запишут в тот же класс, где Трубачи и Никель!.. Да, конечно! Не поехал! Да!.. Язык такой же, английский!.. Герман Ильич, я весь год буду мыть ваши кисточки и грунтовать холсты!.. Да ничего я не вру!..»

Последние дни августа оставались очень теплыми, а небо по вечерам было удивительным. С него ручьями катились звездопады...

А теперь — отдельные эпизоды. Как рассыпанные картинки от волшебного фонаря.

Щуплый «диверсант» по кличке Косой как-то снова появился на сеновале Квакера. Его не стали прогонять, хотя поглядывали: шпионит, небось. Но он не шпионил. Они часто разговаривали с Тростиком. Несколько раз парни Рубика ловили Косого в глухих переулках. За это Квакер и Трубачи дважды ловили парней Рубика. Ну, потом как-то все устоялось...

Однажды Квакер пришел к Чикишевым с Матубой, и там пса увидел кот Туркин. Думаете, были шум и драка? Ну да, сперва Туркин шипел и раздувался, но вскоре притих, подошел боком... И смотрите-ка, Матуба уже лижет рыжую кошачью шерсть. И скоро стали такие друзья — каждый день друг к дружке в гости...

И все было хорошо, только однажды Ваню скрутила острая тоска по маме. Мама приснилась ему, и он проснулся в слезах. Давно он так по ней не скучал, с детсадовской поры. Ваня выхватил из-под подушки телефон.

— Мама!.. Это я...

— Господи, что случилось?

Она всегда так говорила, если Ваня звонил неожиданно.

— Ничего не случилось. Просто соскучился...

— Но ведь у вас ночь!

— Ну, я и соскучился ночью... А ты сейчас на теплоходе?

— Да, посреди Карибского моря. Такая красота... Но я по тебе тоже соскучилась... Скажи правду, у тебя все хорошо?

— Совершенно хорошо. Только... знаешь что? Когда вернешься, прилети в Турень, а? Хоть на денек! Тогда будет... еще больше, чем совершенно хорошо... А?

И мама не сказала «нет». Она сказала, что «может быть», что «надо подумать» и «если не будет полного безденежья».

— Ура! — гаркнул на всю туренскую ночь Ваня.

— Сумасшедший! Ты там перебуддишь всех!

— Ма-а! Я тебя обнимаю! Изю всех сил...

— И я тебя... Только я перед тобой все же немного виновата...

— А что случилось? Да нет, ты ни в чем не виновата!

— Дело в том, что я ничего не смогу узнать про Гваделупу. Туда не будет захода, агентство сократило маршрут. Говорят, там активизировался какой-то вулкан. Та самая Матаба или Тутуба... Сейсмическая опасность... Но монетки я тебе достала. Гваделупские, с кораблями...

— Ура!.. — выдал Ваня громким шепотом.

...А на следующий день Тимофей Бруклин сказал:

— Вот что значит совать карандаши в жерла уснувших вулканов...

— Не карандаши, а волшебный ключик, — уточнила Лорка. Ей не нравилось, когда нарушают сказочность.

— Ключик — сначала, а потом толстый карандаш...

— Сам ты толстый, — сказал Ваня гибкому стройному Тиму. — Еще неизвестно, что там такое. Может, это проснулся не Матуба, а Суффриер, он всегда дымит...

— А Матубы, может быть, вообще нет. Просто деревня с таким названием. На склоне Суффриера... — уточнил Никель.

— А скорее всего, это вообще бзя, — вмешался Квакер. У него было хорошее настроение, потому что он отмотался от переэкзаменовки по «нюркамату» (и «Княжна Нюра» даже получила замечание от завуча). — Скорее всего, агентство пудрит мозги туристам, чтобы сократить маршрут и нагреть лапы...

Не исключено, что так оно и было. Но возможно, что сюда снова приложил руку великий ВИП. Чтобы у Ваниной мамы выбрался лишний денек для прилета в Турень...

В то же утро Квакер отобрал половинки ключика у Вани и Лорки. Спаял их и повесил ключик на прежнее место, рядом с Пришельцем. Сказал, что незачем давать глупым младенцам такую игрушку, раз они решили не разъезжаться.

Ваня и Лорка не обиделись. Только Лорка сказала, что это «бзя».

— А еще воспитанная девочка, — укорил Квакер. — Знаешь, как я поступаю с вредными дюймовочками? Кладу на одну ладонь, а другой свер-

ху — плюх! Была трехмерная дюймовочка — станет двухмерная, как тень.

— Бе-е, — сказала Лорка и высунула язык-лопатку. А потом добавила, что у ее бабушки много спелых больших помидоров. Здешнего урожая...

Тростик выменял у соседского мальчишки на свою линзу крупную раковину рапана, привезенную с Черного моря.

— Ну и правильно, — сказал практичный Федя. — Стекло, оно что? Так... А раковина как раз для твоей коллекции.

Похудевший большеглазый Тростик мотнул головой:

— Нет. Отнесем Агейке.

И отнесли раковину Агейке. Положили у плиты в путанице осота и повилики. Это было в первое воскресенье сентября. Все еще трещали кузнечики...

ВТОРОЕ

Диплом

Читателю, видимо, понятно уже, что «Бриг «Артемида», первый роман этой книги (или первая книга этого романа), есть дипломная работа студента Ивана Повилики — из того времени, когда Иван закончил отделение литературного мастерства на Туренском филфаке.

Наиболее придирчивые воскликнут: «Как это может быть?!» Вся книга «Стальной волосок» написана в том самом году, когда Ваня пошел в шестой класс! И дальше пока ничего еще не было! Не могло быть!

Ну, это объясняйте как хотите. Сам Ваня — превращаясь из тощего длинноволосого студента обратно в привычного шестиклассника — разводит руками:

— Сам не знаю, как такое получилось...

И мы не знаем. Но книга-то есть, никуда от этого не денешься...

Кстати, на защите диплома случились некоторые осложнения. Руководитель, профессор Жанников, настаивал на пятерке. То есть на оценке «отлично». Однако Ванин оппонент, профессор Иванов, уперся. Говорил, что в лучшем случае — «жидкая троечка». Потому что работа слабая. Ну, не в смысле стиля и литературных образов, а в своей философии. Мол, там какие-то непонятные взгляды.

— Простите, профессор, в чем непонятные? — спросил Ваня (возможно, чересчур независимо).

— Вы пытаетесь убедить читателей, что придуманные вами события имеют право на ту же оценку, что и реальные факты... А в литературе фантастические измышления всегда ценились меньше, нежели факты, взятые из реальности.

— В самом деле? — удивился Иван.

— Коллега Повилика... — мягко сказал руководитель Жанников.

— Извините, — сказал Ваня.

Профессор Иванов, двинувши вперед бородку-лемех, заявил:

— В вашей так называемой «исторической повести»...

— Это повесть-сказка...

— Потрудитесь не перебивать!.. Придумать можно что угодно. Но во всякой выдумке должна лежать реальная основа. А вы не привели ни одного аргумента, подтверждающего ваш... сюжет.

— Аргументов множество, — возразил Ва-

ня. — Хотя бы история детства профессора Евграфова...

— Мне кажется, не следует козырять своими родственными связями, — оттопырил над бородкой губу профессор Иванов.

— Ну, ладно, — покладисто отозвался Ваня. — Тогда один, совсем свежий аргумент, я не успел приложить его к работе... Мой друг, лейтенант спасательной службы Игорь Григорьев, недавно вернувшийся из училища в наш город на службу, месяц назад ремонтировал свой старинный дом. Под истлевшими обоями он увидел газетную прокладку. Из какой газеты лист, пока неизвестно, однако понятно, что это местная хроника семидесятых годов девятнадцатого века... Если позволите, я процитирую по памяти. Вот что написано на оборванном листе:

«...как стало известно из источников, близких к ученой общественности нашего города, в среду в Турень прибыл академик и профессор Петребургского университета Пэ А Повилика. Он был рад навестить своих старых друзей — капитана Туренского пароходства Гэ Вэ Булатова и мастера-резчика Пэ Ка Григорьева, с которыми в пятидесятых годах участвовал в рейсе по Атлантике. Академик выступил перед учащимися городского училища и рассказал им об этом плавании. Среди слушателей нашелся молодой преподаватель, который несколько вызывающим тоном подверг сомнению факт прохода брига «Артемиды» по проливу Ривьер-Сале на перешейке острова Гваделупа. Он ссыался на утверждения писателя Жюль Верна, что такой проход невозможен.

«Такие сомнения высказывались и ранее, — сообщил Петр Афанасьевич Повилика. — Мне известен инцидент в Севастополе, когда мой знакомый капитан-лейтенант Невзоров вызвал на поединок другого офицера, Малахова, и прострелил ему плечо за то,

что Малахов излагал суждения, напоминающие ваши...» — После чего академик улыбнулся, давая понять, что его слова можно расценивать, как шутку...

— Вы опять козыряете вашими родственными связями, — заявил профессор Иванов.

— Отнюдь, — возразил дипломник Повилика. — Полагаю, мы с академиком просто однофамильцы. Хотя я счел бы за честь считать себя потомком Петра Афанасьевича... А если бы я хотел коснуться нашей фамилии более подробно, то мог бы привести более любопытные факты...

— Например? — спросил руководитель Жанников.

— Если позволите, такой... Когда мне было около двенадцати лет, я посадил в горшок с геранью семечко помидора. Пожалел его и сунул в землю, чтобы не засохло. К осени оно дало росток. Но стал тянуться вверх не томатный побег, а непонятное растение — стебелек с крошечными розово-лиловыми колокольчиками. Моя бабушка Лариса Олеговна воскликнула: «Да это же повилика!» Вьюнок обвился вокруг стебля герани, сросся с ним и образовал единый цветущий куст. Он растет до сих пор, хотите — верьте, хотите — нет. Бабушка называет его помидорно-геранной повиликой... Впрочем, я понимаю, что это не имеет прямого отношения к защите...

— Косвенного тоже, — непримиримо сказал оппонент профессор Иванов.

В комиссии разгорелся спор об оценке. Профессор Иванов был настырен и к тому же состоял в каком-то родстве с проректором по учебной части. Поэтому Ивану Повилике поставили за дипломную работу не «отлично», а «хорошо». Ваня пожал плечами — ему было все равно. Роман «Бриг «Артемида»» готовился к печати уже в двух издательствах и в толстом журнале для детей...

О радугах

Когда Ваню в университетском коридоре шумно поздравили друзья, он отказался пойти в студенческое кафе, чтобы «обмыть» защиту. Он пошел на берег, на обрывы, где густо разрослись молодые клены. Шел и постепенно превращался из дипломника в того, кем был на самом деле — мальчика Ваню, перешедшего в шестой класс. В полинявшем добела футбольном костюме и плетеных башмаках на босу ногу.

А июль превращался в август.

Недавно прошел теплый дождик. Сейчас опять сияло солнце, но листья еще не высохли. Стараясь не задевать веток, Ваня пробрался на крохотную лужайку у самого обрыва. Здесь торчал пенёк от векового тополя. На пне, сдвинувшись плечами, сидели Гриша и Павлушка. Грише предстояло скоро ехать в Тобольск, в гимназию, и они грустили.

— Да хватим вам, — сказал Ваня, садясь сбоку. — У Павлушки тут Соня Лукова, а Гриша... ты выучишь там кучу корабельных наук. А к Рождеству приедешь на каникулы...

— Утешать легко, — насупленно сказал Гриша. — Сам-то забыл уже, как лил слезы, когда чуть не расстался с Лоркой?

— Ну, так что теперь... — пробормотал Ваня. Не знал, как тут возразить...

— Вань-я, а Лорка теперь кто? — примирительно спросил Павлушка.

— Кто *когда*? Сейчас или...

— Когда ты уже студент, — усмехнулся Гриша.

— Вы не поверите! Она окончила театральную школу при драмтеатре и работает в местном ТЮЗе.

Играет Дюймовочку, Буратино, Герду и принцессу Турандот!.. И девочку Женю в новом спектакле «Стальной волосок». Зрители от двенадцати до семидесяти лет влюбляются в нее по уши...

— И ты ть-ерпишь? — хихикнул Павлушка.

— А что делать... Вы думаете, у нас в будущем никаких проблем?

Гриша помолчал и сказал:

— Ладно, ребята. Все равно — все хорошо...

— Потому что *мы есть*, — уточнил Павлушка.

— Да. Потому что *мы были, мы есть, и мы будем всегда*, — слегка назидательно сказал Ваня. Тут же застеснялся этой назидательности и виновато засопел.

— Агейка вчера нам долбил то же самое, — заметил Гриша. — Когда мы качались на досках у шадриковской лесопилки.

Вверху раздался похожий на россыпь колокольчиков смех, и с веток покатались частые капли.

— Агейка, не балуйся! — взвизгнул Гриша. — Вот беспутная голова!

— Иди к нам, — сказал листьям Ваня. — Посидим вместе.

Но опять посыпались капли, прозвучал смех, прошумели сырые ветки.

— Совершенно несносный «гарсон». Фи... — сказал Гриша голосом учительницы французского языка (ее недавно пригласили Максаровы).

— Агейке нь-екогда, — объяснил Павлушка. — Он построил над логом три радуги и катается по ним на мь-едном блюде. Ну, на том, похожем на шит...

23 августа 2008 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Первая часть

САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ

Помидоры	5
Давние времена	16
Полуденный выстрел	26
Трубачи и Никель	42
Орудие по наследству	60
Блик на звездном глобусе	83
Музыка из прошлого	103

Вторая часть

ПОВИЛИКА

Граф	121
Ремка	144
Легенды о капитане Булатове	157
Вода, солнце и фантазии	176
Художник Суконцев	189
Повилика	203
Снова Повилика	222
Золотистый брод	242
Раковина	260
Ключ	279

Третья часть

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

Солнечные часы	287
--------------------------	-----

Саша Юхманов	300
Красные капельки	318
Диверсия	329
Круг друзей	342
Прощание. Вулкан Матуба и Чехов	353
НЕСКОЛЬКО ПОСЛЕСЛОВИЙ	371
<i>Первое. СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ АВГУСТА</i>	371
<i>Второе. ДИПЛОМ</i>	375
<i>Третье. О РАДУГАХ</i>	379

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Крапивин Владислав Петрович

ГВАДЕЛОРКА

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *А. Пучкова*
Корректор *И. Гончарова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 27.01.2009.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 6000 экз. Заказ № 4902091.

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо»

зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ГВАДЕЛОРКА

Эта книга является
второй частью дилогии
«Стальной волосок».

В первой части дилогии,
романе «Бриг «Артемиды»,
рассказывалось о событиях,
происходящих в XIX веке,
«Гваделорка» рассказывает
уже о современных школьниках,
разгадывающих сложные
и запутанные тайны прошлого.

ISBN 978-5-699-33472-8

9 785699 334728 >